

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Чень Сыли

**Социальные и институциональные факторы участия женщин
в формировании политики государства в Китайской Народной
Республике**

Специальность 5.4.5. Политическая социология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Михайлова Ольга Владимировна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ	17
1.1. Модели политического участия женщин в национальных контекстах	17
1.2. Политическое представительство женщин как условие эффективного участия.....	36
1.3. Социальные и институциональные факторы участия женщин в политике	59
ГЛАВА 2. УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ	82
2.1. Институциональные факторы политического участия женщин в Китае.....	82
2.2. Социальные особенности современного китайского общества.....	109
2.3. Становление политического участия женщин в Китае.....	126
2.4. Динамика современного политического участия женщин в Китае..	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
БИБЛИОГРАФИЯ.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопросы равенства мужчин и женщин, а также участия женщин в формировании политики государства являются одной из ключевых проблем современного политического и социального развития. В последние десятилетия на международной арене наблюдается устойчивый рост представительства женщин в органах власти, что можно рассматривать как один из основных социальных трендов. Вместе с тем исследования показывают, что формальное присутствие женщин в политике не всегда сопровождается их реальным влиянием, включая участие в разработке решений, формировании повестки, определении приоритетов развития и механизмов их реализации. В результате сохраняются ограничения для становления женщин самостоятельными политическими акторами.

Китайская модель социального развития характеризуется доминирующей ролью государства в регулировании общественных процессов, что благодаря централизации процесса принятия решений позволяет формировать институциональную основу в различных сферах, включая обеспечение равных возможностей мужчин и женщин в политике. Вместе с тем в современных условиях актуализируются вопросы о характере и пределах политического участия женщин.

Существенное влияние на возможности женщин участвовать в формировании политики оказывают социальные факторы. Даже в условиях модернизации и социально-экономических преобразований эти факторы могут определять уровень политической активности женщин, создавать барьеры для их продвижения во власть и влиять на общественное восприятие женщин как легитимных участников политического процесса.

Взаимодействие институциональных и социальных факторов представляет собой сложный процесс, требующий теоретического осмысления и поиска ответа на исследовательский вопрос о том, каким образом это взаимодействие определяет характер, формы и масштабы участия женщин в формировании политики Китайской Народной Республики.

Степень разработанности темы исследования. Проблема участия женщин в политике имеет длительную историю научного осмысления и занимает важное место в современной политической социологии. В мировой науке ее разработка началась в середине XX века в рамках движения за расширение гражданских и политических прав женщин. Классические работы заложили философские и теоретические основы анализа женского участия в общественной жизни¹. Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию участия женщин в политике связано с работами Ш. Файерстоун, А. Филиппс, Р. Листер, Дж. Ловендуски, К. Миллет, В. Рэндалл и др., сформировавшими понятийный аппарат анализа гендерного представительства, гражданства и политического участия². В дальнейшем эти и другие исследования были дополнены постколониальными, транснациональными и интерсекциональными подходами, акцентирующими внимание на взаимосвязи гендера, нации, культуры и иных структур неравенства³.

В западной научной литературе исследования участия женщин в политике Китая развиваются в рамках междисциплинарных подходов на стыке политической социологии, гендерных исследований и китаеведения. Центральное место занимают работы, исследующие каналы вовлечения женщин в политический процесс: роль партии и государства, представительство женщин в органах власти, локальные электоральные практики, а также механизмы кадрового рекрутирования

¹ Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958; Beauvoir S. de. *Le Deuxième Sexe*, Vol. 1. Paris: Gallimard, 1949; Friedan B. *The Feminine Mystique*. N.Y.: Norton, 1963; Komarovskiy M. *Cultural Contradictions and Sex Roles* // *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 52. No. 3. P. 184-189.

² Millett K. *Sexual Politics*. N.Y.: Doubleday, 1970; Firestone S. *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*. N.Y.: Morrow, 1970; Lovenduski J. *Feminizing Politics*. Oxford: Polity Press, 2005; Randall V. *Women and Politics: An International Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1987; Phillips A. *The Politics of Presence*. Oxford: Clarendon Press, 1995; Lister R. *Citizenship: Feminist Perspectives*. L.: Macmillan, 1997.

³ Mohanty C.T. *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses* // *Boundary 2*. 1984. Vol. 12/13. P. 333-358; Mohanty C.T. *Feminism without Borders: Decolonizing Theory, Practicing Solidarity*. Durham: Duke University Press, 2003; Yuval-Davis N. *Women, Citizenship and Difference* // *Feminist Review*. 1997. No. 57. P. 4-27; Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. L.: Sage Publications, 1997; Ong A. *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*. Durham: Duke University Press, 1999; Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press, 2005; Crenshaw K. *Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics* // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. No. 1. P. 139-167; Collins P.H. *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press, 2019; Hooks B. *Ain't I a Woman: Black Women and Feminism*. Boston: South End Press, 1981; Davis A.Y. *Women, Race & Class*. N.Y.: Vintage Books, 1983; Elgar *Encyclopedia of Gender and Politics*/ed. by Z. Lefkowitz. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2026.

и парламентского представительства⁴. Существенное направление исследований связано с анализом институциональных механизмов и исторических основ формирования гендерной политики в Китае⁵. Современные работы фокусируются на конкретных инструментах политики и практиках их реализации, включая вопросы квотирования, кадрового регулирования и функционирования административной системы⁶. Наряду с этим развиваются исследования социально-структурных детерминант участия женщин в публичной и политической жизни — трансформации рынка труда, миграционных режимов, урбанизации и устойчивых различий между городом и деревней, а также эффектов цифровизации управления⁷.

В российской науке гендерные исследования и анализ политики равенства женщин и мужчин развиваются как междисциплинарное направление, связанное с

⁴ Howell J. Gender, Civil Society and the State in China // *Gender, Politics and the State* / ed. by V. Randall, G. Waylen. L.: Routledge, 1998. P. 166-184; Howell J. Women's Political Participation in China: In Whose Interests Elections? // *Journal of Contemporary China*. 2006. Vol. 15. No. 49. P. 603-619; Jacka T., Sargeson S. Representing Women in Chinese Village Self-government // *Critical Asian Studies*. 2015. Vol. 47. No. 4. P. 477-494; Su F. Gender Inequality in Chinese Politics: An Empirical Analysis of Provincial Elites // *Politics & Gender*. 2006. Vol. 2. No. 2. P. 143-163; Chen M. "Innocent Young Girls": The Search for Female Provincial Leaders in China // *The China Quarterly*. 2022. Vol. 251. P. 751-775; Feng X., Hou Y., Liu M. Underrepresented Outperformers: Female Legislators in the Chinese Congress // *The China Quarterly*. 2024. Vol. 257. P. 59-74.

⁵ Evans H. *Women and Sexuality in China: Dominant Discourses of Female Sexuality and Gender Since 1949*. Cambridge: Polity Press, 1997; Wang Z. *Finding Women in the State: A Socialist Feminist Revolution in the People's Republic of China, 1949-1964*. Berkeley: University of California Press, 2016.

⁶ Wang C., Ma L., Christensen T. Does Leadership Gender Representativeness Improve Policy Outcomes? Evidence from Local Governments in China // *Public Administration*. 2024. Vol. 102. No. 4. P. 1558-1577; Jiang X., Zhou Y. When Socialist Legacy Meets International Norms: Gender Quota Adoption and Institutional Change in China // *Journal of Contemporary China*. 2025. Vol. 34. No. 151. P. 161-180; Song Q., Han L., Lee C. Gender and Bureaucratic Overload in the Grassroots State: Work-Life Choices of Female Civil Servants in Rural China // *The China Quarterly*. 2025. Vol. 263. P. 649-665.

⁷ Ma X. *Female Employment and Gender Gaps in China*. Singapore: Springer Nature, 2021; An L., Qin Y., Wu J., et al. The Local Labor Market Effect of Relaxing Internal Migration Restrictions: Evidence from China // *Journal of Labor Economics*. 2024. Vol. 42. No. 1. P. 161-200; Xu H., Luke N., Short S. E. Women's Political Leadership and Adult Health: Evidence from Rural and Urban China // *Journal of Health and Social Behavior*. 2021. Vol. 62. No. 1. P. 100-118; Chen L., Tang B., Qin J., et al. The Impact of Digital Village Development on Rural Women's Participation in Village Governance in China // *Chinese Political Science Review*. 2025. Vol. 10. P. 412-439; Jacka T. *Women's Work in Rural China: Change and Continuity in an Era of Reform*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Pun N. *Made in China: Women Factory Workers in a Global Workplace*. Durham: Duke University Press, 2005; Herschatter G. *Women in China's Long Twentieth Century*. Berkeley: University of California Press, 2007; Yan Y. *Private Life under Socialism: Love, Intimacy, and Family Change in a Chinese Village, 1949-1999*. Stanford: Stanford University Press, 2003.

проблематикой государственного управления и социальной политики⁸. В рамках данной традиции сформирован корпус работ, посвященных гендерному измерению социальной и политической активности, женскому движению, представительству женщин во власти, а также концептуальным моделям женского политического участия⁹. Российские исследования проблематики женщин и гендерных отношений в Китае развиваются преимущественно в рамках китаеведения, социальной антропологии и социологии и сосредоточены на анализе социального положения женщин, трансформации гендерных ролей, семейных и трудовых практик, а также гендерного равенства в условиях социально-экономических изменений в Китае¹⁰. Отдельные работы российских авторов обращаются к проблеме политического участия в Китае, включая функционирование консультативных и представительных институтов, развитие цифровых каналов обратной связи и

⁸ Григорьева Н.С. Актуальное состояние исследований по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 111-139; Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научн. статей/под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996; Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений (Глава 8) // Социология в России/под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 173-195; Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1(78). С. 3-23; Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 4-12; Овчарова О.Г., Рябова Т.Б. Гендерные аспекты политологических исследований // Современная политическая наука: методология/отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 509-524.

⁹ Айвазова С.Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 121-130; Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 173-183; Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 143-164; Алтынбекова Г. Гендерное измерение политического участия: новые концепции и подходы // Евразийское сообщество: общество, политика, культура. 1999. № 2. С. 69-72.

¹⁰ Ильченко М.В. Особенности социального положения женщины в Китае // Социология. 2019. № 3. С. 127-130; Белова Д.Н. Роль женщин в обществе и культуре Китая // Культура и искусство. 2023. № 6. С. 40-55; Кортелева А.В. Трансформация гендерных стереотипов в китайском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-1. С. 58-60; Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или феминизм в Китае. М.; СПб.: Нестор-История, 2019; Низова Ю.А. Взгляд на гендерное равенство в сфере труда в Китае с точки зрения поколений // Казанский вестник молодых ученых. 2022. Т. 6. № 4. С. 132-141; Женщины в Китае, Кореи и Вьетнаме: от традиционного общества к современному/М.А. Бакланова, А.Л. Верченко, Н.Н. Ким, Э.А. Синецкая, М.А. Сюннерберг; отв. ред. Н.Н. Ким. Москва: Наука, 2019; Новоторкина Д.А. Социальное благополучие женщин в КНР // Уральское востоковедение. 2024. № 14. С. 125-131; Дунаева О.Н. Преодоление насилия в семье в современном Китае. Гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства (часть 1) // Виктимология. 2021. Т. 8. № 3. С. 226-240; Кашина М.А. Модернизация семьи в России и Китае: роль государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140). С. 175-190; Жань Итун. К вопросу о развитии женского образования в современном Китае // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2023. № 3(68). С. 48-52; Си Фуюань. Оценка реализации социальной составляющей устойчивого развития: опыт России и Китая // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 4. С. 425-437.

практики взаимодействия государства и общества на разных уровнях управления¹¹.

Китайские исследователи сосредоточили основное внимание на изучении участия женщин в политике преимущественно в нормативно-институциональной логике и в тесной связи с государственной политикой равенства мужчин и женщин. Одновременно сформировался корпус работ, обобщающих развитие гендерных исследований, а также историю женского движения и практики участия женщин в социально-политической жизни¹². Основной массив работ посвящен изучению форм и каналов политического участия женщин, включая вопросы представительства, публичного участия и механизмов расширения прав и возможностей¹³. Отдельное направление исследований связано с анализом механизмов продвижения женщин в системе управления, включая кадровую

¹¹ Иващенко Т.В. Формы и факторы участия молодежи в политической системе КНР // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4(18). С. 27-39; Любимова В.А. Влияние интернет-опросов на политическое администрирование в КНР // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2(63). С. 62-66; Семенов А.А. Консультации, контроль и обратная связь: роль НПКСК в политической системе Китая // 70 лет современному китайскому государству: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН/отв. ред. А.В. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 151-160; Ткаченко Т.В. Взаимодействие государственных органов и общества в КНР в рамках Регламента об открытой государственной информации: политико-правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Т. 13. № 6А. С. 81-97; Скосырев В.А. Низовая демократия в Китае: подходы к оценке // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 3. С. 108-116; Зайцев А.В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1(3). С. 35-46.

¹² 邓伟志, 吴良蓉. 中国妇女理论研究十年回顾 // 福建论坛(经济社会版). 1990. No. 3. P. 46-48 (Дэн Вэйчжи, У Лянжун. Десятилетний обзор исследований теории о женщинах в Китае // Фуцзяньский форум (экономика и общество). 1990. № 3. С. 46-48); 庄渝霞. 中国性别理论研究综述 // 学术交流. 2005. No. 6. P. 126-128 (Чжуан Юйся. Обзор исследований гендерной теории в Китае // Академический обмен. 2005. № 6. С. 126-128); 李银河. 性别问题, 青岛: 青岛出版社, 2007 (Ли Иньхэ. Гендерные вопросы, Циндао: Издательство Циндао, 2007); 丁娟. 回顾与前瞻: 关于改革开放以来马克思主义妇女理论创新与发展的思考 // 中华女子学院学报. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 5-10 (Динь Цзюань. Прошлое и будущее: размышления об инновациях и развитии марксистской теории о женщинах со времени реформ и открытости // Вестник Китайского женского университета. 2009. Т. 20. № 1. С. 5-10); 李小江. 女性乌托邦, 北京: 社会科学文献出版社, 2016 (Ли Сяоцзян. Женская утопия. Пекин: Издательство социальных наук, 2016); 蔡一平, 杜芳琴. 妇女与社会性别研究史的理论与方法, 长沙: 湖南大学出版社, 2016 (Цай Ипин, Ду Фанцин. Теория и методология истории исследований женщин и социального пола. Чанша: Издательство Хунаньского университета, 2016); 叶文振. 女性学概论, 厦门: 厦门大学出版社, 2020 (Е Вэньчжэнь. Введение в женоведение. Сямынь: Издательство Сямыньского университета, 2020)

¹³ 师凤莲. 当代中国女性政治参与问题研究, 济南: 山东大学出版社, 2011 (Ши Фэнлянь. Исследование проблемы политического участия женщин в современном Китае. Цзинань: Издательство Шаньдунского университета, 2011); 鲍静. 女性参政: 社会性别的追问, 北京: 中国人民大学出版社, 2013 (Бао Цзин. Участие женщин в политике: вопросы гендера. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2013); 牛天秀. 性别正义视域下当代中国女性参政研究, 南京: 南京师范大学出版社, 2013 (Ню Тяньсю. Исследование участия женщин в политике современного Китая в перспективе гендерной справедливости. Нанкин: Издательство Нанкинского педагогического университета, 2013); 杨霞. 当代中国女性公共参与意识培育, 北京: 社会科学文献出版社, 2019 (Ян Ся. Формирование сознания публичного участия женщин в современном Китае. Пекин: Издательство социальных наук, 2019); 郭夏娟. 平等参与中的女性赋权: 参与式性别预算途径, 杭州: 浙江大学出版社, 2023 (Го Сяцзюань. Расширение прав и возможностей женщин в условиях равного участия: подход гендерно-ориентированного бюджетирования участия. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2023)

политику, карьерные барьеры и развитие женского лидерства¹⁴. Нормативные ориентиры и правовые механизмы реализации принципа равенства мужчин и женщин, а также роль массовых организаций в законодательных и консультационных процедурах исследуются через призму государственных программ развития женщин и реформирования ключевых нормативно-правовых актов¹⁵.

Таким образом, несмотря на наличие значительного числа зарубежных, российских и китайских исследований, посвященных гендерным аспектам общественного развития и политического участия в Китае, участие женщин именно в формировании государственной политики остается сравнительно слабо изученным. Это обуславливает необходимость комплексного изучения институциональных и социальных факторов включения женщин в процессы

¹⁴ 国家行政学院课题组. 影响女性领导干部发展的主要因素及对策建议 // 中国妇运. 2015. No. 4. P. 24-26 (Исследовательская группа Государственной академии управления. Основные факторы, влияющие на развитие женщин-руководителей, и предложения по их преодолению // Китайское женское движение. 2015. № 4. С. 24-26); 许晓鹏. 影响女性干部职务晋升的不利因素及破解之策 // 领导科学. 2019. No. 1. P. 99-101 (Сюй Сяопэн. Неблагоприятные факторы, влияющие на продвижение женщин-кадров, и пути их преодоления // Лидерская наука. 2019. № 1. С. 99-101); 田仁来. 新时代创新地方女干部培养选拔工作的思考 // 领导科学论坛. 2024. No. 2. P. 27-30 (Тянь Жэньлай. Размышления о совершенствовании системы подготовки и отбора женщин-кадров на местном уровне в новую эпоху // Форум по лидерским наукам. 2024. № 2. С. 27-30); 徐亮亮. 村干部女性化发生机制研究——基于国家、社会与家庭的三维耦合分析 // 山西农业大学学报(社会科学版). 2025. Vol. 24. No. 6. P. 113-124 (Сюй Лянлян. Механизмы феминизации корпуса сельских кадров: трехмерный анализ взаимодействия государства, общества и семьи // Вестник Шаньсийского сельскохозяйственного университета, (Серия социальные науки). 2025. Т. 24. № 6. С. 113-124); 杨麒君, 郭夏娟. 女性参与基层协商民主的数量代表如何影响实质代表——基于实地实验数据的分析 // 浙江社会科学. 2024. No. 11. P. 38-51 (Ян Цицзюнь, Го Сяцзюань. Как количественное представительство женщин в базовой консультативной демократии влияет на их содержательное представительство: анализ на основе полевых экспериментальных данных // Чжэцзянские социальные науки. 2024. № 11. С. 38-51)

¹⁵ 李明舜. 进一步贯彻落实男女平等基本国策完善相关制度规则 // 中华女子学院学报. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 10-12 (Ли Миншунь. О дальнейшем претворении в жизнь основной государственной политики гендерного равенства и совершенствовании соответствующих институциональных норм // Вестник Китайского женского университета. 2022. Т. 34. № 4. С. 10-12); 郑玉敏. 推动中国法律的性别平等评估机制建立研究 // 山东女子学院学报. 2016. No. 2. P. 76-81 (Чжэн Юйминь. Исследование формирования механизма гендерной экспертизы законодательства в Китае // Вестник Шаньдунского женского университета. 2016. № 2. С. 76-81); 徐家良. 公共政策制定过程: 利益综合与路径选择——全国妇联在《婚姻法》修改中的影响力 // 北京大学学报(哲学社会科学版). 2004. Vol. 41. No. 4. P. 95-102 (Сюй Цзялян. Процесс выработки публичной политики: агрегирование интересов и выбор траекторий — влияние Всекитайской федерации женщин на пересмотр Закона «О браке» // Вестник Пекинского университета (философия и социальные науки). 2004. Т. 41. № 4. С. 95-102); 康晓强. 人民团体与立法协商: 功能结构及其限度——以全国妇联参与《反家暴法》立法为例 // 科学社会主义. 2019. No. 5. P. 136-143 (Кан Сяоцян. Народные организации и законодательные консультации: функциональная структура и ее пределы (на примере участия Всекитайской федерации женщин в разработке Закона «О противодействии домашнему насилию») // Научный социализм. 2019. № 5. С. 136-143); 张永英. 在《妇女权益保障法》修改中强化妇联组织维护妇女权益基本职责的建议 // 中华女子学院学报. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 17-19 (Чжан Юньин. Предложения по усилению базовых обязанностей организаций федерации женщин по защите прав и интересов женщин при пересмотре Закона «О защите прав и интересов женщин» // Вестник Китайского женского университета. 2022. Т. 34. № 4. С. 17-19)

выработки, согласования и реализации государственных решений в современном Китае.

Объект исследования – политическое участие женщин в Китайской Народной Республике.

Предмет исследования – социальные и институциональные факторы, определяющие характер, формы и масштабы участия женщин в формировании политики государства в современном Китае.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать политическую субъектность женщин в современном Китае как акторов процесса формирования политики, а также определить влияние социальных и институциональных факторов на формы и возможности их политического участия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) систематизировать существующие в современной науке теоретические подходы к изучению политического участия женщин, выявить основные концептуальные модели и определить их объяснительный потенциал применительно к китайскому контексту;

2) раскрыть взаимосвязь между политическим представительством женщин и их реальными возможностями участия в политике;

3) теоретически обосновать влияние социальных и институциональных факторов на политическое участие женщин;

4) выявить и охарактеризовать основные направления и механизмы государственной политики Китая, ориентированной на расширение политического участия женщин;

5) исследовать влияние социальных норм и традиционных культурных установок на политическое участие женщин и на восприятие их обществом в качестве легитимных политических акторов в Китае;

6) обобщить количественные и качественные параметры политического участия женщин в Китае и определить каналы их продвижения на ведущие должности в государственных институтах.

Теоретико-методологическая база исследования формируется на пересечении политической науки, политической социологии и гендерных исследований. Теоретическую основу составляют классические и современные подходы к изучению политического участия, гендерного равенства и политического представительства. Методологическую основу исследования составляет комплекс подходов, позволяющих определить характер влияния институциональных и социальных факторов на участие женщин в формировании политики государства. Изучение институциональных факторов основано на положениях классического институционализма и неинституционализма, направленных на исследование формальных и неформальных правил, регулирующих доступ женщин к политической власти. Сравнительный метод используется для детального изучения китайского кейса в контексте теорий гендерного равенства и политического участия. Историко-сравнительный метод применяется для изучения эволюции участия женщин в политике КНР. Используется биографический метод, основанный на изучении карьерных траекторий женщин-политиков.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе комплекса источников. В работе использованы международные (ООН) и национальные нормативно-правовые акты Китая, официальные статистические данные Национального статистического бюро Китая о представительстве женщин в органах власти, партийные материалы и публикации Всекитайской федерации женщин. Привлечены научные исследования, аналитические материалы, публикации СМИ, биографические данные, а также доклады международных организаций и исследовательских центров (ООН-женщины, Всемирный экономический форум, Межпарламентский союз, Проект «Разнообразие демократии»).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) предложена расширенная теоретическая интерпретация политического участия женщин, выходящая за рамки традиционных либеральных трактовок и учитывающая специфику национальных контекстов;

2) уточнена и теоретически обоснована структура политического представительства женщин как многокомпонентного механизма, в котором взаимодействие формальной, описательной, сущностной и символической форм определяет уровень политической субъектности и возможности женщин влиять на политику государства;

3) обосновано комплексное влияние социальных и институциональных факторов на становление политической субъектности женщин и выявлены ключевые механизмы, определяющие характер и масштабы их политического участия;

4) выявлена специфика государственной политики Китая в сфере расширения политического участия женщин, заключающаяся в создании устойчивой системы институциональной поддержки формального равенства мужчин и женщин, однако динамика расширения фактического участия женщин в формировании политики носит поступательный характер, что отражает сложность задачи, связанной с дальнейшим укреплением их роли в государственном управлении;

5) обосновано влияние традиционной китайской культуры и социальных норм на мотивацию женщин к политическому участию и на общественное восприятие их в качестве легитимных акторов процесса формирования политики;

6) обобщены количественные и качественные параметры политического участия женщин в современном Китае, выявлены основные каналы их продвижения на ведущие должности в институтах власти и определены структурные особенности их положения в политике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическая субъектность женщин может рассматриваться как континуум, простирающийся от эмансипационной модели до мобилизационной модели, что отражает множественность форм их политического участия в зависимости от национального контекста. Эмансипационная модель основана на низовой активности, гражданских инициативах и самоорганизации, обеспечивающих переход от индивидуальной свободы к институциональному равноправию. Мобилизационная модель, напротив, предполагает расширение политического

участия женщин по инициативе государства через партийные механизмы и организационный контроль, в рамках заранее заданных функций и задач, связанных с поддержанием социальной стабильности и идеологической консолидации.

2. Участие женщин в формировании политики государства связано с четырьмя формами политического представительства – формальной, описательной, сущностной и символической. Эффективное участие определяется балансом этих форм и зависит от совокупности факторов: открытости общества идее гендерного равенства в политике; легитимности женщин как самостоятельных политических акторов; характера их политической активности не как представителей своей социальной группы, а как равноправного с мужчинами актора политического процесса; уровня общественного признания их компетентности. Конфигурация этого баланса варьируется в зависимости от национального контекста, что обуславливает различия в количественном представительстве женщин и их реальном влиянии на формирование политики.

3. Политическая субъектность женщин формируется под воздействием совокупности институциональных и социальных факторов, определяющих как возможности, так и пределы их включения в политику. Институциональные факторы (избирательная система, гендерные квоты и др.) регулируют доступ к ресурсам власти и каналам политического продвижения, тогда как социальные факторы (гендерные стереотипы, общественное восприятие и др.) формируют общественные установки и определяют степень признания женщин в качестве равноправных политических акторов. Их взаимодействие определяет диапазон участия – от формальной инклюзии без реального влияния до полноценного вовлечения в процессы формирования политики государства.

4. Политическое участие женщин в современном Китае развивается в рамках мобилизационной, институционально координируемой модели, при которой Коммунистическая партия выступает ключевым субъектом, определяющим формы, масштабы и границы политической активности. В последние десятилетия наблюдается расширение представительства женщин, однако существующая

система распределения управленческих полномочий по-прежнему характеризуется иерархичностью, что отражается на уровне их участия на высшем уровне власти. Гендерная политика во многом ориентирована на поддержание стабильности и общественного согласия, одновременно создавая предпосылки для дальнейшего расширения участия женщин в политической сфере.

5. Традиционная культура продолжает оказывать заметное влияние на политическое участие женщин в современном Китае, определяя их мотивационные установки и общественное восприятие их как политических акторов. При этом наблюдается тенденция к расширению политической субъектности среди молодого поколения женщин, свидетельствующая о постепенном изменении гендерных стереотипов. В этом контексте политика Коммунистической партии Китая направлена на гармоничное сочетание традиционных социальных ориентиров с задачами расширения и усиления участия женщин в общественно-политической жизни.

6. Политическое участие женщин в Китае развивается в рамках мобилизационной модели в направлении управляемой инклюзии, реализуемой через институциональные механизмы кадрового отбора и внутрипартийной подготовки. Данная модель обеспечивает рост количественного представительства и профессионального уровня женщин в политике, однако не сопровождается сопоставимым увеличением их влияния на формирование политики государства. В результате наблюдаются некоторые расхождения между институциональным присутствием женщин и их реальной политической субъектностью.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении научного понимания роли женщин в процессе формирования политики государства на примере Китайской Народной Республики. В работе выявлена и теоретически обоснована китайская модель политического участия женщин, проведено ее сравнение с мировыми практиками в этой области. Полученные выводы способствуют расширению теоретического содержания категории политического участия за счет учета национальных особенностей функционирования политических систем. Особое значение имеет выявление соотношения

универсальных и специфических механизмов участия женщин в политике, а также анализ влияния социальных и институциональных факторов на формирование политической субъектности женщин.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования социальных программ, направленных на повышение эффективности участия женщин в политике. Результаты могут также стать основой для разработки рекомендаций по оптимизации политики в отношении женщин и повышению уровня политической инклюзивности. Кроме того, выводы данного исследования могут быть применены в деятельности общественных организаций и образовательных учреждений, занимающихся вопросами гендерного равенства и социальной справедливости, а также при подготовке стратегических документов при формировании просветительских программ для женщин.

Апробация исследования. Основные теоретические и практические результаты исследования отражены в выступлениях на научно-практических конференциях (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2022 г., 2024 г., 2025 г., 2026 г.); XIV Всероссийская научно-практическая конференция научных, научно-педагогических работников и аспирантов «Управление в современных системах» (Челябинск, 2024 г.); Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration (Пекин, 2025 г.); XXII Международная конференция «Государственное управление в условиях новых вызовов» (Москва, 2025 г.).

Публикации автора по теме исследования. По теме исследования автором опубликовано 8 научных работ, общим объемом 5,11 п.л. (из них авторский вклад – 4,71 п.л.), в том числе 6 статей, общим объемом 3,93 п.л. (из них авторский вклад – 3,53 п.л.), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Чень С. Политическое участие женщин в китайском культурном ареале: сравнительный анализ материкового Китая, Тайваня, Гонконга и Макао // Вопросы политологии. 2026. Т. 16. № 4(128). С. 1536-1545. (0,6 п.л.).
2. Чень С. От парадных залов правительства до скромных деревенских жилищ: социальный профиль женского политического представительства в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2026. Т. 32. № 2. С. 222-238. (0,93 п.л.).
3. Чень С. Рост женского политического лидерства: примеры из практики Китая // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 6(118). С. 2566-2574. (0,44 п.л.).
4. Чень С., Михайлова О.В. «Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 152-160. (0,8 п.л., личный вклад – 0,4 п.л.).
5. Чень С. Решение проблем дискриминации женщин в современном Китае // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 142-149. (0,58 п.л.).
6. Чень С. Экстраполяция традиционных взглядов на женщин в Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 221-232. (0,77 п.л.).
7. Чень С. Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7(95). С. 3349-3357. (0,52 п.л.).
8. Чень С. Символы женской власти и влияния: исследование от Анны Стюарт до Хиллари Клинтон // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т.13. № 6(99). С. 2546-2553. (0,47 п.л.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 5.4.5. Политическая социология:

- П. 9. Механизмы функционирования социально-политических систем.
- П.11. Политическое представительство как основа властных отношений современных государств.

П.13. Политическая стратификация в современных обществах.

П.15. Формы и способы политического поведения и участия.

П.23. Особенности политической социализации в различных социальных и возрастных группах общества.

Структура и объем диссертации. Цель и задачи диссертационного исследования определили содержание и структуру работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 427 источников, в том числе 366 наименования на китайском и английском языках. Общий объем текста диссертации составляет 220 страниц машинописного текста, включает 11 таблиц, 14 рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ

1.1. Модели политического участия женщин в национальных контекстах

Политическое участие является основной характеристикой демократического общества и означает, что граждане страны имеют право голоса и участвовать в управлении государством. Политическому участию уделяется пристальное внимание, потому что демократии основаны на эгалитарном принципе организации общественных отношений, или равенстве всех членов общества в правах и возможностях, отсутствии иерархии, доминирования одних социальных групп над другими. Многие века общества строились на элитарных основаниях, и только аристократия имела доступ к властному ресурсу, другие социальные группы не имели возможности участвовать в политике и процессе принятия решений об управлении общественными ресурсами.

Борьба за расширение прав и возможностей – это длительный процесс, связанный с формированием социальных движений, выдвижением требований к власти по искоренению дискриминации по признакам пола, расы, этнической, религиозной принадлежности и иным характеристикам. Этот процесс до сих пор не завершен в политике, и женщины как социальная группа добились признания равных с мужчинами политических прав (право избирать и быть избранной, право участвовать в управлении делами государства и др.), но до сих пор не добились равных с мужчинами возможностей участвовать в формировании политики государства, реально влиять на процесс принятия важных общественно значимых решений. Проявляется это, прежде всего, в том, что численность женщин на лидерских позициях в политике (должности президентов, премьер-министров, министров) все еще остается очень низкой, представленность в нижних палатах парламентов и однопалатных парламентах все еще не достигает порогового значения, установленного Организацией Объединенных Наций (30%) в

большинстве стран мира, включая классические демократии. И сами женщины, и правительства стран до сих пор предпринимают значительные усилия для сглаживания объективно существующего гендерного неравенства.

При этом следует отметить, что в разных странах мира политическое участие граждан имеет разное смысловое наполнение в силу различий политических систем и контекста, что влияет на возможности женщин расширять свои позиции в политике, а также на меры, которые принимает государство, чтобы содействовать расширению политического представительства женщин. В этом отношении Китайская Народная Республика (КНР) представляет собой важный исследовательский кейс, потому что, с одной стороны, это государство, претендующее на влиятельные позиции в мировом сообществе, что мотивирует правительство принимать во внимание действующие международные стандарты в разных сферах и стремиться к улучшению позиций страны в рейтингах, а это способствует укреплению международного престижа КНР. С другой стороны, политическая система Китая принципиально отличается от политических систем западных государств, и политическое участие граждан, их возможности влиять на формирование политики сильно различаются, в том числе и для женщин.

В западной науке политическое участие как научное понятие стало предметом обсуждения исследователей в 1960-е гг. в работах американских ученых. С. Верба с соавторами определили его как легальную форму влияния граждан на отбор представителей государства и их действия¹⁶. Главная особенность этого подхода в акценте на легальности способов влияния граждан на власть, авторы не включают иные способы коммуникации и ограничиваются исключительно опытом демократических государств. Впоследствии другие авторы стали расширять и уточнять содержание этого понятия, выходя за рамки государства и утверждая, что оно может быть направлено и на другие формальные и неформальные организации,

¹⁶ Verba S., Nie N.H., Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

связанные с политикой¹⁷. Например, ван Дет следующим образом широко очертил границы политического участия:

- 1) политическое участие связано с действием, то есть это не пассивное наблюдение, а активная вовлеченность в политическую жизнь;
- 2) политическое участие должно быть добровольным, не должно сопровождаться принуждением или обязанностью;
- 3) политическое участие осуществляется рядовыми гражданами, не связанными с политикой профессионально, то есть деятельность чиновников, политиков, лоббистов не включается в эту категорию;
- 4) политическое участие предполагает коммуникацию с государственными и политическими институтами или косвенное воздействие на них;
- 5) если деятельность граждан не соответствует критериям добровольности и непрофессиональности участия, то она может быть квалифицирована как политическое участие при условии, что направлена на решение общественно значимой проблемы;
- 6) если деятельность не соответствует ни одному из вышеперечисленных критериев, то она признается политическим участием, если отражает политические цели и конкретные интересы участников¹⁸.

Заметим, что каким бы широким ни было это определение, оно раскрывает содержание внешней по отношению к государству деятельности граждан, подчеркивает, что они имеют права и возможности влиять на принимаемые решения, но не являются при этом действующими политиками: «участие означает действия, посредством которых рядовые члены политической системы влияют или пытаются повлиять на ее результаты»¹⁹. К такой деятельности относится: участие в выборах, политическое потребление, членство или активное участие в политических институтах, протестная активность, контакты с представителями

¹⁷ Parry G., Moyser G., Day N. Political Participation and Democracy in Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

¹⁸ Van Deth J.W. A Conceptual Map of Political Participation // Acta Politica. 2014. Vol. 49. P. 349-367.

¹⁹ Nagel J.H. Participation. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1987. P. 1.

власти²⁰. Все эти формы политического участия на сегодняшний день доступны женщинам в демократических и демократизирующихся странах.

Специфика политического участия в Китае проявляется в том, что формы коммуникации между обществом и государством отличаются от западных моделей, что накладывает определенные рамки на активность всех категорий граждан, включая женщин: у граждан существенно меньше возможностей для использования различных форм политического участия²¹. Если в западных системах политическое участие часто нередко с конфронтацией (протесты, бойкоты и пр.) или электоральной конкуренцией, то в китайской политике – со сближением позиций общества и государства, причем инициатива и управленческие рычаги находятся в руках партии. В целом представляется возможным заключить, что китайская политическая модель характеризуется более тесным взаимодействием граждан с государственными структурами через партию. В свою очередь, Коммунистическая партия Китая (КПК), в отличие от западных партий, располагает возможностями мобилизации граждан для осуществления управления, а также может обеспечивать принудительное участие граждан в различных акциях, что обеспечивает значительный эффект. Однако западные ученые однозначно оценивают такую практику взаимодействия с обществом как авторитарную, которая не соотносится с реальной возможностью граждан участвовать в политике²².

Противопоставляя обязывающее участие в Китае добровольному участию на Западе, мы можем обоснованно поставить вопрос о степени самостоятельности граждан в выражении собственных позиций. В западной политике организованные группы интересов, лоббисты и политические партии используют различные

²⁰ Teorell J., Torcal M., Montero J.R. Political Participation: Mapping the Terrain // *Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis* /ed. By J.W. van Deth, J.R. Montero, A. Westholm. L.: Routledge, 2007. P. 334-357.

²¹ Shi T. Political Participation in Beijing. Cambridge: Harvard University Press, 1997; He B., Warren M.E. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // *Perspectives on Politics*. 2011. Vol. 9. P. 269-289.

²² Distelhorst G. The Power of Empty Promises: Quasi-Democratic Institutions and Activism in China // *Comparative Political Studies*. 2017. Vol. 50. P. 464-498; Benewick R. Tong I., Howell J. Self-governance and Community: A Preliminary Comparison between Villagers' Committees and Urban Community Councils // *China Information*. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 11-28; Zhou X. The Logic of Governance in China: An Organizational Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

технологии для мобилизации активного вовлечения граждан в протесты и манифестации, нередко навязывая им повестку или проблемы. Например, известна такая технология, как астротурфинг, или попытка создать впечатление широко распространенной поддержки какого-либо события или проблемы. В этом случае участие граждан управляется специалистами, оно является навязанным, искусственным, имитацией того, что граждан действительно интересуют какие-то проблемы и существуют серьезные претензии к властным структурам.

Развитие интернет-коммуникаций актуализировало вопрос о политическом участии в онлайн-среде. В этой связи возникли споры между исследователями о том, является ли онлайн-политическое участие разновидностью традиционного политического участия или это самостоятельный тип политического участия. С позиций одних исследователей интернет-активизм представляет собой модель политического участия, транслируемую из офлайн-мира²³. С позиций других – это новый тип политического участия, который не практикуется в офлайн-мире (целевая рассылка политических сообщений, политически мотивированное хакерство и пр.)²⁴. В рамках данного подхода активность в социальных сетях интерпретируется как полноценная форма политического участия. Ученые также обращают внимание, что для молодого поколения именно онлайн-политическое участие является наиболее привлекательным²⁵. Однако и в западных странах, и в Китае оно привлекает внимание государства, которое научилось его ограничивать²⁶.

В исследованиях партийно-государственных режимов все чаще подчеркивается необходимость расширить понятие политического участия и учитывать институционально организованные формы включения граждан в политику. В частности, исследователи предлагают не ограничивать трактовку политического

²³ См., например, Rojas H., Puig-i-Abril E. Mobilizers Mobilized: Information, Expression, Mobilization and Participation in the Digital Age // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. Vol. 14. P. 902-927.

²⁴ См., например, Dayican B. Online Political Activities as Emerging Forms of Political Participation: How Do They Fit In The Conceptual Map? // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49. No. 3. P. 342-346.

²⁵ Theocharis Y., De Moor J., Van Deth J.W. Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation // *Policy & Internet*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 30-53; Vitak J., Zube P., Smock A., et al. It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2011. Vol. 14. No. 3. P. 107-114.

²⁶ Yang G. The Power of the Internet in China: Citizen Activism Online. N.Y.: Columbia University Press, 2009; Parvin P. Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era // *Res Publica*. 2018. Vol. 24. P. 31-52.

участия исключительно действиями граждан, а учитывать тот факт, что в Китае политическая партия контролирует социальные процессы и использует свои мобилизационные возможности для организации политической активности граждан. В частности, важную мобилизационную роль играет коммунистическая идеология, которая является неотъемлемой составляющей образовательного процесса в Китае, и по этой причине процесс обучения справедливо будет считаться политическим участием. Регулярно получая политическую информацию в образовательном учреждении, граждане погружаются в политический контекст, у них формируется позиция в отношении тех или иных проблем, понимание их причин и способов решения²⁷. Аналогичным образом граждане в западных странах формируют свои политические установки под влиянием информационного давления со стороны той или иной политической партии.

Таким же образом просмотр информационных телевизионных программ китайские исследователи рассматривают как разновидность политического участия, потому что СМИ распространяют правительственную повестку, вовлекают зрителей в политический контекст и стимулируют конкретные формы политической активности²⁸. В противоположность западным исследователям, которые склонны рассматривать получение информации из СМИ лишь как форму пассивного политического поведения, не ведущую к реальному действию, в китайском научном дискурсе СМИ нередко понимаются как важный инструмент формирования политической идентичности и мобилизации граждан. В условиях «эпохи всеобщих медиа» государственные институты посредством СМИ способны не только транслировать ценности, но и стимулировать участие граждан в желаемых формах политической активности, что позволяет трактовать медиапотребление как поддерживающую политическую активность²⁹.

²⁷ Zeng J. The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion. L.: Palgrave Macmillan, 2015; Liu X., Zhao X., Starkey H. Ideological and Political Education in Chinese Universities: Structures and Practices // *Asia Pacific Journal of Education*. 2023. Vol. 43. P. 586-598.

²⁸ Wu G. Command Communication: The Politics of Editorial Formulation in the People's Daily // *The China Quarterly*. 1994. Vol. 137. P. 194-211.

²⁹ Tsai W.H., Liao X. A Mechanism of Coded Communication: Xinwen Lianbo and CCP Politics // *Modern China*. 2021. Vol. 47. P. 569-597.

Отметим, что ранние определения политического участия *акцентировали внимание на формах и способах мобилизации граждан во взаимодействии с государством*. Независимо от географического региона длительное время исследователями не признавалось значение пола и гендера в политике. Самые ранние исследования политического участия, проводившиеся в Европе и США в 1920-е – 1930-е гг. в основном демонстрировали, что мужчины чаще голосуют, чем женщины³⁰. Более поздние исследования разных форм политического участия учитывали только такие характеристики, как раса, класс, религия, а пол и гендер как важные детерминанты стали учитываться только во второй половине XX века. Например, в исследовании Б. Берельсона, П. Лазерфельда и У. Макфи изучалась роль разных социальных групп в поддержке политических партий на президентских выборах в США 1948 г. в штате Нью-Йорк. Для ученых важными стали такие параметры, как социальный класс, возраст, религиозная принадлежность (католик/протестант), которые рассматривались как основные идентичности, влияющие на поддержку Республиканской и Демократической партий. Влияние пола и гендера признавалось только в том смысле, что женщины менее политизированы, чем мужчины, а также имеют более слабую классовую идентичность и больше склонны голосовать за республиканцев³¹. Такие авторитетные исследователи, как, например, С. Липсет³², Г. Алмонд³³ или С. Верба³⁴ использовали пол как важную переменную при изучении электорального поведения. Но их общий вывод сводился к тому, что во всех изученных ими странах политическая активность мужчин выше, чем женщин.

Однако ситуация начала постепенно меняться, в США было проведено первое эмпирическое исследование, которое выявило связь между политическими

³⁰ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting: Causes and Methods of Control. Chicago: University of Chicago Press, 1924.

³¹ Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. Voting: A study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago: University of Chicago Press, 1954.

³² Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. N.Y.: Doubleday, 1960.

³³ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

³⁴ Verba S., Nie N.H., Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

предпочтениями и явкой на выборы у мужчин и женщин³⁵. М. Дюверже в своем исследовании сравнивал мужчин и женщин как избирателей и как действующих политиков³⁶. Благодаря стремительному развитию социальных наук уже в 1970-е гг. изучение особенностей политического участия женщин стало одним из важных направлений политической науки. Этому способствовало появление научных работ, в которых женщины целенаправленно изучались как избиратели, активистки, политики³⁷. Но исследователи обнаруживали аналогичные тенденции в политическом участии, например, женщины менее вовлечены в протестную активность, чем мужчины³⁸.

В 1980-е гг. исследователи зафиксировали изменения в политическом участии женщин, что связали с улучшением качества их жизни, которое повысило явку на выборы и желание голосовать. В 1990-х гг., в частности в США, разрыв в явке на выборы между мужчинами и женщинами практически исчез, однако активность женщин на электоральной арене в качестве активисток, их участие в протестной активности и деятельности политических организаций не увеличилась³⁹. В других странах исследователи фиксировали следующие гендерные различия в политическом участии: более низкий уровень политической грамотности среди женщин, их меньший интерес к политике, коллективным действиям и участию в политических дискуссиях⁴⁰. Вопрос о причинах сохраняющегося разрыва в политическом участии мужчин и женщин, несмотря на существенное изменение качества жизни и благосостояния женщин, сохраняется до сих пор⁴¹.

³⁵ Tingsten H. *Political Behavior: Studies in Election Statistics*. N.J.: Bedminster Press, 1963.

³⁶ Duverger M. *The Political Role of Women*. Paris: UNESCO, 1955.

³⁷ Amundsen K. *The Silenced Majority: Women and American Democracy*. N.J.: Prentice Hall, 1971; Diamond I. *Sex Roles in the State House*. New Haven: Yale University Press, 1977; Baxter S., Lansing M. *Women and Politics: The Invisible Majority*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981.

³⁸ Barnes S.H., Kaase M. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hill: Sage Publications, 1979.

³⁹ Burns N. *Gender: Public Opinion and Public Action // Political Science. The State of Discipline*/ed. by I. Katznelson, H.V. Milner. N.Y.: Norton, 2002. P. 462-487.

⁴⁰ Pattie C., Seyd P., Whiteley P. *Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

⁴¹ Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Большое влияние на рост внимания исследователей к политическому поведению оказали феминистские теории, которые позволили критически переосмыслить устоявшиеся представления о политике как «мужской сфере». Гендерный подход выявил системное неравенство в политическом представительстве и предложил рассматривать участие женщин не только как количественный, но и как качественный показатель демократизации политической системы. В результате акцент сместился от анализа электоральной активности к изучению женщин как субъектов политической воли, способных влиять на формирование повестки и функционирование институтов власти ⁴². Однако последующее развитие гендерного подхода в политической науке проходило неодинаково в разных странах.

Национальная специфика контекстов определяла степень включенности гендерного анализа в политологический дискурс. Например, развитие гендерной теории в России сопровождалось методологической и терминологической неоднородностью, а также частичным вытеснением политического содержания на фоне роста консервативных тенденций, что привело к маргинализации гендерных исследований и ограничению их критического потенциала ⁴³. Ограниченность теоретико-методологической базы напрямую отражается и на государственном уровне гендерной политики. Как подчеркивает Н.С. Григорьева, в начале 1990-х гг. гендерное равенство стало одним из направлений государственной социальной политики в России. Формирование национального механизма обеспечения равных прав и возможностей женщин происходило под влиянием международных обязательств и правовых норм⁴⁴.

На этом фоне особенно показательно сопоставление западной и китайской моделей включения женщин в политический процесс. Различия в национальных

⁴² Millett K. *Sexual Politics*. N.Y.: Doubleday, 1970; Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press, 1988; Squires J. *Gender in Political Theory*. Cambridge: Polity Press, 2000; Lovenduski J. *Feminizing Politics*. Oxford: Polity Press, 2005; *The Oxford Handbook of Gender and Politics*/ed. by G. Waylen, K. Celis, J. Kantola, S.L. Weldon. N.Y.: Oxford University Press, 2016.

⁴³ Воронина О.А. Теоретические, эмпирические и политические аспекты гендерных исследований в России // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 2. С. 84–92.

⁴⁴ Chubarova T, Grigorieva N. International knowledge transfer and Russian social policy: The case of gender mainstreaming // *Global Social Policy*. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 96-116.

контекстах определяют не только степень востребованности гендерного анализа, но и характер включения женщин в политический процесс. В западных странах этот процесс носил преимущественно эволюционный характер и развивался в русле ценностей свободы, равноправия и низового политического участия. Женщины завоевывали политическое пространство через борьбу за избирательные права, участие в общественных движениях, что обеспечило постепенное институциональное закрепление их субъектности и признание женщин в качестве легитимных субъектов политики.

Исторически борьба за участие женщин в политике началась в западных странах в конце XIX века с движения суфражисток, которые первоначально требовали предоставления права голоса. Это движение отличалось от страны к стране, но его участники разделяли общие цели по оспариванию господствующих социальных норм и дискриминационной практики исключения женщин из политической жизни⁴⁵. Низовые феминистские движения, возглавляемые женщинами, многие годы воздействовали на мужчин-политиков, чтобы они принимали законы, расширяющие права женщин в политике. Активисты движения использовали разные стратегии, включая демонстрации, акции гражданского неповиновения, лоббизм, что помогло им достичь поставленной цели⁴⁶. Например, Новая Зеландия в 1893 г. стала первой страной, предоставившей женщинам избирательные права. Уникальность этой страны состоит в том, что ее называли «краем мужчин», куда на протяжении десятилетий ссылали преступников. В 2020 г. в этой стране был созван парламент, который стал самым инклюзивным в мире, а в 2023 г. достигнут гендерный паритет в правительстве. Во многом благодаря исторической памяти об этой борьбе, женщины в западных странах дорожат с таким трудом завоеванными политическими правами.

⁴⁵ См., например, История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV. Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до Второй мировой войны / под ред. Ж. Фрассе. СПб.: Алетейя, 2015; Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 44-50.

⁴⁶ Alexander A.C. Change in Women's Descriptive Representation and the Belief in Women's Ability to Govern: A Virtuous Cycle // Politics & Gender. 2012. Vol. 8. No. 4. P. 437-464.

В противоположность этому в Китае политическое участие женщин развивалось в рамках марксистско-социалистической идеологической парадигмы, в которой вопрос равноправия рассматривался как элемент общей политики социальных преобразований. В первые десятилетия существования КНР данная парадигма формировалась под влиянием советского опыта и закреплялась не только на уровне идеологии, но и через практики кадровой политики, а также посредством публикаций и медиапропаганды⁴⁷. Так, Цай Чан (видный деятель Коммунистической партии Китая и лидер женского движения) во время обучения в СССР изучала практики работы с женщинами и детьми, а также положения советского «Трудового кодекса», касающиеся женщин-работниц. После возвращения в Китай она опубликовала статьи «Русская революция и женщины», «Женщины и дети в Советском Союзе» и др., знакомя читателей с изменениями в производственной и повседневной жизни советских женщин⁴⁸.

В более широком идеологическом плане, начиная с Мао Цзэдуна, который провозгласил, что «женщины держат половину неба»⁴⁹, включение женщин в трудовую и политическую сферу рассматривалось как часть государственной стратегии модернизации и мобилизации трудовых ресурсов. Вместе с тем прямое копирование советской модели имело ограничения: приоритет городских работниц, подчинение гендерной повестки задачам классовой борьбы и трактовка женского участия как вспомогательной силы революции. Накопление противоречий, обусловленных различиями социальной структуры и устойчивостью культурных

⁴⁷ 臧健. 苏联对中国性别平等的影响——以 20 世纪 50 年代为例 // 妇女研究论丛. 2008. No. 2. P. 72-78. (Цзан Цзянь. Влияние Советского Союза на гендерное равенство в Китае: на примере 1950-х годов // Исследования по проблемам женщин. 2008. № 2. С. 72-78.)

⁴⁸ 陈步云, 徐士青. 妇女发展与社会进步: 浙江妇女研究, 杭州: 浙江工商大学出版社, 2022. P. 18-19. (Чэнь Бу-юнь, Сюй Шицин. Развитие женщин и прогресс общества: Исследование женщин Чжэцзяна. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета промышленности и коммерции, 2022. С. 18-19.)

⁴⁹ Происхождение выражения «женщины держат половину неба» остается неопределенным: в собраниях трудов Мао Цзэдуна оно не зафиксировано. Раннее официальное упоминание образа «женщина держит половину неба» встречается в газете «Жэньминь жибао» от 16 мая 1956 г. как народная пословица. Таким образом, хотя непосредственный источник выражения остается неопределенным, его широкое распространение оказалось тесно связано с идеологическими призывами Мао Цзэдуна.

норм, показало ограниченность прямого заимствования и стимулировало переход к стратегии, адаптированной к национальным условиям⁵⁰.

Данные различия требуют обращения к особенностям политической системы Китая. В отличие от западных стран, где расширение прав женщин происходило преимущественно в результате низовой мобилизации, в Китае этот процесс реализовывался при активной роли государства и КПК. Политический процесс в Китае определяется не межпартийной конкуренцией, как в большинстве западных демократий, а длительным доминированием одной партии. В этих условиях государство выступает ключевым субъектом модернизации, формируя не только политические решения, но и базовые социальные механизмы. До 1978 г. (до начала политики реформ и открытости) в Китае существовала высокоцентрализованная плановая экономическая система, а последующие реформы затронули системы занятости, социального обеспечения и распределения доходов⁵¹.

Идеологической основой данной модели выступает марксистская теория, в рамках которой неравенство мужчин и женщин трактуется как следствие классовых отношений и частной собственности. Согласно Ф. Энгельсу, подчиненное положение женщин определяется производственными отношениями, коренящимися в частной собственности и патриархате⁵². Эти положения были восприняты и развиты в рамках политики КПК, где гендерное равенство включается в повестку социально-экономического развития и социальной гармонии⁵³.

В то же время руководители КПК, такие как Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин, последовательно обращались к вопросам освобождения женщин и их развития, что способствовало формированию теоретических

⁵⁰ 何黎萍. 二十世纪初苏俄妇女解放观在中国的传播与影响 // 中共党史研究. 2012. No. 12. P. 78-87. (Хэ Липинь. Распространение и влияние представлений об освобождении женщин в Советской России в Китае в начале XX века // Исследования по истории Коммунистической партии Китая. 2012. № 12. С. 78-87.)

⁵¹ Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества/ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Нов. хронограф, 2012.

⁵² Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. Stockton: University Press of the Pacific, 2001.

⁵³ 宋静静. 马克思主义妇女观的形成、实践及时代价值研究, 佳木斯大学社会科学学报. 2023. Vol. 41. No. 6. P. 17-23. (Сун Цзинцзин. Исследование формирования, практики и современной ценности марксистского взгляда на женщин // Вестник социальных наук Цзямусского университета. 2023.Т. 41. № 6. С. 17-23.)

оснований концепции гендерного равенства с китайской спецификой в рамках социалистической парадигмы⁵⁴. Вместе с тем ряд исследователей отмечает, что в некоторых сферах публичной политики сохраняется формально гендерно-нейтральный характер, который при отсутствии гендерного подхода приводит к воспроизводству скрытых форм неравенства⁵⁵. Следовательно, политика гендерного равенства КПК укоренена в марксистской традиции, тогда как практические результаты во многом определяются качеством и степенью институционализации конкретных механизмов реализации.

Социалистические ценности преодолевают традиционные гендерные стереотипы и продвигают такие ключевые принципы, как человечность, справедливость, гармония, демократия и верховенство закона. Эти принципы формируют ценностную основу политики гендерного равенства⁵⁶. Признавая важность равных возможностей мужчин и женщин в образовании, политическом участии и экономических правах, социалистическая концепция способствует развитию гендерного равенства. А реализация равенства мужчин и женщин на практике способствует воплощению этого принципа, делая его конкретной частью социальной жизни⁵⁷.

В то же время сравнительный анализ показывает, что даже при наличии нормативного закрепления принципа равноправия и развитых государственных механизмов его реализации гендерное равенство в политической практике может сохранять частично декларативный характер. Это связано с устойчивостью

⁵⁴ 邓小平. 邓小平文选 第一卷. 北京: 人民出版社, 1994. Р. 247-252. (Дэн Сяопин. Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. 1. Пекин: Народное Издательство, 1994. С. 247-252.); 江泽民. 江泽民文选 第一卷. 北京: 人民出版社. 2006. Р. 106-107. (Цзянь Цзэминь. Избранные произведения Цзянь Цзэминя. Т. 1. Пекин: Народное издательство, 2006. С. 106-107.); 胡锦涛. 胡锦涛文选 第一卷. 北京: 人民出版社, 2016. Р. 351-358. (Ху Цзиньтао. Избранные произведения Ху Цзиньтао. Т. 1. Пекин: Народное издательство, 2016. С. 351-358); 习近平. 论坚持党对一切工作的领导. 北京: 中央文献出版社, 2019. Р.285-287. (Си Цзиньпин. О соблюдении руководства партии во всех сферах деятельности. Пекин: Издательство центральных документов, 2019. С. 285-287.)

⁵⁵ Ян Кэ. Гендерное сознание в публичной политике Китая // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Казакова. Минск: БГУ, 2021. С. 476-483.

⁵⁶ 刘明翔. 社会主义核心价值观引领先进性别文化建设研究 // 广东经济. 2017. No. 2X. Р. 259-260. (Лю Минсян. Исследование роли основных социалистических ценностей в продвижении прогрессивной гендерной культуры // Экономика Гуандуна. 2017. № 2X. С. 259-260.)

⁵⁷ 李渺. 从社会主义核心价值观解读“男女平等” // 昌吉学院学报. 2015. No. 1. Р. 1-6. (Ли Мяо. Интерпретация «равенства мужчин и женщин» с позиции основных социалистических ценностей // Вестник Чанцзиского университета. 2015. № 1. С. 1-6.)

традиционных норм, а также с неравным доступом женщин к ресурсам и каналам политического влияния⁵⁸.

Данная логика согласуется с более широкой стратегией социально-экономической модернизации, в рамках которой гендерное равенство рассматривается как один из факторов устойчивого развития⁵⁹. В этой связи политика гендерного равенства в Китае направлена на интеграцию женщин в экономическую, политическую и культурную сферы и реализуется посредством государственных гарантий и механизмов распределения ресурсов.

Эволюция исследовательских подходов к женской проблематике в Китае позволяет шире поставить вопрос о том, каким образом формировались интеллектуальные и институциональные основания анализа политического участия женщин. Отправной точкой для формирования интереса к женской тематике в Китае традиционно считают «Движение 4 мая 1919 г.», которое заложило интеллектуальные основания для критики конфуцианской традиции, обращения к западным идеям и переосмысления положения женщин. Результатом этого поворота стало появление первых публикаций, предлагавших новый взгляд на историю женщин. Так, опубликованная в 1928 г. «История жизни китайских женщин» рассматривается как одно из первых произведений современной китайской женской историографии: в предисловии автор подчеркивал необходимость по-новому прочитывать исторические материалы и увидеть историю жизни китайских женщин, тем самым соединяя научный анализ с задачами тогдашнего движения за освобождение женщин⁶⁰.

Кроме того, важным стало не только появление нового дискурса о женщинах, но и то, каким образом в различные исторические периоды рассматривался сам женский вопрос. Как отмечает Э. Синецкая, в первые десятилетия после 1949 г. это понятие интерпретировалось преимущественно в рамках марксистско-

⁵⁸ Беликова М.В., Латинов Г.И. Современная гендерная политика в России и Китае // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 151-161.

⁵⁹ Sun S., Chen F. Reprivatized Womanhood: Changes in Mainstream Media's Framing of Urban Women's Issues in China, 1995–2012 // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77. No. 5. P. 1091-1107.

⁶⁰ 张东原. 中国妇女生活史, 北京: 商务印书馆, 2015. Р. 1. (Чжан Дунъюань. История жизни китайских женщин. Пекин: Коммерческое издательство, 2015. С. 1.)

социалистической парадигмы, акцентируя задачи модернизации, расширения трудового участия женщин и их включения в общественное производство. В результате «женский вопрос» рассматривался как элемент более широкого социально-экономического проекта. Конституционное закрепление принципа равноправия полов воспринималось как существенный нормативный шаг, создавая представление о частичном институциональном решении основных проблем, тогда как различия в оплате труда, ограничения карьерных траекторий и устойчивость традиционных гендерных ожиданий оставались на периферии научного внимания⁶¹.

Научные исследования по женской проблематике в Китае начались только в 1980-е гг. с ростом самосознания женщин в Китае, формированием женских организаций, ростом низовой активности, возникновением групповой идентичности. Историю женских исследований разделяют на два основных этапа: появления и консолидации (1980–1993 гг.), интернационализации (1993 г. – настоящее время)⁶². На первом этапе исследования проводились под эгидой Всекитайской федерации женщин (ВФЖ), благодаря которой исследовательские организации по проблемам женщин были созданы в китайских провинциях. В 1987 г. Ли Сяоцзян основала первый в Китае Центр гендерных исследований, а ее работа «В поисках Евы»⁶³ стала основополагающей. В этот период доминировали термины «исследования женщин» (funü yanjiu) и «женские исследования» (nǚxìng yanjiu), а аналитическая рамка оставалась тесно связанной с марксистской теорией. Политика реформ и открытости способствовала проникновению западных феминистских идей и подготовила почву для последующего заимствования гендерного подхода.

На втором этапе под влиянием международного женского движения в китайский академический дискурс было более последовательно введено понятие

⁶¹ Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или феминизм в Китае. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

⁶² Yi Y. Preliminary Review of Women's Studies Organizations in Modern China // Collection of Women's Studies. 2000. Vol.2. P. 34-38.

⁶³ 李小江. 夏娃的探索, 郑州: 河南人民出版社, 1988. (Ли Сяоцзян. В поисках Евы. Чжэнчжоу: Издательство народа Хэнань, 1988.)

«гендер» (gender) ⁶⁴, что способствовало более четкому разграничению биологического и социального пола, а также ускорило теоретизацию и интернационализацию исследований. При этом долго продолжались споры о легитимности данного направления: официальная концепция освобождения женщин, сформулированная КПК, вступала в противоречие с западными подходами, которые нередко критиковались как буржуазные. Тем не менее благодаря усилиям китайских исследовательниц, проходивших стажировки за рубежом, а также работе иностранных ученых в КНР гендерные исследования стали устойчивой областью китайской науки.

В результате развитие гендерных исследований в Китае не ограничилось академической сферой и постепенно стало оказывать влияние на способы анализа и описания государственной политики. Укоренение понятия «социального пола» привело к тому, что гендерная оптика стала применяться и в изучении государственной политики. Хотя Китай не использует напрямую западный термин «гендерная политика», многочисленные исследования показывают, что в сфере обеспечения равенства мужчин и женщин фактически сформировалась институциональная система, функционально сопоставимая с тем, что в международном дискурсе обозначается как гендерная политика: с этой точки зрения изучаются вопросы рождаемости, образования, рынка труда, женского благосостояния и регулирования гендерного дисбаланса. При отсутствии специальных административных ведомств основная ответственность за реализацию политики равенства возлагается на ВФЖ, которую многие зарубежные авторы рассматривают как центрального государственного актора⁶⁵.

⁶⁴ 英汉妇女与法律词汇释义 / 谭兢嫦, 信春鹰主编, 北京: 中国对外翻译出版公司, 1995. (Англо-китайский словарь терминов по вопросам женщин и права/под ред. Тань Цзинчан, Синь Чуньин. Пекин: Издательство по внешнему переводу Китая, 1995.)

⁶⁵ Chen C. State-run Feminism in China: Who Has Been Empowered? A Critical Discourse Analysis on Women of the Year (2017-2021) in China Women's News // The Asian Conference on Media, Communication & Film 2023: Official Conference Proceedings. 2023. P. 105-126; Howell J. Women's Organisations and Civil Society in China: Making a Difference // Gender and Civil Society/ed. by J. Howell, D. Mulligan. N.Y.: Routledge, 2005. P. 54-77; Zhang T. Power, Women and Revolution: The Role of the All-China Women's Federation in China's Revolution. Binghamton: State University of New York, 2003; Wang H. A Review on the Non-government Diplomacy of All-China Women's Federation (1949-2018) // Academic Journal of Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 3. No. 6. P. 111-121.

Современные китайские исследователи полагают, что сложившийся в Китае подход к политическому участию обеспечивает высокий уровень представительства женщин в органах власти, но в полной мере не способствует развитию автономной гражданской активности⁶⁶. Если в западных странах феминистская философия стала интеллектуальным основанием для политических и правовых реформ, то в Китае теоретическое осмысление сохраняет идеологический характер и направлено на подтверждение концепции гармоничного общества.

Обращение к женскому измерению политики позволяет по-новому оценить не только национальные модели участия, но и значение самого присутствия женщин в политических институтах. На сегодняшний день для правительств большинства стран мира очевидно, что политическое участие женщин имеет большое значение по следующим причинам:

- 1) оно повышает уровень демократической легитимности и доверия к власти, потому что при принятии решений рассматриваются и учитываются позиции разных социальных групп, с разными потребностями, что делает институты власти более инклюзивными и отзывчивыми;
- 2) в правительственной повестке больше внимания уделяется проблемам, которые ранее находились на периферии и не получали должного внимания со стороны политики;
- 3) интеграция женщин в политику ведет к росту спроса на образование, повышает качество человеческого капитала в стране;
- 4) политическая активность женщин повышает качество управления государством, потому что они формируют спрос на прозрачность, подотчетность власти, и меньше подвержены коррупции.

⁶⁶ Wang Z. *Women in the Chinese Enlightenment: Oral and Textual Histories*. Berkeley: University of California Press, 1999; Li Xiaojiang, Li Hui. *Women's Studies in China* // NWSA Journal. 1989. Vol. 1. No. 3. P. 458-460; Zeng J. *The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion*. L.: Palgrave Macmillan, 2015; Evans H. *The Gender of Communication: Changing Expectations of Mothers and Daughters in Urban China* // *The China Quarterly*. 2010. Vol. 204. P. 980-1000; Rofel L. *Desiring China: Experiments in Neoliberalism, Sexuality, and Public Culture*. Durham: Duke University Press, 2007; Yang M.M. *Spaces of Their Own: Women's Public Sphere in Transnational China*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Вместе с тем позитивное влияние политического участия женщин не является гарантированным и автоматическим, этот позитивный эффект достигается, прежде всего, не столько через внешнее давление на систему (акции, петиции и пр.), сколько через непосредственное участие женщин во власти. Таким образом, важной является включенность в процесс принятия решений, то есть политическое участие «как участие в формировании и/или исполнении государственной политики»⁶⁷. *Участие – это процесс, посредством которого заинтересованные акторы влияют и разделяют контроль за ресурсами, инициативами и решениями.* Здесь важно отметить, что участие в таком понимании становится возможным в результате организованных усилий ранее исключенных социальных групп по получению доступа к политическим процессам.

В политической сфере голос женщин часто остается неслышанным, что существенно ограничивает их влияние на принятие политических решений⁶⁸. Сохраняющееся гендерное неравенство не только ограничивает участие женщин в принятии решений, но и приводит к тому, что эта проблема игнорируется в дискурсе, не попадает в публичную повестку, не обсуждается политиками и рядовыми гражданами, а значит не может найти решения в процессе дискуссии и принятия во внимание интересов женщин⁶⁹.

В научной литературе расширение участия женщин нередко описывают как поэтапный процесс роста субъектности — от формального присутствия к реальному влиянию на принятие решений. Вместе с тем предоставление равных политических прав, как в западных странах, так и в Китае, является только первым шагом на пути включения женщин в политику, наделения их реальными возможностями по влиянию на процесс принятия решений в государстве. Конечно, факт предоставления женщинам избирательных прав имел радикальное значение для трансформации общественных норм во всех странах, нарушив

⁶⁷ Participation in Politics/ed. by G. Parry. Manchester: Manchester University Press, 1972. P. 39.

⁶⁸ Palaščáková D., Liadskyi I., Senko I. Gender Aspects of Social Intelligence Management in the Context of Civic and Political Engagement // Journal of Women's Entrepreneurship and Education. 2023. P. 92-108.

⁶⁹ Chege J.N. African Women's Journey Towards Gender Equality and Social Transformation // Reviewed Journal International of Business Management. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 11-21.

воспроизводимые столетиями общественные нормы и баланс между социальными ролями. Впоследствии стало очевидно, что предоставление прав не влечет за собой автоматически получение реальных возможностей для женщин участвовать в политике. Успешная борьба суфражисток в западных странах и создание социалистического устройства в СССР и Китае вывели женщин с низшей *стадии неучастия*, на которой полностью отсутствует гражданская вовлеченность в политическую жизнь, на следующую *стадию видимого участия*, когда они получили нормативно закрепленные способы коммуникации с государством, но без реального влияния на политический процесс, без каких-либо гарантий того, что они действительно получают доступ к политике и их мнения будут учтены при принятии решений. Следующий шаг должен быть сделан для перехода к *стадии вовлеченного участия*, которая предполагает обучение женщин поведению в политической сфере, влияние на их сознание, восприятие себя в новой для них общественной области, осознание своих прав, профессионального потенциала. Финальный шаг должен быть сделан для перехода к *стадии участия в формировании политики*, на которой женщины получают реальные полномочия по принятию решений, смогут управлять их реализацией, занимать посты в органах власти и становиться лидерами, способными эффективно защищать интересы женщин

1.2. Политическое представительство женщин как условие эффективного участия⁷⁰

Главное условие получения женщинами доступа к процессу формирования политики – *обретение равного с мужчинами представительства в политических институтах*. Под политическим представительством женщин понимается институционально и социально обусловленный процесс и результат включения женщин в систему принятия общественно значимых решений, выражающийся в их присутствии, участии и влиянии в институтах государственной власти и политических организациях. Данный процесс является сложным, но продолжающаяся борьба женщин в мире ознаменована важными успехами, среди которых: (1) избрание первых женщин-глав государств и правительств; (2) введение политики квот и политики позитивных действий для увеличения представительства женщин; (3) рост активности низовых организаций, занимающихся просветительской деятельностью в вопросе политического равенства мужчин и женщин, для повышения осведомленности общества.

В этой связи следует выделить четыре уровня политического участия женщин: (1) уровень сознания, или интерес к политике и наличие позитивного отношения к ней; (2) общественная роль женщин (положение в семье и общественный активизм); (3) демократическое участие (избирательные права и косвенное влияние на политический процесс); (4) участие во власти (прямое влияние на процесс принятия решений благодаря праву их принимать, управлять различными общественными сферами).

Для оценки прогресса в расширении прав и возможностей женщин в политике исследователи используют несколько подходов⁷¹:

⁷⁰ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Чень С. Символы женской власти и влияния: исследование от Анны Стюарт до Хиллари Клинтон // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т.13. № 6(99). С. 2546-2553; Чень С. От парадных залов правительства до скромных деревенских жилищ: социальный профиль женского политического представительства в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2026. Т. 32. № 2. С. 222-238.

⁷¹ Alexander A.C., Coffe H. Women's Political Empowerment through Public Opinion Research: The Citizen Perspective // Measuring Women's Political Empowerment Across the Globe: Strategies, Challenges and Future Research/ed. by A.C. Alexander, C. Bolzendahl, F. Jalalzai. L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 27-53.

Формальное представительство – законное право женщин участвовать в политических процессах наравне с мужчинами. Этот тип представительства требует устранения правовых барьеров для женщин, в частности предоставления им политических прав (избирать, баллотироваться на государственные должности). Однако создание законных оснований для участия женщин автоматически не приводит к расширению представительства, потому что формальное равенство не гарантирует высокой электоральной активности женщин или их стремления к профессиональной политической карьере.

Описательное представительство – доля женщин на политических должностях (% женщин в парламенте, на министерских должностях, на лидерских позициях). Этот тип представительства связан с идеей равенства, которая заключается в том, что представительные институты должны быть репрезентативными, их состав должен разделять те же характеристики, что и общество, которое они представляют. Женщины составляют более 50% мирового населения, поэтому они должны наравне с мужчинами участвовать в управлении государством (например, занимать половину мест в законодательных институтах и половину должностей в исполнительных институтах власти). Кроме того, нельзя игнорировать вклад женщин в социально-экономическое развитие государств, в том числе обусловленный их двойной ролью в производственной и репродуктивной сферах. Это означает, что они должны иметь доступ к принятию решений о распределении ресурсов, которые совместно создаются мужчинами и женщинами. Только в этом случае женщины будут чувствовать себя представленными на достаточном уровне в политическом процессе⁷².

Сущностное представительство – степень, в которой женщины, избранные на политические должности, активно отстаивают права и интересы женщин как социальной группы (оценка результатов проводимой ими политики и действий, предпринимаемых женщинами для решения гендерных проблем). Участие женщин

⁷² Sawyer M. Constructing Democracy // International Feminist Journal of Politics. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 361-365; Paxton P., Hughes M.M. Women, Politics, and Power: A Global Perspective. CA: Pine Forge Press, 2007; Phillips A. Engendering Democracy. Cambridge: Polity Press, 1991.

является необходимым в формировании политики, потому что их интересы отличаются от интересов мужчин и не могут быть артикулированы и представлены мужчинами. Долгое время считалось, что богатые мужчины способны представлять всех избирателей, включая женщин, так же хорошо, как и свои собственные. Однако в силу различия социальных ролей и потребностей у мужчин и женщин, это не так, что находит отражение в различиях между женским и мужским подходами в проектировании законов, в разных акцентах при формулировке политических приоритетов, в особом фокусе на определенном наборе проблем⁷³. Соответственно, благодаря участию женщин, качество государственного управления повысится, так как будут в равной степени представлены и учтены интересы мужчин и женщин, а также обеспечен равный доступ к управлению ресурсами⁷⁴.

Символическое представительство – восприятие женщинами своего представительства в политике как честного и эффективного, что мотивирует их строить профессиональную карьеру в этой области. Если женщины представлены в политических институтах, это действует как сигнал для других женщин о том, что политика открыта для них, они могут реализовать посредством нее свои потребности и интересы. Аналогичным образом исключение женщин из политики посылает сигнал о том, что политика — это «мужская игра» и «неженское дело»⁷⁵. Женщины-политики выступают в качестве ролевых моделей для женщин, которые находятся вне политики, особенно если они занимают лидерские позиции⁷⁶. Британский опыт подтверждает это: более чем столетнее присутствие женщин в политике, включая посты премьер-министра, изменило восприятие женского

⁷³ Childs S., Withey J. Women Representatives Acting for Women: Sex and the Signing of Early Day Motions in the 1997 British Parliament // Political Studies. 2004. Vol. 52. No. 3. P. 552-564; Paxton P. Women in National Legislatures: A Cross-National Analysis // Social Science Research. 1997. Vol. 26. No. 4. P. 442-464; Lister R. Citizenship: Feminist Perspectives. L.: Palgrave Macmillan, 1997.

⁷⁴ Burns N., Schlozman K.L., Verba S. The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation. Cambridge: Harvard University Press, 2001.

⁷⁵ Bauer G., Burnet J.E. Gender, Quotas, Democracy and Women's Representation in Africa: Some Insights from Democratic Botswana and Autocratic Rwanda // Women's Studies International Forum. 2013. Vol. 41. P. 103-112.

⁷⁶ Alexander A.C., Jalalzai F. Symbolic Empowerment and Female Heads of States and Government: A Global, Multilevel Analysis // Politics, Groups, and Identities. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 24-43.

лидерства в обществе⁷⁷. Подобные примеры стимулируют интерес женщин к политической сфере и способствуют их вовлечению в активизм, что, в том числе, повышает самооценку женщин. Кроме того, это сигнал и для мужчин о том, что женщины могут участвовать в управлении государством и добиваться результатов⁷⁸.

Многолетние наблюдения исследовательских организаций за изменением возможностей женщин в разных сферах демонстрируют, что в вопросах здоровья, доступа к образованию и, в меньшей степени, в сфере экономики в мире достигнут колоссальный прогресс. Конечно, лидерские позиции принадлежат Европе и Северной Америке, но в других регионах и странах, включая Китай, наблюдается положительная динамика.

Данные Глобального индекса гендерного разрыва 2025 (Global Gender Gap Index 2025) демонстрируют, что политика во всех регионах мира остается наиболее консервативной и проблемной сферой для участия женщин — см. Рисунок 1.

Рисунок 1 — Данные по субиндексам Глобального индекса гендерного равенства по регионам мира⁷⁹

На рисунке 1 субиндекс «Расширение политических прав и возможностей» имеет самые низкие показатели. Возможности женщин участвовать в политике в

⁷⁷ Григорьева Н. С., Жохова А. А. Женщины в британском политическом процессе в новейшее время: ролевой анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1-3. С. 393-403.

⁷⁸ Campbell D.E., Wolbrecht C. See Jane Run: Women Politicians as Role Models for Adolescents // The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. No. 2. P. 233-247; Wolbrecht C., Campbell D.E. Leading by Example: Female members of Parliament as Political Role Models // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 921-939.

⁷⁹ Global Gender Gap report 2025 // Weforum. С. 27. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

несколько раз ниже, чем их экономические возможности. Средневзвешенный по численности населения мировой показатель составляет всего 22,9%, что исследователи объясняют очень низкими показателями данного субиндекса в самых густонаселенных экономиках мира. Почти в половине стран из 148 изученных за последние 50 лет не было ни одной женщины-главы государства. На уровне министров пять европейских стран (Эстония, Финляндия, Исландия, Испания и Великобритания) и две страны Латинской Америки и Карибского бассейна (Чили и Никарагуа) достигли полного гендерного паритета. Напротив, в Азербайджане, Венгрии, Пакистане, Саудовской Аравии и Вануату кабинеты министров полностью состоят из мужчин. Паритета в парламентском представительстве добились: Мексика, Никарагуа, Руанда и Объединенные Арабские Эмираты, тогда как Оман остается единственной экономикой без женщин в национальном парламенте в этом году. В этой структуре дисбаланса особенно показателен Китай: в рейтинге расширения политических прав и возможностей он занимает 111-е место из 148, тогда как по экономическому участию и возможностям — 51-е место, в сводном показателе индекса гендерного разрыва — 103-е место из 148⁸⁰.

Доля женщин в парламентах мира достигла 27,2%⁸¹. Лидерство по уровню представительства женщин в парламентах (нижняя палата или однопалатный парламент) принадлежит Руанде (63,8%), Кубе (55,7%) и Никарагуа (55%); Китай занимает 90-е место (26,5%), а последним остается Оман (0,0%)⁸². Таким образом, количественное превосходство женщин в парламентах таких развивающихся стран (Руанда, Никарагуа, Куба), в значительной степени объясняется действием жестких квот, а не является следствием органического развития демократических институтов.

⁸⁰ Global Gender Gap Report 2025 // Weforum. С. 13, 22, 25. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

⁸¹ Gender Equality // IPU. URL: <https://www.ipu.org/impact/gender-equality> (дата обращения: 09.07.2025).

⁸² Monthly Ranking of Women in National Parliaments // IPU. URL: <https://data.ipu.org/women-ranking/> (дата обращения: 09.07.2025).

Для повышения аналитической точности целесообразно различать три уровня политического представительства: (1) уровень присутствия — доля женщин в представительных органах; (2) уровень иерархии — представленность женщин на руководящих позициях в этих институтах; (3) уровень власти и ресурсов — доступ женщин к позициям, связанным с перераспределением ресурсов и принятием стратегических решений. Такое разграничение позволяет анализировать не только формальное присутствие женщин в политике, но и степень их фактической включенности в механизмы власти.

В этом контексте опыт Китая является показательным примером расхождения между ростом численного участия женщин и их реальным политическим весом. Доля женщин среди депутатов Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) на протяжении десятилетий демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что позволяет говорить о постепенном расширении женского участия в высшем представительном органе страны (см. Рисунок 2).

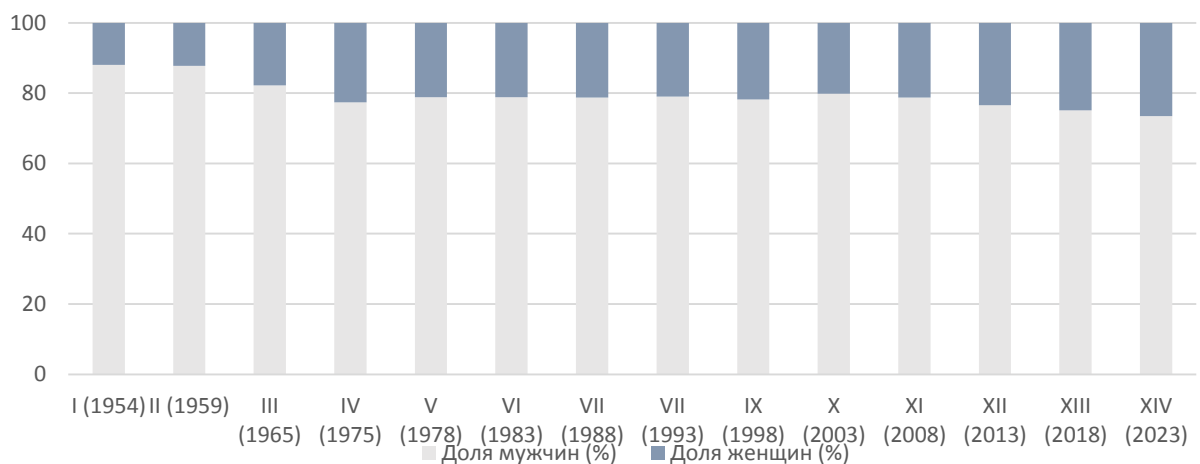

Рисунок 2 – Численность депутатов ВСНП и их гендерный состав (1954–2023 гг.)⁸³

⁸³ 中国妇女儿童状况统计资料: 表 6.1 历届全国人民代表大会代表人数及性别构成 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. Р. 56. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Таблица 6.1. Численность и гендерный состав делегатов Всекитайского собрания народных представителей предыдущих созывов/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 56.)

Однако при переходе от депутатского корпуса к постоянно действующему органу законодательной власти — Постоянному комитету ВСНП — участие женщин заметно ниже (см. Рисунок 3).

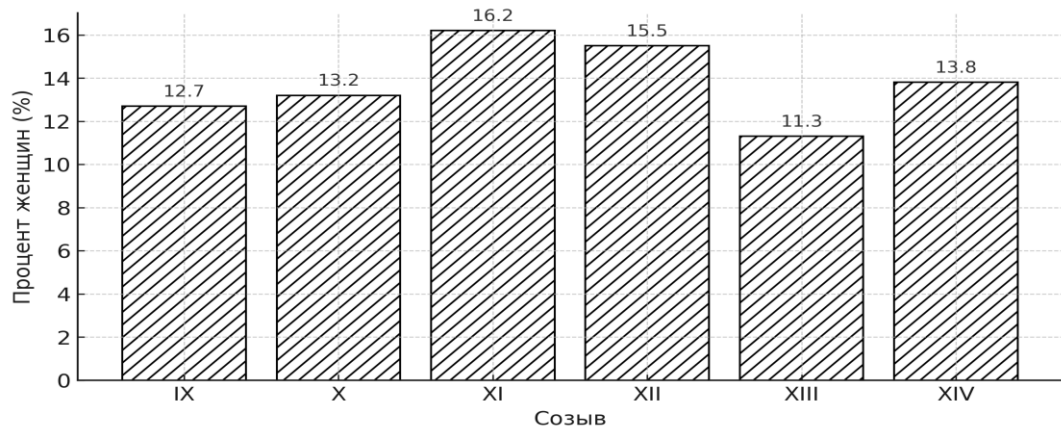
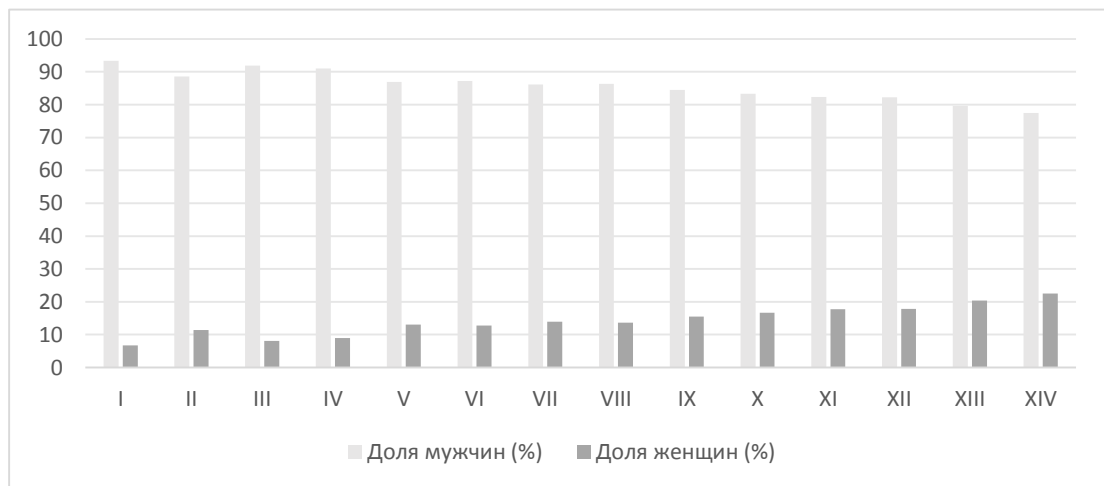

Рисунок 3 – Доля женщин в Постоянном комитете ВСНП (1998–2023 гг.)⁸⁴

Аналогичная тенденция прослеживается и в институтах политических консультаций. В составе Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) доля женщин имеет тенденцию к росту (см. Рисунок 4). Вместе с тем на уровне Постоянного комитета НПКСК динамика роста доли женщин выражена значительно слабее, что указывает на ограниченный доступ женщин к позициям с более высоким уровнем политического влияния (см. Рисунок 5).

⁸⁴ 中国妇女儿童状况统计资料: 图 6.1 第九至十四届全国人大常委会中女性比例 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. Р. 56. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Рисунок 6.1. Доля женщин в Постоянном комитете Всекитайского собрания народных представителей IX–XIV созывов/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 56.)

Рисунок 4 – Численность членов НПКСК и их гендерный состав (1949–2023 гг.)⁸⁵

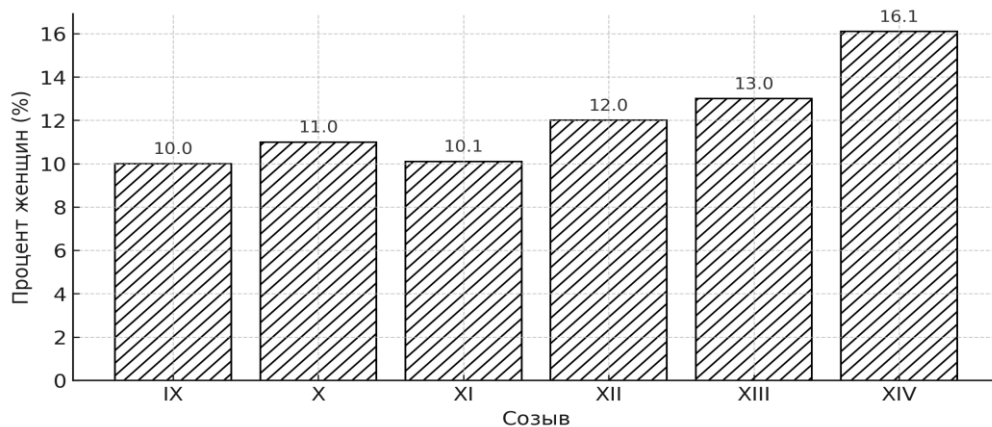

Рисунок 5 – Доля женщин в Постоянном комитете НПКСК (1998–2023 гг.)⁸⁶

Данная закономерность сохраняется и в Центральном комитете Коммунистической партии Китая (ЦК КПК): доля женщин остается существенно ниже, чем в представительных органах (см. Рисунок 6).

⁸⁵ 中国妇女儿童状况统计资料: 表 6.2 历届全国政协委员人数及性别构成 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. Р. 57. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Таблица 6.2. Численность членов Народного политического консультативного совета Китая и их гендерный состав/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 57.)

⁸⁶ 中国妇女儿童状况统计资料: 图 6.2 第九至十四届全国政协女常委比例 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. Р. 57. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Рисунок 6.2. Доля женщин среди членов Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая IX–XIV созывов/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 57.)

Рисунок 6 – Численность Центрального комитета КПК и его гендерный состав (1969–2022 гг.)⁸⁷

Наиболее концентрированное выражение эта тенденция получает на уровне партийного руководства. Историческая динамика состава Политбюро ЦК КПК свидетельствует о крайне ограниченном присутствии женщин в высшем органе принятия стратегических решений, вплоть до их полного отсутствия в отдельных созывах (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Численность и гендерный состав членов Политбюро ЦК КПК (2002–2022 гг.)⁸⁸

Созыв	Общая численность (чел.)	Доля мужчин (%)	Доля женщин (%)
XVI	24	95,83	4,17
XVII	25	96,0	4,0
XVIII	25	92,0	8,0
XIX	25	96,0	4,0
XX	24	100,0	0,0

Таким образом, на уровне присутствия фиксируется рост, тогда как на уровнях иерархии и особенно власти и ресурсов сохраняется заметная недопредставленность женщин.

Данные другого международного исследовательского проекта – «Разнообразие демократии»⁸⁹ – также подтверждают данную картину (см. Рисунок 7). С середины XX века в мире начались постепенные положительные изменения в балансе между мужчинами и женщинами в вопросе получения последними доступа к

⁸⁷ 中国妇女儿童状况统计资料: 表 6.7 中国共产党代表大会中央委员会人数及性别构成 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. Р. 60. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Таблица 6.7. Численность и гендерный состав Центрального комитета Всекитайской партийной конференции/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 60.)

⁸⁸ См. 中国共产党第十六届中央委员会第一次全体会议公报 // 共产党员. 2002. No. 12. Р. 26 (Коммюнике первого пленума ЦК КПК 16-го созыва // Коммунист. 2002. № 12. С. 26; Коммюнике первого пленума ЦК КПК 17-го созыва // Вперед. 2007. № 11. С. 34); 中国共产党第十七届中央委员会第一次全体会议公报 // 前进. 2007. No. 11. Р. 34 (Коммюнике первого пленума ЦК КПК 17-го созыва // Вперед. 2007. № 11. С. 34); 中国妇女儿童状况统计资料: 表 6.8 中国共产党第十八至二十届中央政治局委员人数及性别构成 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社. 2024. Р. 61. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае: Таблица 6.8. Численность и гендерный состав членов Политбюро ЦК КПК XVIII–XX созывов/под ред. Государственного статистического управления КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. С. 61)

⁸⁹ Varieties of Democracy (V-Dem) // V-Dem. URL: <https://v-dem.net> (дата обращения: 15.10.2025).

политической сфере, однако мужчины по-прежнему сохраняют доминирующее положение. В 2000 г. показатель распределения власти по гендерному признаку составлял 1,93, а к 2025 г. снизился до 1,68. Таким образом, в последние 20 лет наблюдается медленное, но неуклонное сохранение и даже некоторое усиление монополизации власти мужчинами. Это общемировой тренд (с учетом численности населения), но по географическим регионам ситуация отличается.

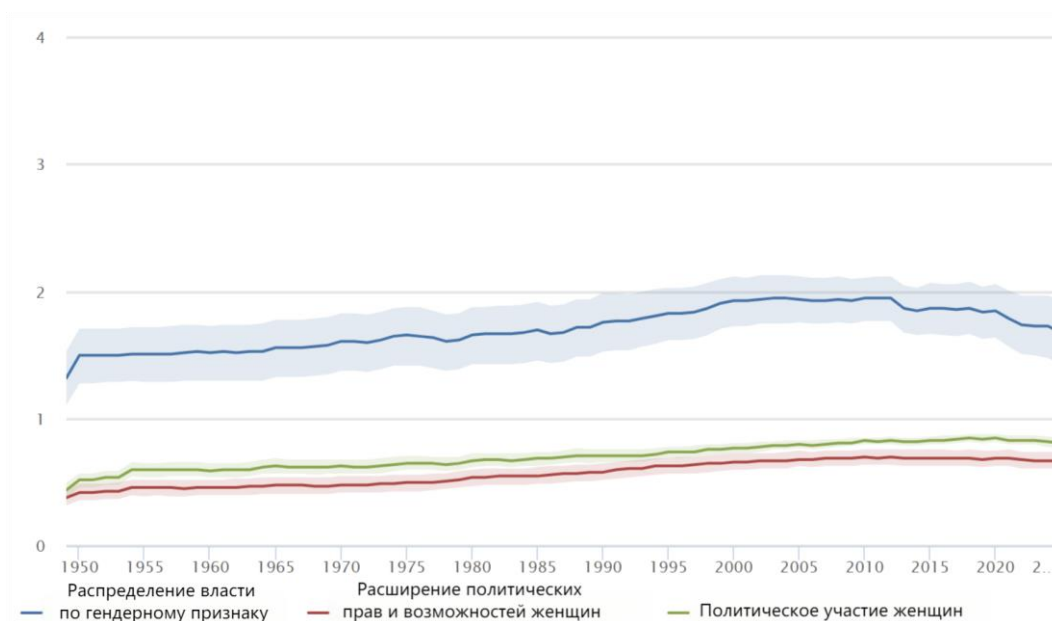

Рисунок 7 – Показатели индексов «Распределение власти по гендерному признаку» (синий цвет)⁹⁰, «Расширение политических прав и возможностей женщин» (красный цвет)⁹¹ и «Политическое участие женщин» (зеленый цвет)⁹²

Индекс политического участия женщин (зеленый цвет) в мире по оценкам этого же исследовательского проекта по состоянию на 2025 г. составляет 0,81. Этот индекс в последние годы демонстрирует небольшое снижение (с 0,85 в 2020 г.),

⁹⁰ Показатель «Распределение власти по гендерному признаку» (Power Distributed by Gender) измеряется ответом на вопрос: распределена ли власть по гендерному признаку? Ответы: 0. Мужчины фактически обладают монополией на политическую власть. 1. Мужчины занимают доминирующее положение в политической власти, а женщины обладают незначительным влиянием. 2. Мужчины обладают гораздо большей политической властью, но женщины имеют влияние в некоторых сферах. 3. Мужчины обладают несколько большей политической властью, чем женщины. 4. Мужчины и женщины имеют примерно равную политическую власть.

⁹¹ Показатель «Расширение политических прав и возможностей женщин» (Women Political Empowerment Index) измеряет, насколько широки права и возможности женщин в процессе принятия общественно значимых решений (три основных измерения: гражданские свободы, открытое обсуждение политических вопросов, участие в гражданских организациях, представительство на официальных политических должностях). Шкала: интервальная (0–1), от низкого уровня к высокому.

⁹² Показатель «Политическое участие женщин» (Women Political Participation Index) измеряет, в какой степени женщины представлены на официальных политических позициях во всех ветвях власти (описательное представительство). Шкала: интервальная (0–1), от низкого уровня к высокому.

хотя и не столь заметное, как падение показателя распределения власти между мужчинами и женщинами. Индекс политического участия женщин акцентирует описательное представительство женщин, занятие ими постов в политических и государственных институтах. Самый низкий показатель демонстрирует индекс расширения политических прав и возможностей женщин (красный цвет) — 0,67 (по состоянию на 2025 г.), причем он увеличивается особенно медленно, а в последние годы также имеет тенденцию к снижению.

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что до сих пор сохраняются сложности даже на уровне описательного представительства женщин: репрезентативности достигли лишь немногие страны, а демократические режимы в среднем демонстрируют результат лишь немного выше, чем Китай. При этом в Китае продвижение женщин в политику в большей степени опосредовано партийными процедурами выдвижения и кадрового отбора в рамках партийно-государственной системы, тогда как в демократических странах ключевым механизмом выступает конкурентный избирательный процесс. Это означает, что формальная открытость демократических институтов сама по себе не гарантирует высокого уровня женского представительства: ограничителями могут выступать особенности партийного рекрутирования и выдвижения, распределение ресурсов в ходе кампаний, а также устойчивые гендерные стереотипы в электоральном поведении. Женщины по-прежнему редко занимают самые высокие и влиятельные должности в партиях, законодательных и исполнительных органах власти, политические институты сохраняют гендерно-асимметричный характер⁹³.

Для объяснения причин, по которым рост описательного представительства не всегда ведет к расширению реального политического влияния женщин, необходимо рассмотреть процесс включения женщин в политику как последовательность из пяти этапов: (1) политическое рекрутирование — формирование пула потенциальных кандидаток и кадрового резерва; (2) отбор и выдвижение (номинация) — в демократических системах данный этап во многом

⁹³ Barnes T.D. *Gendering Legislative Behavior: Institutional Constraints and Collaboration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

определяется партийным выдвижением и ресурсной поддержкой кампаний, тогда как в Китае — партийными процедурами выдвижения и кадрового отбора в рамках партийно-государственной системы; (3) распределение позиций внутри институтов власти — включая доступ к руководящим центрам, а также к руководящим должностям и министерским портфелям, именно на этом этапе особенно отчетливо проявляется расхождение между формальным присутствием и приближенностью к центрам принятия решений, поскольку разные позиции обладают неодинаковым статусом и ресурсной емкостью; (4) формирование повестки и участие в принятии решений — даже занимая должности, акторы могут обладать различной степенью влияния на определение приоритетов политики; (5) политические результаты — трансформируется ли участие женщин в изменение содержания политики.

В данной логике распределение министерских портфелей выступает одним из наиболее чувствительных индикаторов того, насколько женщины-политики приближены к центрам принятия решений. Если сравнивать представительство женщин в законодательных и исполнительных органах власти, то правительство, по оценкам исследователей, остается самым мужским институтом во многих странах ⁹⁴. Министерства продолжают различаться по своему влиянию в правительстве и стереотипно связаны с мужчинами. Влиятельность министерств определяется уровнем внимания к ним со стороны СМИ, дальнейшими карьерными перспективами для их руководителей, уровнем доступа к премьер-министру, возможностью распределять значительные ресурсы и определять приоритеты государственной политики⁹⁵. Распределение министерских портфелей имеет выраженное гендерное измерение: «мужские» и «женские»⁹⁶. Если женщины назначаются министрами, то скорее всего они будут отвечать за женские сферы политики (социальная сфера) и с наименьшей вероятностью будут управлять

⁹⁴ Hentschel T., Heilman M.E., Peus C.V. The Multiple Dimensions of Gender Stereotypes: A Current Look at Men's and Women's Characterizations of Others and Themselves // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00011/full> (дата обращения: 15.10.2025).

⁹⁵ См., например, Krook M.L., O'Brien D.Z. All The President's Men? The Numbers and Portfolio Allocations of Female Cabinet Ministers // *Journal of Politics*. 2012. Vol. 74. No. 3. P. 840-855.

⁹⁶ См., например, Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M.M. Getting to the Top: Career Paths of Women in Latin American Cabinets // *Political Research Quarterly*. 2009. Vol. 62. No. 4. P. 685-699.

мужскими областями (экономика, оборона). Министерства социального блока зачастую обладают меньшей ресурсной емкостью и более ограниченным влиянием на формирование общенациональной стратегии по сравнению с силовым или финансовым секторами. По состоянию на 2020 г. только 35% всех членов правительств в демократиях были женщины.

Для сопоставления китайского кейса с общемировой тенденцией целесообразно привлечь данные проекта «Женщины в политике — 2025». По состоянию на 01 января 2025 года 11,9% (18 из 151) стран управляются женщинами-главами государств; женщины возглавляют правительства в 8,3% случаев (в 16 странах из 193)⁹⁷. Доля женщин на должностях министров в правительствах составляет: 22,9% — в среднем по миру, 31,4% — в Европе и Северной Америке, 30,4% — в Латинской Америке и Карибах, 23,9% — в Субсахарской Африке, 17,6 — в Океании, 14,2% — в Западной Азии и Северной Африке, 13,7% — в Восточной и Юго-Восточной Азии, 9% — в Центральной и Южной Азии⁹⁸. В правительствах доля женщин среди министров по следующим направлениям составляет: по делам женщин и гендерного равенства (87%), по делам семьи и детей (71%), социальной интеграции и развития (56%), социальных дел (43%), социальной защиты и социального обеспечения (42%), по правам человека (39%), культуры (35%), образования (31%), туризма (31%), по делам коренных народов и меньшинств (30%), труда (30%), по делам молодежи (29%), экологии (28%), государственного управления (28%), науки, исследований, инноваций и технологий (28%), здравоохранения (27%), спорта (27%), гражданской службы (23%), экономики (19%), юстиции (18%), коммуникации, информации и медиа (18%), иностранных дел (18%), промышленности, коммерции и торговли (17%), местного самоуправления (17%), жилищного строительства и инфраструктуры (16%), финансов и налоговых дел (16%), сельского хозяйства (14%), внутренних дел (13%), безопасности (13%), энергетики и природных

⁹⁷ Women in Politics 2025 // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2025-03/women-in-politics-2025-en.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

⁹⁸ Там же.

ресурсов (12%), религиозных дел (2%)⁹⁹. Эти данные демонстрируют, что помимо численных показателей, важное значение имеет сфера государственного управления, в которой женщины реализуют себя как политики и управленцы. Очевидно, что их больше в социальной сфере и уровень представленности падает в более ресурсоемких областях.

Исследователи справедливо обратили внимание на должность министра обороны. С 1990-х гг. эту должность стали чаще занимать женщины¹⁰⁰. Т. Барнс и Д. О'Байен упоминают в своей статье неформальную встречу четырех министров обороны в 2014 г., которая привлекла внимание мировых СМИ. Знаменательной эта встреча стала по причине того, что министрами обороны Германии, Нидерландов, Норвегии и Швеции были женщины. Повышенное внимание к этой встрече свидетельствует о том, что такие назначения в правительствах переворачивают традиционные гендерные представления о роли женщин в политике и их реальных возможностях участвовать в формировании политики в «мужских» сферах. Считается, что министр обороны – это самая мужская должность в исполнительной власти, она наиболее стереотипна. Авторы объясняют эту практику двумя причинами: изменение роли женщин в политике и изменение роли министерства в государстве. С одной стороны, назначение женщины на пост министра обороны является важным разрывом с исторически сложившимся исключением женщин из мужских сфер, с другой — назначение женщины становится возможным только после институциональной трансформации функций министерства обороны. Никогда не станет женщина министром обороны в странах, которые вовлечены в военные конфликты. Напротив, назначение женщины на пост министра обороны наиболее вероятно в странах, ориентированных на миротворчество и имеющих высокий уровень представительства женщин в законодательной власти. Во время кризисов люди ищут сильных лидеров с

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Barnes T.D., O'Brien D.Z. Defending the Realm: The Appointment of Female Defense Ministers Worldwide // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 355-368.

мужскими качествами, поэтому женщины востребованы только в стабильное и спокойное время.

В целом, исследователи соглашаются, что описательное представительство ведет к необратимым переменам, меняющим институциональную культуру в отношении назначений на посты министров правительства¹⁰¹. Более широкое присутствие женщин в законодательных органах формирует более широкое предложение кандидатов на посты министров и является убедительным основанием требовать получения ими более престижных министерских портфелей.

Отдельно исследователи обращают внимание на такой важный позитивный фактор как занятие женщинами должностей глав государств и глав правительств, потому что это повышает шансы для получения женщинами министерских портфелей¹⁰². Этот фактор позитивно влияет на расширение возможностей женщин при получении должностей, потому что сигнализирует о том, что избиратели благосклонно относятся к женщинам, занимающим «мужские должности» (если проголосовали на выборах за женщину, то и поддержат назначения женщин в правительстве).

Численная недопредставленность женщин в политике негативно сказывается на сущностном представительстве этой социальной группы, потому что не позволяет отстаивать интересы, потребности, менять содержание политики и отдельных решений. В этой связи возникает закономерный вопрос о том, действительно ли гендерная принадлежность влияет на политические предпочтения. Принято считать, что интересы женщин в политике – это интересы, которые: непосредственно влияют на женщин как женщин (репродуктивное здоровье, гендерное насилие и пр.), связаны с традиционными ролями женщин как тех, кто осуществляет уход (дети), связаны с социальной сферой в более широком смысле (образование, здравоохранение и пр.)¹⁰³. Однако действительно ли женщины-

¹⁰¹ Dingler S.C., Kroeber C. Myths About Women in the Political Executive – How Gender Stereotypes Shape the Way MPs Assess The Competences of Ministers // *Political Research Quarterly*. 2023. Vol. 76. No. 3. P. 1403-1417.

¹⁰² Jacob S., Scherpereel J.A., Adams M. Gender Norms and Women's Political Representation: A Global Analysis of Cabinets, 1979-2009 // *Governance*. 2014. Vol. 27. No. 2. P. 321-345.

¹⁰³ Krook M.L., Norris P. Beyond Quotas: Strategies to Promote Gender Equality in Elected Office // *Political Studies*. 2014. Vol. 62. No. 1. P. 2-20.

политики должны занимать какую-то особую позицию по этим вопросам, чтобы их предпочтения считались сущностным представительством женщин? По этому вопросу мнения среди исследователей разделились. Например, Д. Далеруп утверждает, что интересы женщин имеют смысл, если они бросают вызов мужскому доминированию в политике¹⁰⁴. К. Селис и С. Чайлдс выделяют два типа интересов: феминистские интересы (законопроекты, защищающие права женщин) и гендерные интересы (законопроекты, направленные на помощь детям, семье)¹⁰⁵, подчеркивая тем самым, что потребности женщин имеют специфику и требуют адекватного отражения.

Рост уровня образования и профессиональных компетенций современных женщин объективно способствует выходу их интересов за пределы традиционной социальной повестки. В силу социальной роли и распределения обязанностей именно женщины чаще сталкиваются с рядом социальных проблем и имеют большой практический опыт в вопросах семьи и детей. Однако за многие годы борьбы за паритет не только в профессиональной сфере, но и в семье, за расширение прав и возможностей женщин во всех областях, выросло новое поколение как женщин, так и мужчин. Женщины стали более финансово независимыми, могут сами обеспечить свою жизнь, самостоятельно принимать решения о своем личностном и профессиональном развитии, и что немаловажно, демонстрируют профессиональную компетентность в широком спектре сфер, а не только в социальной политике.

Наблюдается трансформация традиционных гендерных установок в мужской среде: возрастает уровень принятия эгалитарного распределения домашних обязанностей и признание финансовой независимости женщин. Из сказанного следует, что интересы современных женщин, которые они могут продвигать, участвуя в формировании политики, выходят далеко за пределы традиционных. Возможно, не имеет смысла и называть их женскими интересами, а следует

¹⁰⁴ Dahlerup D. Representing Women: Defining Substantive Representation of Women // Representation: The Case of Women/ed. by M.C. Escobar-Lemmon, M.M. Taylor-Robinson. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 58-75.

¹⁰⁵ Celis K., Childs S. The Substantive Representation of Women: What to Do with Conservative Claims? // Political Studies. 2012. Vol. 60. No. 1. P. 213-225.

воспринимать женщин в политике как равных мужчинам в профессионализме и компетенции, а значит они могут наравне с мужчинами определять политику во всех сферах управления. Приходя в политику, женщины не обязательно должны быть ориентированы на решение стереотипных женских проблем, они могут интересоваться совсем другими сферами и быть в них специалистами. Их участие в формировании политики в таком случае ценно как деятельность специалистов, а не как женщин.

Важно заметить, что расширение области участия женщин в политике возможно в странах, где на общественном уровне существует консенсус об их равенстве с мужчинами, безоговорочно признается их право на занятие ведущих позиций во всех сферах жизни, в том числе и в политике. Зачастую формальный доступ женщин к власти не означает их реальную субъектность, так как они оказываются в консервативном институциональном поле. Здесь господствуют мужские модели политического поведения, а любые попытки реформирования системы нейтрализуются еще на уровне неформальных обсуждений. Как правило, это характерно для стран, где законодательные органы власти формируются не с помощью выборов, и/или играют второстепенную роль в формировании политики, а процесс принятия решений контролируется исполнительной властью. В таких ситуациях численность женщин в нижней палате парламента может быть высокой, но иметь лишь символическое значение, демонстрируя, что страна соответствует глобальной повестке.

В отношении сущностного представительства исследователи ставят закономерный вопрос о способах его измерения. Если описательное представительство можно оценить, вычислив процент женщин в тех или иных институтах власти, то возникает вопрос о том, каким образом можно достоверно выявить степень их фактического влияния на политику. Например, можно рассматривать сущностное представительство как процесс, то есть усилия законодателей по установлению повестки и защите определенных интересов. Это

можно рассматривать как результат, то есть как способность законодателей добиваться изменений в политике¹⁰⁶.

Второй подход вызывает серьезные проблемы, так как если использовать результаты поименных голосований по законопроектам, то они не позволяют достоверно идентифицировать позицию женщин, поскольку отражают не столько индивидуальные предпочтения женщин-политиков, сколько позицию политической партии, в состав которой они входят. Говоря о представлении интересов женщин, важно учитывать, что законодательные органы формируются не только за счет кандидатов, самостоятельно получивших мандаты в результате выборов, но в значительной степени через механизмы политических партий, которые контролируют выдвижение кандидатов. Члены партий подчиняются внутрипартийной дисциплине и ориентируются на партийную повестку, определяющую приоритетные направления деятельности в законодательных органах. Приоритет внутрипартийной дисциплины над личными предпочтениями прослеживается во многих странах, и Китай не является исключением.

К примеру, либеральные партии больше готовы поддерживать женщин как кандидатов и повестку гендерного равенства, чем консервативные партии. Это означает, что при голосовании и на публичных выступлениях женщины-политики от либеральной партии будут отстаивать женские интересы, потому что они отвечают идеологии партии и ее приоритетам, то есть приоритеты партии и женщин как социальной группы совпадают. Более того, и мужчины-политики от либеральной партии будут вести себя аналогичным образом, поддерживать социальную повестку. Аналогичным образом происходит с поведением избирателей, которые готовы поддерживать на выборах кандидаток от либеральной партии, потому что сами избиратели, разделяя идеологию партии, готовы увидеть женщину на политической должности. И тем не менее результаты исследований свидетельствуют, что в отличие от мужчин, женщины чаще

¹⁰⁶ Franceschet S., Piscopo J.M. Gender Quotas and Women's Substantive Representation: Lessons from Argentina // *Politics and Gender*. 2008. Vol. 4. No. 3. P. 393-425.

выдвигают и поддерживают законопроекты, связанные с социальной политикой в широком смысле¹⁰⁷.

Чтобы объяснить, почему высокий уровень описательного представительства женщин может сочетаться с ограниченной автономией и слабым влиянием на принятие решений, целесообразно обратиться к опыту России. Российский и китайский опыт схожи по историческому наследию государственно-ориентированных практик освобождения женщин: в обеих странах вовлечение женщин в труд и формальное равноправие не привели к демонтажу патриархальных структур, а закрепили двойную нагрузку женщин в публичной и частной сферах¹⁰⁸. Вместе с тем современные политико-административные условия в России отличаются от китайских. В условиях государственного курса, ориентированного на решение демографического задач¹⁰⁹, политика гендерного равенства в России формируется в специфических институциональных рамках. «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы»¹¹⁰ представляет собой компромиссный документ, который учитывает две социальные роли — работницы и матери¹¹¹. Такой компромисс задает рамки реализации гендерной повестки: она одновременно функционирует как инструмент расширения возможностей и как механизм социальной консолидации, что существенно определяет характер и границы реального политического влияния женщин в современной России.

Эмпирические данные подтверждают гендерную пирамиду: при общей феминизации административной системы (около 70%) доля женщин на вершинах

¹⁰⁷ Little T.H., Dunn D., Deen R.E. A View from the Top: Gender Differences in Legislative Priorities Among State Legislative Leaders // *Women and Politics*. 2001. Vol. 22. No. 4. P. 29-50; Schwindt-Bayer L.A. Still Supermadres? Gender and the Policy Priorities of Latin American Legislators // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No. 3. P. 570-585.

¹⁰⁸ Губанова Т.С. «Женский вопрос» и стереотипы феминности в общественно-политическом дискурсе СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Самара, 2024.

¹⁰⁹ Ивлева Т.А. Гендерная политика в современной России: основная проблематика // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 5. С. 108–115.

¹¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022. «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы». // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения: 26.01.2025).

¹¹¹ Козлова Н.Н., Рассадина С.В. Национальные стратегии действий в интересах женщин: в поисках государственной модели гендерной политики в современной России // *Politbook*. 2023. № 4. С. 93-110.

политико-административной иерархии остается низкой¹¹². Так, на сегодняшний день все полномочные представители Президента РФ в федеральных округах — мужчины (лишь один случай назначения женщины — В.И. Матвиенко, занимавшей этот пост в 2003 г.). Среди заместителей Председателя Правительства на конец 2023 г. женщины занимали 2 из 9 должностей (В.В. Абрамченко и Т.А. Голикова), тогда как к маю 2024 г. их число сократилось до одной (Т.А. Голикова). В составе федеральных министров по итогам 2023 г. женщина занимала 1 из 20 постов (О.Б. Любимова — 5%), а после обновления правительства в 2024 г. — 2 из 21 (О.Б. Любимова и О.Н. Лут — 9%)¹¹³.

Таким образом, российский опыт позволяет аналитически развести количественные параметры участия и параметры реального политического влияния/автономной субъектности. В сравнительной перспективе это дает возможность сформулировать тезис, обсуждаемый в китайской литературе, о сочетании высокого уровня представленности женщин с ограниченными возможностями самостоятельной гражданской активности. Такая постановка вопроса дополнительно согласуется с ранее отмеченной динамикой развития гендерной повестки Китая: ранние институциональные практики формировались с учетом советского опыта, однако последующее накопление противоречий выявило пределы прямого заимствования и стимулировало переход к решениям, обусловленным национальным контекстом. Следовательно, сопоставление России и Китая целесообразно на уровне механизмов (способов институционального оформления участия и границ автономности), а не как прямое заимствование модели.

В связи с сущностным представительством и оценкой участия женщин в формировании политики следует также ответить на вопрос об эффективности женщин на политических должностях. В научной литературе акцентируется внимание на том, что мужчины составляют большинство в основных политических

¹¹² Ребрикова А.Г. Женское представительство в органах государственной власти Российской Федерации в период с 1991 по 2023 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 65-79.

¹¹³ Там же.

институтах, принимая факт того, что женщины законодательно получили возможность участвовать в политике и претендуют на высокие должности, они не готовы отказаться от своего доминирования, поэтому оказывают сопротивление женщинам в процессе работы¹¹⁴.

Позитивная дискриминация, которую проводят многие правительства, негативно влияет на расширение возможностей женщин в политике. Женщины-политики нередко сталкиваются со стигматизацией и трансляцией негативных стереотипов со стороны коллег-мужчин. В результате их законодательные инициативы подвергаются необоснованно жесткой экспертизе, а критические замечания в адрес их документов зачастую выходят за рамки профессиональной этики¹¹⁵. Профессионализм женщин ставится мужчинами под вопрос, что не позволяет им эффективно выполнять свои функции¹¹⁶. Однако почти всегда успех сопутствует женщинам в принятии решений в вопросах семьи, материнства, детства, защиты прав женщин.

Таким образом, участие женщин в формировании политики затрудняется дискриминацией, а также стремлением мужчин сохранять доминирующее положение и контроль над ресурсами. Существует мнение, что достижение описательного представительства женщин в политике, то есть определенного численного уровня, сможет переломить ситуацию с дискриминацией и создаст благоприятную среду для более эффективной работы женщин в политике. Нередко в научной литературе отмечается, что при достижении женщинами определенного численного порога представительства («критической массы») они смогут успешнее отстаивать свои интересы и повысят уровень сущностного представительства¹¹⁷.

¹¹⁴ См., например, Heath R.M., Schwindt-Bayer L.A., Taylor-Robinson M.M. Women on the Sidelines: Women's Representation on Committees in Latin American Legislatures // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 49. No. 2. P. 420-436.

¹¹⁵ Kathlene L., Clarke S.E., Fox B.A. Ways Women Politicians are Making a Difference // Gender and Policymaking: Studies of Women in Office / ed. by D.L. Dodson. N.J.: Center for the American Women and Politics, 1991. P. 31-38.

¹¹⁶ См., например, Kanthak K., Krause G.A. The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organizational Foundations of Representation in America. Oxford: Oxford University Press, 2012.

¹¹⁷ Dahlerup D. From a Small to A Large Minority: Women in Scandinavian Politics // Scandinavian Political Studies. 1988. Vol. 11. P. 275-298.

На сегодняшний день достигнут консенсус: 30% – необходимый порог численности для того, чтобы женщины могли эффективно влиять на политику. По этому вопросу были проведены эмпирические исследования, которые продемонстрировали неоднозначность такого подхода. Например, одни ученые изучали различные законодательные органы на некотором отрезке времени, чтобы выявить изменения в законотворческой деятельности с ростом численности женщин до 15%¹¹⁸. Другие сравнивали законодательные органы власти с разной численной долей женщин, чтобы выяснить, выдвигают ли они больше законопроектов, затрагивающих женские проблемы или нет. В частности, К. Браттон выявила, что женщины последовательно поддерживали больше законопроектов, защищающих интересы женщин, чем мужчины, независимо от того, какой процент мест они занимали, что свидетельствует об отсутствии эффекта «критической массы». Кроме того, было установлено, что рост представленности женщин в законодательных собраниях штатов США (с 5% до 27%) привел к нивелированию гендерных различий при голосовании. Примечательно, что индивидуальная эффективность женщин-законодателей оказалась выше в условиях их численного меньшинства¹¹⁹. Другими словами, малая численность женщин в структурах власти не исключает их субъектности. Зачастую именно эффект исключительности способствует более высокой медийной репрезентации их инициатив и позволяет им играть роль значимых акторов, чья деятельность становится более заметной в однородной мужской среде.

Исследователи также пишут, что увеличение численности женщин в политических институтах может иметь негативные последствия, потому что они больше угрожают большинству, то есть мужчинам¹²⁰. В частности, они обращаются к теории навязчивости, подчеркивая, что, когда женщины составляют небольшое меньшинство, они могут использовать свой символический статус, чтобы

¹¹⁸ См., например, Grey S. Does Size Matter? Critical Mass and New Zealand's Women MPs // *Parliamentary Affairs*. 2002. Vol. 55. No. 1. P. 19-29.

¹¹⁹ Bratton K.A. Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures // *Politics & Gender*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 97-125.

¹²⁰ Lieberman S. *A Piece of the Pie: Blacks and White Immigrants Since 1880*. Berkeley: University of California Press, 1980.

привлекать внимание к женским проблемам. Однако, когда женщин становится больше, это начинает угрожать власти и привилегиям мужчин, что приводит к враждебной коммуникации, дискриминации и конфликтам¹²¹. Но тем не менее, обоснованной представляется и позиция исследователей, согласно которой женщины меньше говорят и менее заметны на публике, когда они находятся в меньшинстве¹²². Все-таки увеличение женского представительства крайне необходимо, чтобы не только принимать законопроекты и участвовать в формировании политики, но и менять организационную культуру в политических институтах, делать ее более комфортной для работы женщин с учетом их потребностей¹²³.

¹²¹ Yoder J.D. Rethinking Tokenism: Looking Beyond Numbers // *Gender & Society*. 1991. Vol. 5. No. 2. P. 178-192.

¹²² Mendelberg T., Karpowitz C.F., Goedert N. Does Descriptive Representation Facilitate Women's Distinctive Voice? How Gender Composition and Decision Rules Affect Deliberation // *American Journal of Political Science*. 2014. Vol. 58. No. 2. P. 291-306.

¹²³ Dahlerup D. From a Small to A Large Minority: Women in Scandinavian Politics // *Scandinavian Political Studies*. 1988. Vol. 11. P. 275-298.

1.3. Социальные и институциональные факторы участия женщин в политике

Несмотря на продолжительный путь, проделанный женщинами в вопросе расширения своих прав и возможностей, сохраняет свою актуальность следующая цитата: «политика как в измерении отдельного государства, так и в мире остается традиционной сферой мужского господства, в которой сформировано мнение о том, что женщина может рассчитывать на реализацию своих амбиций в этой области лишь в последнюю очередь»¹²⁴. В связи с этим важно изучить факторы, которые влияют на расширение возможностей женщин в политике, а также меры, которые предпринимают правительства стран для проведения более инклюзивной политики.

Не все люди интересуются политикой и готовы в ней участвовать, особенно на ключевых общественно значимых должностях. Для участия требуются как особые личностные характеристики (интерес, амбиции, специализированные знания), так и ресурсы (время, определенный уровень образования, деньги, неформальные связи). На появление мотивации к участию непосредственно влияет политическая социализация, а для участия женщин в политике принципиальное значение имеет еще и гендерная социализация. Кроме того, характеристики политической системы имеют значение, так как определяют правила, по которым функционирует политическая сфера и которые необходимо соблюдать для получения доступа к процессу принятия решений, занятия должностей в исполнительной или законодательной власти. Таким образом, можно сказать, что историческое исключение женщин из политических институтов и процессов обусловлено социальными и институциональными факторами, которые накладывают ограничения на индивидуальную и коллективную деятельность женщин.

В первую очередь следует обратить внимание на действие *социального фактора*, который устанавливает высокие барьеры для расширения участия женщин в политике и ограничивает их возможности для реализации своего

¹²⁴ Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 70-81.

потенциала. Сложившиеся на протяжении веков социальные нормы в обществе отдают приоритет мужчинам-политикам. Как отмечает Ю.О. Риккер, «с учетом патриархальных тенденций конфуцианства, женщины в Китае рассматривались как социальная группа, значительно отличающаяся от мужчин», что закрепляло их подчиненное социальное положение и ограничивало доступ к публичной сфере¹²⁵. В основе этих норм лежит идеология патриархата как системы мужского доминирования, формирующая отношение к женщинам в политике и выстраивающая иерархию гендерных отношений, где мужчины занимают привилегированное положение.

Патриархат – «это семейно-социальная, идеологическая, политическая система, в которой мужчины силой, прямым давлением или посредством ритуала, традиции, законов, языка, обычаев, этикета, образования и разделения труда определяют, какую роль женщины должны играть, и в которой женщина повсеместно подчинена мужчине»¹²⁶. Ее важным элементом является идеология гендерных ролей, используемая как инструмент для удержания женщин в частной сфере и недопущения их в публичную сферу. Гендерная роль – это социальные ожидания в отношении поведения мужчины и женщины, основанные на социально идентифицированном поле, которые часто находят выражение в разделении труда¹²⁷.

Теория ролей предполагает, что типичные для пола социальные роли имеют решающее значение для характеристики способностей, приписываемых человеку. Такие представления заложены в основу гендерных стереотипов, которые являются схематизированными, обобщенными образами маскулинности и фемининности. Т.Б. Рябова отмечает, что сущностные свойства гендерных стереотипов совпадают со свойствами социальных стереотипов, и они: носят

¹²⁵ Риккер Ю.О. Мировые тенденции формирования андрогинного типа гендерной идентичности (на примере КНР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-1(33). С. 159-162.

¹²⁶ Rich A. *Of Women Born: Motherhood as Experience and Institution*. N.Y.: Norton, 1976.

¹²⁷ Брединхин С.Н., Серебрякова С.В., Лиховид А.А. Динамика восприятия гендерных ролей: сравнительно-сопоставительный анализ между США и Россией // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. № 2. С. 92-103.

эмоционально-оценочный характер; устойчивы, выполняют функцию поддержания групповой идентичности, объясняют существующие в обществе отношения гендерной асимметрии, гендерной иерархии, гарантируя устойчивость социальных норм¹²⁸. Таким образом, гендерные стереотипы носят предписывающий характер (формируют убеждения о том, что должны делать мужчины и женщины) и запретительный характер (формируют убеждение о том, что мужчины и женщины делать не должны)¹²⁹. Идеология гендерных ролей не только создает дуализм женственности и мужественности, но и выстраивает иерархическую модель отношений, где женский голос ценится меньше, чем мужской.

Гендерные стереотипы связывают женщин с воспитанием и уходом за детьми, а мужчин изображают как более подходящих для политических должностей. Большое значение имеют запретительные характеристики, которые являются негативными только для одного пола, но разрешенными для другого. Сигналы, получаемые из гендерных стереотипов, позволяют делать прогнозы о личности человека, они формируют основу для оценки мужчин и женщин в разных сферах жизни.

Эмпирические исследования демонстрируют, что при оценке кандидатов на выборах избиратели применяют более строгие критерии к кандидаткам, чем к кандидатам-мужчинам, и ожидают от них более высокого уровня профессионализма. Это свидетельствует о влиянии гендерных стереотипов, направленных против женщин, которые стремятся заниматься «мужским делом»¹³⁰. Избиратели считают, что мужчины более соответствуют занятию руководящих должностей в политике, чем женщины¹³¹. Также избиратели чаще ставят под

¹²⁸ Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3-4. С. 3-12.

¹²⁹ Eagly A.H., Karau S.J. Role Congruity Theory of Prejudice Toward Female Leaders // Psychological Review. 2002. Vol. 109. No. 3. P. 573-598.

¹³⁰ Bauer N.M. Emotional, Sensitive, and Unfit for Office? Gender Stereotype Activation and Support Female Candidates // Political Psychology. 2015. Vol. 36. No. 6. P. 691-708.

¹³¹ Smith J.L., Paul D., Paul R. No Place for a Women: Evidence for Gender Bias in Evaluations of Presidential Candidates // Basic and Applied Social Psychology. 2007. Vol. 29. No. 3. P. 225-233.

сомнение наличие у кандидаток необходимого опыта для занятия политических должностей¹³².

Результаты выборов в демократических странах также хорошо показывают влияние стереотипов, потому что в большинстве этих стран женщины так и не достигли необходимого уровня представительства (30%), что свидетельствует о том, что многие избирательницы предпочитают голосовать за мужчин. Даже у избирательниц женщины, стремящиеся к власти, вызывают негативную реакцию, так как не совпадают с доминирующими стереотипами. Как представляется, избиратели ценят в кандидатах ярко выраженные лидерские качества, амбициозность, решительность, но при этом они не готовы наделять такими чертами женщин-политиков, наоборот, такие женщины-политики вызывают непонимание или отторжение. Ученые отмечают: «Исследования показывают, что избиратели не поддерживают кандидаток не только из-за гендерных стереотипов, но и из-за прагматических предубеждений, которые ставят под сомнение компетентность и авторитет женщин на руководящих должностях»¹³³.

Нередко в период предвыборной кампании и уже на должностях в государственных институтах женщины подвергаются нападкам со стороны мужчин. Например, в 2019 г. в Финляндии был сформирован кабинет министров во главе с Санной Марин, в его состав вошли пять женщин, каждая из которых возглавляла при этом партию, формирующую коалицию. Один из комментаторов назвал этот кабинет министров «правительством помад». В Канаде один из парламентариев назвал женщину-министра экологии «климатической Барби». В 2014 г. британский парламентарий описал перестановку в кабинете Д. Кэмерона как «ночь юбок», подчеркивая свое негативное отношение к женщинам на политических постах. Подобные комментарии не являются редкостью,

¹³² Annesley C., Beckwith K., Franceschet S. Cabinets, Ministers, and Gender. Oxford: Oxford University Press, 2019; Schneider M.C., Bos A.L. The Application of Social Role Theory to the Study of Gender in Politics // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. P. 173-213.

¹³³ Corbett C., Voelkel J.G., Cooper M., Willer R. Pragmatic Bias Impedes Women's Access to Political Leadership // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 119. No. 6 URL: https://www.researchgate.net/publication/358322495_Pragmatic_bias_impedes_women's_access_to_political_leadership (дата обращения: 15.07.2025).

язвительные или откровенно оскорбительные замечания в адрес женщин-политиков позволяют себе и журналисты, комментируя их выступления или решения, акцентируя внимание на несоответствии притязаний женщины-политика ее гендерной роли¹³⁴.

СМИ часто усиливают гендерные стереотипы, фокусируют внимание не на компетентности или достижениях, а на внешности, частной жизни и эмоциональности¹³⁵. Показательным является случай Ли Шаоли — заместителя начальника Управления по вопросам административных разрешений и предоставления государственных услуг города Хух-Хото (орган местной администрации КНР). Во время пресс-конференции по вопросам профилактики COVID-19 в октябре 2022 года она привлекла внимание части сетевой аудитории своим внешним видом (серьги и шелковый платок): пользователи обсуждали макияж, аксессуары, а также бренды и возможную стоимость деталей образа, а также ставили под вопрос их уместность для государственного служащего. Такая дискуссия позволяет говорить о морализирующей интерпретации внешних атрибутов и о том, что публичное внимание было направлено не на профессиональные высказывания чиновницы, а на символически нагруженные элементы ее внешности.

С распространением социальных сетей каждый человек получил возможность становиться производителем и распространителем информации, в результате чего сетевое пространство заполнилось многочисленными сообщениями, несущими индивидуальные позиции и оценочные суждения. Появление гендерно-дискриминирующих комментариев отражает воспроизводство и усиление в цифровой среде тех форм неравенства и предубеждений, которые долгие годы присутствовали в традиционном обществе. Эти предубеждения не являются чем-то новым: они укоренены в историко-культурной структуре с доминированием

¹³⁴ 余晓艳. 女性主义视角下媒介建构女性领导干部形象研究 // 今传媒. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 129-132. (Ю Сяосянь. Исследование медиаконструирования образа женщин-руководителей с феминистской точки зрения // Современные медиа. 2023. Т. 31. № 3. С. 129-132.)

¹³⁵ Liu S.J.S. Cracking Gender Stereotypes? Challenges Women Political Leaders Face // Political Insight. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 12-15.

мужчин и относительной маргинализацией женщин и получают новые формы проявления в условиях сетевых механизмов распространения информации¹³⁶.

В России медийное освещение деятельности женщин-политиков также характеризуется выраженной гендерной направленностью¹³⁷. Так, российские журналисты часто акцентируют внимание на брошах Э. Набиуллиной, цветовых решениях в одежде и макияже, интерпретируя эти элементы внешнего вида как сигналы в отношении денежно-кредитной политики — например, неваляшку как намек на ожидаемую устойчивость экономики, а голубя как символ мягкой политики.

Как представляется, идеология политической партии смягчает влияние гендерных стереотипов на позицию избирателей. Политическая партия отбирает кандидатов, руководствуясь своими основными ценностями, а претенденты на политические должности должны представлять эти идеалы. Правые партии всегда подчеркивают свою приверженность традиционным семейным ценностям, поэтому с высокой долей вероятности они не будут выдвигать кандидаток, понимая, что их электорат очень консервативный и готов отдать голос только за мужчину (исключением из этого ряда является Великобритания). Левые партии придерживаются идей равенства, электорат этих партий больше ценит инклюзивность, поэтому выше вероятность электоральной поддержки кандидаток. Кроме того, депутаты таких партий более доброжелательно настроены в отношении женщин-политиков, готовы поддерживать их и продвигать на посты министров в правительстве, они в меньшей степени подвержены гендерным стереотипам.

Таким образом, можно сделать вывод, что участие женщин в формировании политики, занятие ими ведущих должностей в институтах исполнительной и законодательной власти более вероятно в составе левых и левоцентристских

¹³⁶ 刘灿, 杜春娥. 暴力三角理论视域下网络性别暴力的成因及治理措施探究 // 新闻传播科学. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 96-100. (Лю Цань, Ду Чунъэ. Исследование причин и мер управления гендерным насилием в сети в рамках теории «треугольника насилия» // Наука о новостях и коммуникациях. 2024. Т. 12. № 1. С. 96-100.)

¹³⁷ Бай Ужилига. Особенности освещения позиции женщины-политика в медиа // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 532-534.

политических партий, придерживающихся эгалитарных идей и готовых предоставить кандидаткам необходимые ресурсы для расширения своих возможностей в политике. Кроме того, такая политическая идеология способствует не только продвижению женщин внутри партии, но и проведению государственной политики по поддержке женщин и мотивации их к политической деятельности, активизирует усилия гражданского общества по продвижению идей гендерного равенства, повышению осведомленности общества, мобилизации общественной поддержки, развитию диалога для борьбы с гендерными стереотипами и предрассудками, которые препятствуют расширению прав и возможностей¹³⁸.

Если идеология политических партий может ослаблять давление гендерных стереотипов, то *интерсекциональность* подчеркивает сложность социального положения женщин и усложняет расширение их прав и возможностей в политике. Ключевым тезисом интерсекционности, или перекрестного анализа является утверждение о том, что раса, гендер и класс — это не разделенные и изолированные области опыта, они существуют через противоречия и конфликтные отношения друг с другом¹³⁹. Это понятие в научный оборот ввела Кимберли Крэншоу (афроамериканский профессор юриспруденции, правозащитница) для того, чтобы подчеркнуть сложность социального неравенства и каким образом оно влияет на женщин из маргинализированных сообществ. Ее идея заключается в том, что личность может иметь несколько социальных идентичностей¹⁴⁰. Первоначально исследования по этой проблеме касались пересечения гендера и расы, впоследствии также было признано, что такие параметры как этничность, социальный класс имеют значение для формирования опыта.

Сторонники этого подхода подчеркивают, что государственные и политические институты не являются нейтральными в гендерном, расовом, классовом,

¹³⁸ Donno D., Kreft A.K. Authoritarian Institutions and Women's Rights // Comparative Political Studies. 2019. Vol. 52. No. 5. P. 720-753.

¹³⁹ Пospelова О.В. Интерсекционный подход в социальной и политической теории // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 1. С. 57-64; Elgar Encyclopedia of Gender and Politics / ed. by Z. Lefkofridi. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2026.

¹⁴⁰ Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. 1989. No. 1. P. 139-167.

этническом плане. Это означает, что барьеры для политического представительства женщин и их политического участия не являются однородными и могут различаться в зависимости от нескольких измерений идентичности. Пересечение идентичностей усиливает дискриминацию. Например, если женщина является кандидаткой на выборах, то преградой на пути к успеху становятся гендерные стереотипы. При этом принадлежность женщины к иной расовой группе формирует дополнительный барьер, обусловленный действием расовых стереотипов. В случае, если данная характеристика сочетается с принадлежностью к низшему социальному классу, возникает еще один уровень ограничений, связанный с влиянием классовых стереотипов. Пересечение этих идентичностей ведет к усилению угнетения женщин и значительно усложняет их доступ к власти¹⁴¹.

Пересекающиеся идентичности создают уникальные проблемы, которые часто упускаются из виду при изучении участия женщин в политике. Интерсекциональный анализ обеспечивает более точное понимание системы барьеров, с которыми сталкиваются женщины из разных слоев общества, множественность дискриминации¹⁴². Типичным примером пересечения идентичностей является нынешний лидер Консервативной партии Великобритании (Кеми Баденкок). Влияние гендерных стереотипов на возможности женщин в политике осложняется еще и тем, что в условиях традиционализма женщины часто ограничивают себя сами, не рассматривая для себя политическую карьеру.

Институциональный фактор подразумевает препятствия, связанные с тем, что действующие институты не ориентированы на гендерную нейтральность, а производят дискриминационные практики. Доминирование мужчин в формальных политических институтах в демократических государствах является во многом следствием давления социального фактора, но и сами они могут быть устроены таким образом, что усиливают его негативное воздействие. Это означает, что

¹⁴¹ Alexander A.C., Jalalzai F. Symbolic Empowerment and Female Heads of States and Government: A Global, Multilevel Analysis // Politics, Groups, and Identities. 2020. Vol. 8. No.1. P. 24-43.

¹⁴² Collins P.H., Da Silva E.C.G., Ergun E., et al. Intersectionality as Critical Social Theory // Contemporary Political Theory. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 690-725.

институты непреднамеренно исключают возможность для равноправного участия мужчин и женщин в политике¹⁴³. Институты не имеют прямого отношения к гендеру, они не направлены на дискриминацию, однако результаты их функционирования отличаются для мужчин и женщин.

Среди всех институтов демократического государства избирательная система играет центральную роль в динамике политического представительства, и она серьезным образом влияет на доступ женщин к должностям. На эту тему проведено много эмпирических исследований, и ученые сходятся во мнении, что пропорциональная избирательная система открывает доступ женщинам в политику¹⁴⁴, а мажоритарная система затрудняет¹⁴⁵. Сравнивая эти два типа избирательных систем с гендерных позиций, авторы приходят к выводу, что наибольшее значение имеют следующие их характеристики:

1. *Размер избирательного округа*, или количество кандидатов, которые могут победить (одномандатный округ и многомандатный округ). Если в избирательном округе может победить только один кандидат, то это серьезные ограничения для женщин, желающих участвовать в выборах, потому что они должны вести конкурентную борьбу в двух измерениях (с другими членами партии, которые также хотят баллотироваться на выборах, и с кандидатом от конкурирующей партии). Это означает, что конкурентная борьба очень острая, а цена победы на выборах очень высокая. В такой ситуации много зависит от руководителей политической партии, решатся ли они выдвинуть женщину. С одной стороны, выдвижение женщины препятствует амбициям влиятельных мужчин-

¹⁴³ Duerst-Lahti G. Governing Institutions, Ideologies, and Gender: Toward the Possibility of Equal Political Representation // *Sex Roles*. 2002. Vol. 47. No. 7. P. 371-388.

¹⁴⁴ См., например, Cox G.W., Fiva J.H., Smith D.M. The Contraction Effect: How Proportional Representation Affects Mobilization and Turnout // *The Journal of Politics*. 2016. Vol. 78. No. 4. P. 1249-1263; Norris P. *Driving Democracy: Do Power-Sharing Institutions Work?* Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Kittilson M.C., Schwindt-Bayer L. Engaging Citizens: The Role of Power-Sharing Institutions // *Journal of Politics*. 2010. Vol. 72. No. 4. P. 990-1002; Kittilson M.C., Schwindt-Bayer L. *The Gendered Effects of Electoral Institutions: Political Engagement and Participation*. Oxford: Oxford University Press, 2012; Paxton P., Hughes M.M., Painter M.A. Growth in Women's Political Representation: A Longitudinal Exploration of Democracy, Electoral Systems and Gender Quotas // *European Journal of Political Research*. 2010. Vol. 49. No. 1. P. 25-52.

¹⁴⁵ См., например, Corder J.K., Wolbrecht C. *Counting Women's Ballots: Female Voters from Suffrage Through the New Deal*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; Михайлова О.В., Петропольский Д.И. Женщины и мужчины в борьбе за политическое лидерство в современных западных демократиях: факторный анализ // *Женщина в российском обществе*. 2025. № 4. С. 23-37.

однопартийцев, которые тоже хотели бы получить возможность участвовать в выборах. С другой стороны, руководители партии могут считать, что у кандидатки меньше шансов на победу, особенно если от конкурирующей партии будет баллотироваться мужчина, и в дополнение к этому электорат настроен консервативно.

Многомандатные округа более предпочтительны для женщин, потому что снижают для партии риски проиграть. Партия может выдвигать на выборы несколько кандидатов и для привлечения поддержки избирателей скорее всего номинирует женщину, если это согласуется с идеологическими представлениями руководителей партии. При этом исследователи отмечают, что вероятность выдвижения кандидаток растет с увеличением размера округа (партия не будет рисковать, если возможна победа только 3–5 кандидатов, но если это общенациональный округ с возможностью победить более чем для сотни кандидатов, то риски снижаются).

2. *Наличие законодательно установленного заградительного барьера*, или минимального количества голосов избирателей, необходимого для прохождения партии в нижнюю палату парламента. Исследователи утверждают, что высокий заградительный барьер (7–10%) негативно влияет на представительство женщин в законодательном органе власти, потому что препятствует прохождению небольших партий в парламент, а как правило, новые небольшие партии выступают с мейнстримными идеями, в том числе по проблеме гендерного равенства. При отсутствии или при низком заградительном барьере увеличивается число партий, которые могут победить на выборах.

3. *Партийные списки*. В условиях применения пропорциональной избирательной системы с закрытыми партийными списками вероятность институционального включения женщин в представительные органы власти возрастает. Это обусловлено тем, что избиратели лишены возможности оказывать влияние на персональный состав кандидатов, представленных в списках, и, независимо от возможного несогласия с гендерной структурой этих списков, голосуют за политическую партию в целом, тем самым делегируя ей полномочия

по формированию депутатского корпуса. В Европе преобладает практика использования открытых списков. В этом случае велика вероятность, что у избирателей будут актуализированы гендерные стереотипы, и они не проголосуют за кандидатку из списка, что снизит шансы партии на получение мест в парламенте.

В Китае ВСНП формируется не прямыми выборами, а через систему многоуровневых косвенных выборов. Механизм выдвижения и формирования списков кандидатов основан на процедуре предварительного согласования, при которой ключевую координирующую роль играет КПК. Кандидатуры обсуждаются и отбираются на нескольких уровнях с участием партийных структур, общественных организаций и коллективных объединений, после чего утверждаются в рамках установленной процедуры. На всех этапах проводится обсуждение и проверка кандидатов, что делает этот процесс менее конкурентным по сравнению с выборами западного типа. Женщины-политики в данном случае ограждены от общественных гендерных стереотипов и предубеждений общества. Более того, благодаря тому, что партия играет значимую роль в образовательном процессе и политической социализации, предпринимаемые ею действия по расширению представительства женщин рассматриваются как сигнал для общества.

Изучение социальных и институциональных факторов участия женщин в политике, ставит вопрос о мерах, которые необходимы для ослабления негативных последствий этих факторов. Представляется, что ключевую роль в данном процессе могут играть *международные структуры и национальные государства*. Международные структуры привлекают внимание мировой общественности к проблеме гендерного неравенства, организуют форумы для стран по обмену опытом, совместному обсуждению проблем и разработке рамочных документов, направляющих действия национальных государств в этой области. Государства, в свою очередь, вырабатывают пакет конкретных решений, обеспечивающих реализацию идей гендерного равенства с учетом национальной специфики, активизируют усилия гражданского общества по просветительской деятельности.

На глобальном уровне со второй половины XX века наблюдается активная деятельность международных структур, направленная на решение проблемы

неравенства мужчин и женщин, в том числе в политической сфере. Европейский институт гендерного равенства, который занимается сбором и анализом данных по этой проблеме, разработал «Индекс гендерного равенства» для измерения прогресса в этой области и особо подчеркивает, что гендерное неравенство не является исключительно проблемой женщин, оно касается и мужчин, это вопрос прав человека¹⁴⁶.

Признание и защита прав женщин на участие в политике поддерживается международным правом, конвенциями, декларациями и резолюциями. С исторической точки зрения в этом процессе можно выделить несколько направлений: (1) признание равных прав мужчин и женщин на участие в социальной и политической жизни; (2) принятие мер по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; (3) принятие мер для обеспечения сбалансированного представительства мужчин и женщин в политике; (4) принятие мер для равного участия мужчин и женщин в политике в целях достижения устойчивого развития.

В рамках *первого* направления по признанию равных прав мужчин и женщин на участие в социальной и политической жизни Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 г. принимает Всеобщую декларацию прав человека, где в ст. 21 признается ряд ключевых прав человека¹⁴⁷.

31 марта 1952 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о политических правах женщин¹⁴⁸, где в ст. 1 признается, право женщин голосовать «на всех выборах, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации». В ст. 2 фиксируется право женщин быть избранными «на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов». И наконец в ст. 3 утверждается, что: «Женщинам принадлежит, на равных с мужчинами

¹⁴⁶ Gender Equality Index 2025 // European Institute for Gender Equality. URL: <https://eige.europa.eu/newsroom/news/save-date-gender-equality-index-2025> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁴⁷ Всеобщая декларация прав человека // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁴⁸ Конвенция о политических правах женщин // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (дата обращения: 14.07.2025).

условиях, без какой-либо дискриминации, право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом».

16 декабря 1966 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Международный пакт о гражданских и политических правах, где ст. 25 были еще раз разъяснены права как мужчин, так и женщин¹⁴⁹.

В рамках *второго* направления по принятию мер по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹⁵⁰. В отличие от ранее рассмотренных международных документов, данный акт не ограничивается декларацией равенства мужчин и женщин, но закрепляет обязанность государств-участников реализовывать конкретные меры по улучшению положения женщин, дает четкое определение дискриминации в отношении женщин и формирует программу действий по достижению гендерного равенства. Вместе с тем документ признает, что женщины не находятся в равных условиях с мужчинами в результате исторически сложившейся дискриминации, поэтому некоторые законы, направленные на формальное поощрение равенства могут на самом деле привести к большему неравенству для некоторых граждан. Поэтому в ст. 4 было указано на возможность: *«Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным...»*, а в ст. 7 зафиксировано, что государства-участники принимают на себя все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической сфере и общественной жизни страны и, в частности, обеспечивают женщинам на равных условиях с мужчинами право: *голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться на все публично избираемые органы;*

¹⁴⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵⁰ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 14.07.2005).

участвовать в формировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления; принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны.

Для установления подотчетности государств за исполнение/достижение этих мер в ст. 17 установлена необходимость создания специального Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в качестве надзорного органа, с целью изучения прогресса, достигнутого государствами-участниками, которые берут на себя обязательства и в установленном порядке отчеты после ратификации договора.

В рамках *третьего* направления – обеспечения сбалансированного представительства мужчин и женщин в политике – следует отметить Четвертую Всемирную конференцию по положению женщин, проходившую в Пекине в 1995 г. (предыдущие конференции проходили в Найроби в 1985 г., в Копенгагене в 1980 г., в Мехико в 1980 г.), когда была принята Пекинская декларация и Платформа действий¹⁵¹, в которой изложены обязательства государств по расширению прав женщин. На этой конференции произошло важное смещение акцентов на гендерные проблемы. В Пекинской декларации правительства стран призываются к принятию мер для обеспечения сбалансированного представительства мужчин и женщин на государственной службе. Стратегическая цель G1. *«Принятие мер по обеспечению равного доступа женщин к директивным структурам и процессу принятия решений и их полного участия в них»*, а также стратегическая цель G2. *«Расширение имеющихся у женщин возможностей участия в процессе принятия решений и в работе системы управления»* посвящены мерам, которые необходимо принять правительствам, партиям, ООН для решения проблемы несбалансированного представительства женщин в политике и государственном управлении. Особенно важными являются меры по оказанию содействия

¹⁵¹ Пекинская декларация и Платформа действий // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

женщинам в: а) *«организация обучения по развитию руководящих навыков и укреплению уверенности в своих силах ...»*; б) *«разработка гласных критериев занятия руководящих должностей и обеспечение в гендерном отношении состава отборочных органов»*; в) *«создание наставничества для не имеющих соответствующего опыта женщин...»*; г) *«организация для женщин и мужчин учебной подготовки с уделением особого внимания гендерным вопросам...»*; д) *«налаживание механизмов и обучения, поощряющих женщин к участию в процессе выборов, политической деятельности...»*¹⁵². На последующих встречах Пекин+5¹⁵³, Пекин+10, Пекин+15, Пекин+20, оценивались достижения государств по каждой из 12 проблемных областей, в том числе и в политике.

В рамках *четвертого* направления по принятию мер для равного участия мужчин и женщин в политике в целях достижения устойчивого развития 19 декабря 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 66/130 Женщины и участие в политической жизни, в которой высказала обеспокоенность нерешенностью проблемы доступа женщин к политической сфере, в частности указывая на то, *«женщины до сих пор сталкиваются с многочисленными препятствиями на пути их участия в политической жизни на равных с мужчинами условиях»*, и задача состоит в том, чтобы *«обеспечить уникальную возможность для устранения таких препятствий»*¹⁵⁴.

Резолюция призывает государства принять разнообразные и всеобъемлющие меры для обеспечения участия женщин на равных с мужчинами и советует ООН и другим международным организациям оказывать большее содействие в этом. В частности, ст. 6 призывает содействовать в том, чтобы избирательные системы содействовали представленности женщин в выборных органах и корректировке или реформировании этих систем там, где это необходимо¹⁵⁵.

¹⁵² Там же. С. 86.

¹⁵³ Пекин +5. Политическая декларация и решения // Официальный сайт ООН-Женщины. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵⁴ Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных наций 66/130. Женщины и участие в политической жизни // Официальный сайт ООН. URL: <https://docs.un.org/r/A/RES/66/130> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵⁵ Там же.

И как следствие, ст. 8 призывает государства: *«назначать женщин на государственные должности всех уровней, в том числе при необходимости в органах, ответственных за разработку конституционных, избирательных, политических или институциональных реформ»*¹⁵⁶.

В 2015 г. ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.¹⁵⁷, в которой сформулировала 17 целей и 169 задач, направленных на решение глобальных проблем человечества. Было обозначено, что для достижения Цели 5 *«Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»*, в рамках достижения которой должны быть реализованы определенные задачи¹⁵⁸.

Последний по времени доклад ООН о ходе достижения поставленных целей констатирует, что мир все еще не находится на пути к достижению гендерного равенства к 2030 г., и при нынешних темпах прогресса может потребоваться еще 300 лет, чтобы побороть дискриминацию и закрыть существующие проблемы в правовой защите женщин. При нынешних темпах достижение гендерного паритета в парламентах возможно только к 2063 г.¹⁵⁹

Мировой опыт свидетельствует о том, что самой эффективной мерой государственной поддержки женщин по расширению их описательного представительства на национальном уровне стала *политика гендерных квот*. Государства устанавливают квоты под давлением международных организаций и в результате внутриполитической мобилизации женщин, требующих доступа к политике¹⁶⁰.

Гендерные квоты появились как глобальная стратегия быстрого исправления исторической исключенности женщин из политической сферы. В научной

¹⁵⁶Там же.

¹⁵⁷Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных наций 70/1. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Официальный сайт ООН. URL: <https://docs.un.org/r/A/RES/70/1> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵⁸Там же.

¹⁵⁹ООН: цена бездействия в отношении гендерного неравенства слишком высока // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456311> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁶⁰Krook M.L. Electoral Gender Quotas: A Conceptual Analysis // Comparative Political Studies. 2014. Vol.47. No. 9. P. 1268-1293.

литературе существует консенсус относительно того, что эти квоты являются эффективным инструментом для решения проблемы интеграции женщин¹⁶¹. Однако в то же время они не решают проблему, связанную с сущностным представительством женщин, и не гарантируют учет интересов женщин в политике. Гендерные квоты устанавливаются в условиях объективного неравенства в возможностях мужчин и женщин, поэтому действенность этого инструмента ограничена без искоренения дискриминации, потому что в целях сохранения доминирования мужчин в политике квотами можно манипулировать и ослаблять их позитивное влияние. Как отмечает С.М. Рай, хотя квоты важны для решения проблемы исключения женщин из политической сферы, они могут составлять лишь часть многогранной стратегии расширения прав и возможностей женщин, которая вместе с возросшим политическим участием должна также включать перераспределение социально-экономических ресурсов в обществе¹⁶². Нельзя не согласиться с тем, что женщины, не обладающие экономическими правами, не могут в политической сфере осуществлять свои права и расширять возможности по участию в формировании политики.

Важным условием эффективности гендерных квот является их продуманность, проработанность и наличие механизмов, гарантирующих их соблюдение¹⁶³. Гендерные квоты должны подкрепляться правом и политической волей для преодоления сопротивления им, которое неизбежно в силу сохраняющегося неравенства между мужчинами и женщинами¹⁶⁴. Следовательно, необходима постоянная просветительская работа со стороны действующих политиков-мужчин и демонстрация их приверженности идее обеспечения гендерного равенства.

¹⁶¹ Aldrich A.S., Daniel W.T. The Consequences of Quotas: Assessing the Effect of Varied Gender Quotas on Legislator Experience in the European Parliament // *Politics & Gender*. 2020. Vol. 16. № 3. P. 738-767; Walsh D. A Feminist Approach to Quotas and Comparative Politics // *Politics & Gender*. 2013. Vol. 9. № 3. P. 322-328; Barnes T.D., Holman M.R. Gender Quotas, Women's Representation, and Legislative Diversity // *The Journal of Politics*. 2020. Vol. 82. № 4. P. 1271-1286; Lu S.F.D., Lu J.L.D. The Electoral Quota – A Form of Gender Quota to Increase Women's Participation in Parliament: A Quantitative Study from a Survey in the Middle East // *Journal of International Women's Studies*. 2020. Vol. 21. № 6. P. 391-404.

¹⁶² Rai S.M. *International Perspectives on Gender and Democratisation*. L.: Palgrave Macmillan, 2000.

¹⁶³ Dahlerup D. *Women, Quotas, and Politics*. L.: Routledge, 2013.

¹⁶⁴ Krook M.L. Violence Against Women in Politics // *Journal of Democracy*. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 74-88.

Наиболее успешным в вопросе введения гендерных квот стал опыт Латинской Америки, где они оказали преобразующее воздействие, что привело к росту политического участия женщин в законодательной деятельности, особенно в области решения гендерно-чувствительных проблем¹⁶⁵. В США реализован иной подход: были введены добровольные квоты для политических партий, однако их эффективность оказалась неоднозначной, поскольку в данном случае их применение зависит от воли партийного руководства, которое вследствие гендерных предубеждений может отказываться от их использования¹⁶⁶. Действенными оказываются только обязательные квоты и жесткие требования по партийным спискам, в случае отступления от которых партия снимается с выборов или штрафуется.

Еще одной важной проблемой при использовании гендерных квот является поддержка такой меры со стороны общества. Получение женщинами доступа к принятию решений посредством квот не должно рассматриваться гражданами как результат нечестной конкуренции и нарушение принципа отбора на основе профессиональных качеств¹⁶⁷. Если в обществе не будет понимания того, почему женщинам необходимо пользоваться квотами для расширения своих возможностей в политике, то это приведет к усилению гендерных предубеждений, агрессии в отношении женщин-политиков, нелегитимности их решений.

Рассматривая меры, направленные на решение проблемы женского представительства во власти и повысить влияние женщин в политической сфере, необходимо отметить, что каждая страна имеет свою историю этого вопроса. Интенсивность, результативность и эффективность мер, предлагаемых международным сообществом и национальными государствами, зависит во многом от того, какими были первоначальные условия и какие приоритеты общественно-

¹⁶⁵ Schwindt-Bayer L. Gender Quotas and Women's Political Participation in Latin America // Paper from The Americas Barometer, Small Grants and Data Award Recipients. 2011. URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/pdfs/Schwindt-Bayer_SmallGrant_Publish.pdf (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁶⁶ Somani A.A. The Use of Gender Quotas in America: Are Voluntary Party Quotas the Way to Go? // William & Mary Law Review. 2013. Vol. 54. No. 4. P. 1451-1488.

¹⁶⁷ Fernandez J.J., Valiente C. Gender Quotas and Public Demand for Increasing Women's Representation in Politics: An Analysis of 28 European Countries // European Political Science Review. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 351-370.

политического развития ставятся правительствами. В этой связи можно выделить несколько траекторий развития политического представительства женщин.

К первой категории стран относятся те, где женщины до сих пор не имеют представительства или его уровень очень низкий, при этом на протяжении многих десятилетий ничего практически не меняется, несмотря на усилия международного сообщества. Росту политического участия препятствует тип политической системы и социальные установки.

Ко второй категории стран относятся те, где на протяжении длительного времени проходили медленные изменения с начала XX века, которые приводили к постепенному росту представительства, но правительства этих стран воздерживались от резких перемен, чтобы сохранять социальную и политическую стабильность (Швеция, Дания, Норвегия и др.).

К третьей категории относятся страны, двигавшиеся по стремительной траектории буквально одномоментно, резко увеличивая женское представительство. Например, Руанда в 2003 г. увеличила представительство с 25,7% до 48,8%, то есть на 23,1% за один год. Такая картина типична для ряда стран с середины 1990-х гг., когда началось масштабное установление гендерных квот. Например, после установления квоты в 30% в ЮАР с 1994 г. по 1995 г. доля женщин в парламенте страны увеличилась с 1,2% до 25%. Многие страны из этой категории либо пережили крупные военные конфликты, либо провели конституционное переустройство государства и впервые установили выборные процедуры¹⁶⁸.

К четвертой категории относятся страны, в которых положительная динамика роста женского представительства сменилась отрицательной. Пример этих стран демонстрирует, что рост числа женщин в законодательных и исполнительных институтах не обязательно будет постоянным: уровень их представительства может снижаться как постепенно, так и резко. Примером такой страны является Венгрия, где до перехода к демократии было широкое представительство женщин

¹⁶⁸ Tripp A.M., Kang A.J. The Global Impact of Gender Quotas: On the Fast Track to Increased Female Legislative Representation // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. No. 3. P. 338-361.

(с 1979 г. по 1989 г. от 20% до 30%), но в 1990 г. женщины не смогли удержать свою власть и закрепить ее на выборах, поэтому их доля сократилась до 7%. Таким образом, процедуры отбора во власть поддерживали высокий уровень представительства, а на выборах женщины не смогли сохранить уровень представительства.

Выводы к главе 1

По итогам проведенных обобщений следует сделать ряд важных выводов. Во-первых, процессы вовлечения женщин в политическую жизнь исторически предшествовали их системному изучению в политической науке. На ранних этапах академическое сообщество в большей степени интересовала электоральная активность женщин, тогда как их роль как самостоятельных политических акторов оставалась вне исследовательского поля и рассматривалась сквозь призму широко распространенных и укорененных в обществе гендерных стереотипов, описывающих женщин как пассивную и не интересующуюся политикой социальную группу. Развитие гендерного подхода привело к смещению внимания к изучению женщин как субъектов политики, обладающих собственной агентностью, способностью инициировать решения, влиять на их принятие и управлять ресурсами. При этом следует отметить, что на Западе эти процессы тесно связаны с общей идеологией либеральных ценностей, где права и свободы граждан, включая женщин, рассматривались как фундаментальные и универсальные, а политическая субъектность женщин формировалась через низовую активность и давление на институты власти, что обеспечило постепенный переход от индивидуальной эмансипации к институционально закрепленному равноправию.

В Китае динамика была совсем другой. Теоретическое осмысление роли женщин в политике также носило ярко выраженный идеологический характер, однако акцент делался на практическом расширении участия женщин, реализуемом через партийно-государственные механизмы, при этом западные феминистские концепции на протяжении долгого времени подвергались критике, а на первом плане находилась и находится марксистская теория равенства полов и концепция социализма с китайской спецификой, ее реализация рассматривается как элемент государственной стратегии модернизации и социальной гармонии.

Таким образом, выявленные различия между западной и китайской моделями политического участия женщин выражаются не только в уровне вовлеченности, но и в принципах конструирования политической субъектности. В западной традиции она строится на идее автономии и индивидуальной свободы, в китайской – на идее

коллективизма и политической лояльности. Эти различия задают противоположные траектории развития: от эмансипационной модели к мобилизационной модели. В современном мире очевидно, что включение женщин в политическую жизнь может осуществляться разными путями, и ни одна модель не является универсальной. Конкретная траектория определяется культурными, политическими и идеологическими особенностями каждой страны. Такой подход позволяет рассматривать участие женщин не только через призму формальных прав, но в более широком контексте реальных возможностей влиять на формирование политики государства.

Во-вторых, в формировании политики связано с четырьмя формами политического представительства (формальной, описательной, сущностной и символической). Таким образом, участие женщин в политике следует рассматривать не только как доступ к институтам власти, но и признание женщин полноправными политическими акторами, обладающими агентностью и способностью формировать собственную политическую повестку. Рассмотренные четыре формы представительства могут быть по-разному сбалансированы, что влияет на качество участия женщин в политике. Несбалансированность между ними проявляется в том, что количественный рост присутствия женщин в политике не всегда сопровождается расширением их реальных прав и возможностей, а также символическим признанием. В демократических государствах, как правило, доминирует формальная и описательная составляющие, однако сущностная и символическая составляющие формируются постепенно и с разной скоростью. В государствах с сильными традиционными и коллективными установками формальное и описательное представительство могут быть ограничены, но при этом сущностная и символическая форма могут манифестироваться в иных, культурно адаптированных, формах политического участия через партийные структуры, государственные инициативы.

В-третьих, политическая субъектность женщин представляет собой не автономную, а контекстуально обусловленную категорию, формирование которой зависит от взаимодействия институциональных и социальных факторов. Эти

факторы взаимно усиливают друг друга, создавая сложную систему ограничений и возможностей, определяющих степень вовлеченности женщин в политический процесс. Так, институты политического представительства часто сохраняют скрытые механизмы исключения женщин, что проявляется, например, в неравенстве в электоральном процессе, не позволяя им в дальнейшем получить доступ в руководящим должностям. Социальные ограничения проявляются в устойчивости общественных стереотипов в отношении женщин-политиков, что препятствует признанию женщин как легитимных акторов политического процесса и носителей властных полномочий. Вместе эти факторы приводят к тому, что даже при доступе к институтам власти сохраняются трудности в реализации агентности, так как признание социальной значимости женского участия в политике остается ограниченным. Преодоление ограничений требует комплексных усилий, направленных не только на реформирование политических механизмов, но и на изменение ценностных установок общественного сознания, определяющих признание женщин в качестве равноправных политических акторов.

ГЛАВА 2. УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

2.1. Институциональные факторы политического участия женщин в Китае¹⁶⁹

Современное состояние участия женщин в политической жизни Китая иллюстрируется данными международных и национальных исследований, в том числе показателями проекта «Разнообразие демократии»¹⁷⁰. Эти данные позволяют проследить долгосрочные тенденции и соотнести динамику внутри страны с общемировыми процессами. В самом общем виде анализ показателей (см. Таблицы 2-7 и Рисунки 8-13) демонстрирует неоднозначную картину. Наблюдается значительный прогресс по ряду индикаторов в период с 1949 по 2024 гг., однако при этом сохраняется отрыв от среднемировых значений в ряде ключевых показателей, а также фиксируется падение значений показателей или их стагнация, начиная с 2013 г. Это указывает на тенденцию к возрастанию консервативных ориентиров в политике государства и на усиление влияния факторов, ограничивающих пространство для усиления позиций женщин в политической сфере. Обратимся к более подробному анализу данных статистики.

¹⁶⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Чень С. Решение проблем дискриминации женщин в современном Китае // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 142-149; Чень С. Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 7(95). С. 3349-3357.

¹⁷⁰ Varieties of Democracy (V-Dem) // V-Dem. URL: <https://v-dem.net> (дата обращения: 15.10.2025).

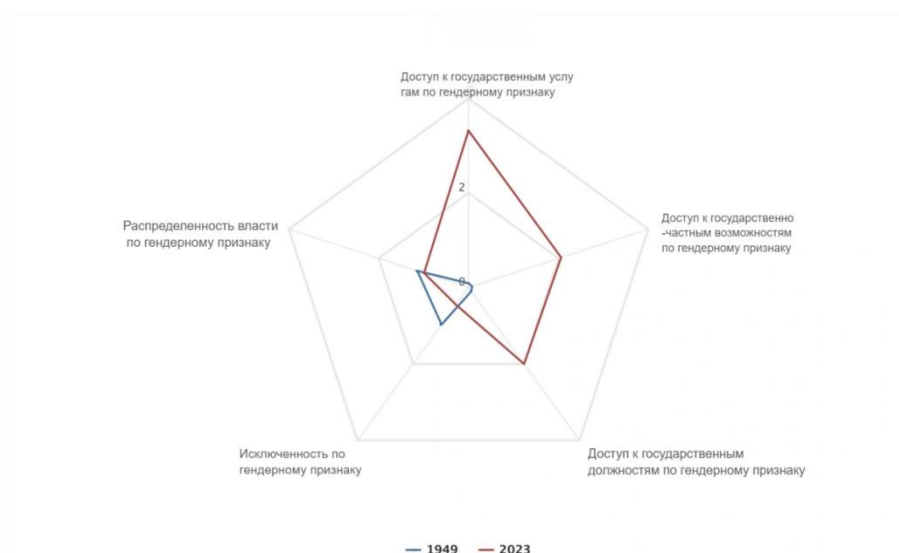

Рисунок 8 – Значения индексов «Доступ к государственным услугам по гендерному признаку»¹⁷¹, «Доступ к государственно-частным возможностям по гендерному признаку»¹⁷², «Доступ к государственным должностям по гендерному признаку»¹⁷³, «Исключенность по гендерному признаку»¹⁷⁴,

¹⁷¹ Индекс «Доступ к государственным услугам по гендерному признаку» (Access to public services distributed by gender) оценивает равенство распределения доступа к основным общественным благам, таким как порядок, безопасность, начальное образование, чистая вода и здравоохранение в зависимости от пола. Важно, является ли пол значимым размежеванием в обществе для распределения доступа к государственным услугам. Шкала ответов респондентов: 0: Экстремальный. Из-за своего пола 75 процентов (%) или более женщин не имеют доступа к основным государственным услугам хорошего качества. 1: Неравенство. Из-за своего пола 25 процентов (%) или более женщин не имеют доступа к основным государственным услугам хорошего качества. 2: примерно равное. Из-за своего пола от 10 до 25 процентов (%) женщин не имеют доступа к основным государственным услугам высокого качества. 3: относительно равно. Из-за своего пола от 5 до 10 процентов (%) женщин не имеют доступа к основным государственным услугам хорошего качества. 4: Равно. Из-за своего пола менее 5 процентов (%) женщин не имеют доступа к основным государственным услугам высокого качества.

¹⁷² Индекс «Доступ к государственно-частным возможностям по гендерному признаку» (Access to state business opportunities by gender) измеряет возможности женщин конкурировать с мужчинами за получение контрактов на государственные закупки, сотрудничать с государством в рамках государственно-частного партнерства и пр. Шкала ответов респондентов: 0: Экстремальный. Из-за своего пола 75 процентов (%) или более женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным возможностям для бизнеса. 1: Неравенство. Из-за своего пола 25 процентов (%) или более женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным бизнес-возможностям. 2: примерно равное. Из-за своего пола от 10 до 25 процентов (%) женщин, даже если они имеют соответствующую квалификацию, не имеют доступа к государственным возможностям для бизнеса. 3: относительно равно. Из-за своего пола от 5 до 10 процентов (%) женщин, даже если они имеют соответствующую квалификацию, не имеют доступа к государственным бизнес-возможностям. 4: Равно. Из-за своего пола 5 процентов (%) женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным бизнес-возможностям.

¹⁷³ Индекс «Доступ к государственным должностям по гендерному признаку» (Access to state jobs by gender) измеряет степень открытости государственных должностей для квалифицированных специалистов независимо от пола. Шкала ответов респондентов: 0: Экстремальный. Из-за своего пола 75 процентов (%) или более женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным должностям. 1: Неравенство. Из-за своего пола 25 процентов (%) или более женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным должностям. 2: примерно равное. Из-за своего пола от 10 до 25 процентов (%) женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным должностям. 3: относительно равно. Из-за своего пола от 5 до 10 процентов (%) женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным должностям. 4: Равно. Из-за своего пола менее 5 процентов (%) женщин, даже если они имеют квалификацию, не имеют доступа к государственным должностям.

¹⁷⁴ Индекс «Исключенность по гендерному признаку» (Exclusion by Gender) измеряет уровень доступа к услугам или участию в публичных пространствах на основании их идентичности или принадлежности к определенной социальной группе. Более низкий показатель индекса отражают низкий уровень исключенности (это лучше), а более высокие баллы – высокий уровень исключенности (это хуже).

«Распределение власти по гендерному признаку»¹⁷⁵ по состоянию на 1949 и 2023 гг. в Китае

Таблица 2 – Динамика индексов, 1949–2023 гг.

Индекс	1949 г.	2023 г.
Исключенность по гендерному признаку	0,97	0,45
Распределение власти по гендерному признаку	1,14	0,99
Доступ к государственным должностям по гендерному признаку	0,10	2,0
Доступ к государственно-частным возможностям по гендерному признаку	0,08	2,06
Доступ к государственным услугам по гендерному признаку	0,09	3,32

Данные Таблицы 2 демонстрируют, что по основным показателям, которые отражают изменение положения женщин, современный Китай проделал серьезный и результативный путь, достигнув прогресса. В то же время следует отметить, что эти показатели отстают от мировых значений.

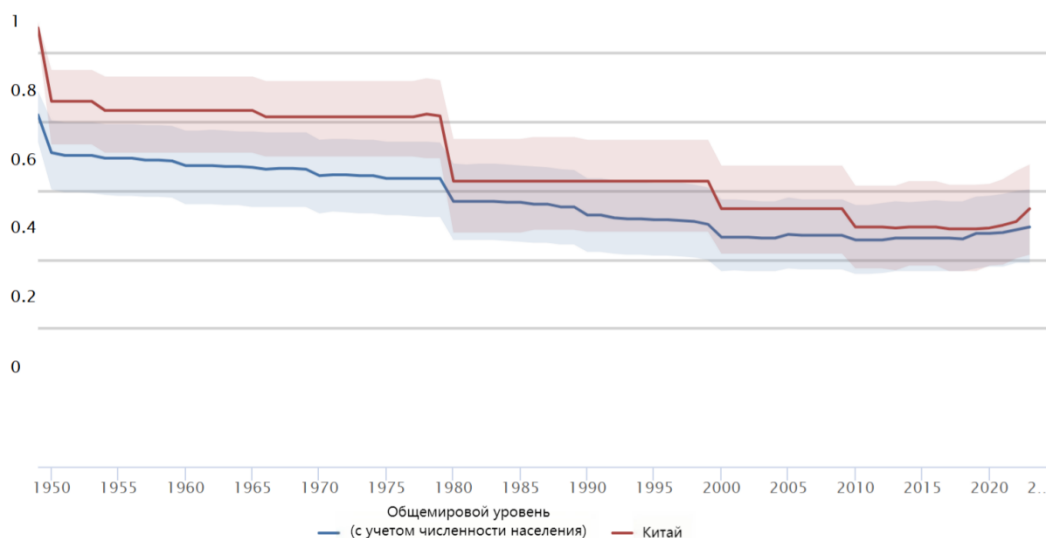

Рисунок 9 – Динамика индекса «Исключенность по гендерному признаку» в Китае в сравнении с общемировым уровнем

¹⁷⁵ Индекс «Распределение власти по гендерному признаку» (Power distributed by gender) измеряет степень, в которой мужчины и женщины обладают политической властью и влиянием в системе управления. Шкала ответов респондентов: 0: Экстремальный. Мужчины практически монополизируют политическую власть. 1: Доминирование мужчин. Мужчины сохраняют доминирующий контроль над политической властью; женщины имеют лишь маргинальное влияние. 2: Значительное неравенство. Мужчины обладают существенно большей политической властью, однако у женщин имеются отдельные сферы влияния. 3: Умеренное неравенство. Мужчины обладают несколько большей политической властью, чем женщины. 4: Равно. Мужчины и женщины обладают примерно равной политической властью.

Этот показатель измеряет степень, в которой женщины ограничены в доступе к политической, гражданской и социальной жизни.

Таблица 3 – Динамика индекса «Исключенность по гендерному признаку» в Китае в сравнении с общемировым уровнем, в числовом выражении

	1949 г.	1950 г.	1980 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.	2023 г.
Китай	0,97	0,76	0,53	0,45	0,4	0,39	0,45
Мир	0,72	0,61	0,47	0,37	0,36	0,36	0,4

Данные, представленные на рисунке 9 и в таблице 3, демонстрируют устойчивое снижение индекса на протяжении всего периода существования КНР: с высоких значений, близких к 1, в 1950-е гг. до значения 0,4 к 2010-м гг. Это отражает процесс системного институционального расширения прав женщин (формальное представительство), начавшегося сразу после образования КНР. Наиболее заметное ускорение снижения значений индекса наблюдается в 1950–1970 гг. – в период активной социалистической модернизации и вовлечения женщин в трудовую и общественную сферу. Однако в 2010-е гг. фиксируется тенденция к замедлению улучшений и стабилизации данного показателя, а после 2013 г. наблюдается обратная динамика (рост индекса). Именно в этот момент происходит усиление традиционалистских установок в политике государства, повышение значения семейной роли женщин и снижение внимания к вопросам гендерного равенства в партийной повестке. Таким образом, в Китае было достигнуто институциональное равенство мужчин и женщин, однако переход к сущностному представительству пока еще не произошел.

Таблица 4 – Динамика Индекса «Распределение власти по гендерному признаку» в Китае в сравнении с общемировым уровнем, в числовом выражении

	1949 г.	1950 г.	1978 г.	1986 г.	2013 г.	2017 г.	2024 г.
Китай	1,14	1,89	1,76	1,59	1,46	1,52	1,01
Мир	1,32	1,5	1,61	1,67	1,86	1,85	1,72

Этот показатель характеризует степень участия женщин в органах власти и принятии решений. Его значения в Китае в целом отражают ограниченно положительную динамику в ранний период, за которой следует длительная

стабилизация и последующее ослабление: от значений около 1,1–1,9 в 1950-е гг. до уровней порядка 1,4–1,5 к началу 2010-х гг., с последующим снижением до около 1,0 к началу 2020-х гг.

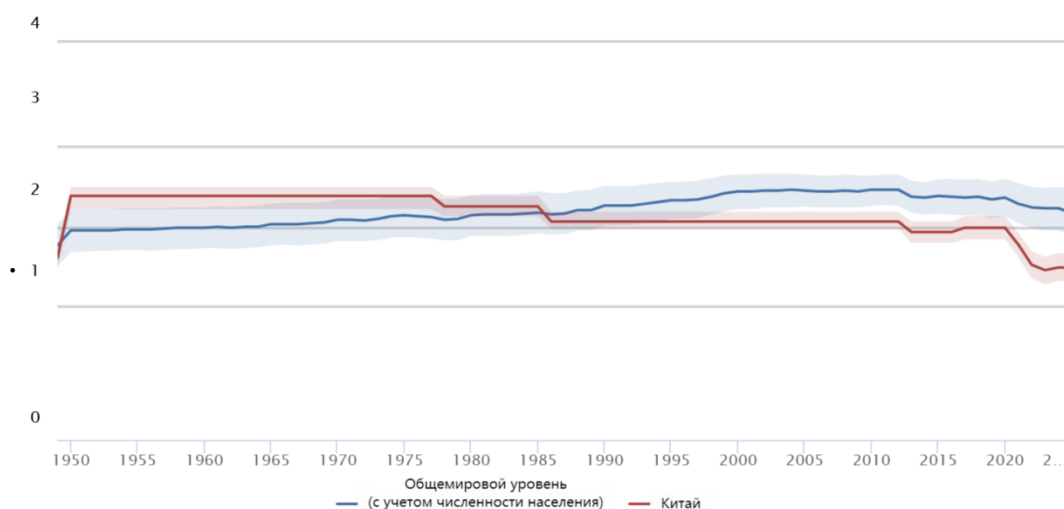

Рисунок 10 – Динамика Индекса «Распределение власти по гендерному признаку» в Китае в сравнении с общемировым уровнем

Данные, представленные в таблице 4 на рисунке 10, демонстрируют, что наибольший рост приходится на 1950-е – начало 1980-х гг., когда расширились возможности женщин в рамках государственной мобилизационной политики. После начала реформ Дэн Сяопина и перехода к рыночной экономике рост показателя замедлился, а в 1990–2000-е гг. наблюдается периодическая стагнация, сменяющаяся снижением значений в последние годы.

Важно отметить, что, несмотря на формальное расширение участия женщин, их присутствие на высших позициях во власти (описательное представительство) — в составе КПК, Государственного совета (ГС) и руководящих органах провинциального уровня — по-прежнему остается ограниченным. Данный показатель подтверждает, что институциональные изменения и формальное расширение прав не сопровождаются равным доступом женщин к ключевым ресурсам и каналам политического влияния. В сравнении с общемировыми значениями Китай на протяжении всего периода демонстрирует более низкие показатели распределения политической власти по гендерному признаку, причем после 2013 г. разрыв не сокращается, а имеет тенденцию к увеличению. Это

свидетельствует о том, что уровень политического участия женщин перестал сближаться с глобальными тенденциями и в последние годы отстает от общемировой динамики. Возможным объяснением данного положения является специфика партийно-политической системы Китая, в рамках которой кадровый отбор не осуществляется через механизмы электоральной конкуренции, а в значительной степени определяется внутрипартийными приоритетами и устойчивыми социальными стереотипами.

Указанные тенденции и сравнительное положение Китая наглядно представлены на рисунке 11.

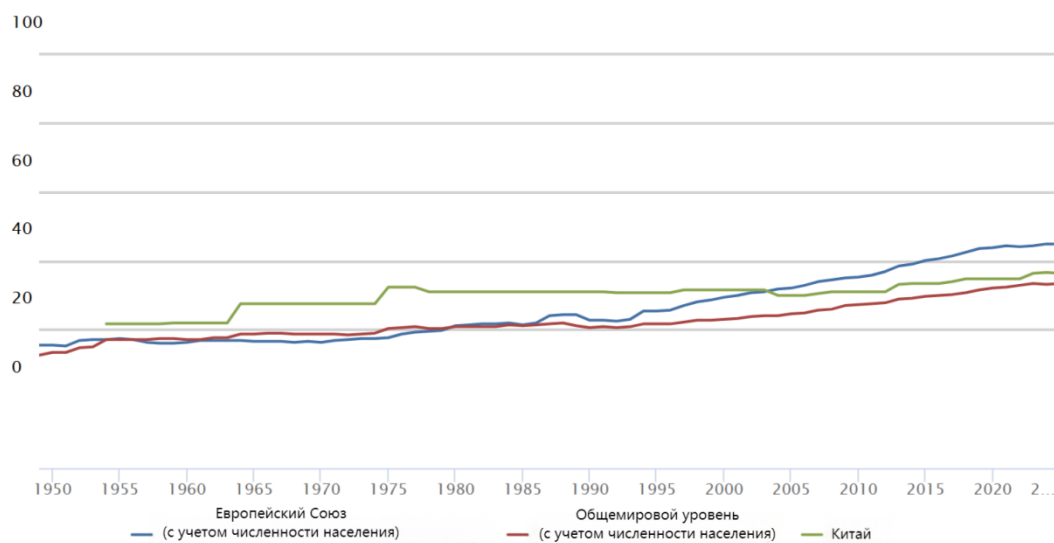

Рисунок 11 – Представленность женщин в законодательных органах в Китае, на общемировом уровне и в Европейском Союзе (1949–2024 гг.)

Этот показатель неуклонно растет с 1950-х гг. и практически достиг установленного ООН 30%-го порога.

Таблица 5 – Динамика представленности женщин в законодательных органах в Китае, на общемировом уровне и в Европейском Союзе (1949–2024 гг.) (%)

	1949	1954	1964	1975	1978	2004	2012	2018	2024
Китай	0	12	17,8	22,6	21,2	20,23	21,33	24,94	26,7
Мир	2,90	7,38	8,91	10,82	10,42	14,22	18,05	20,99	23,36
ЕС	5,62	7,31	7,13	7,78	9,76	22,11	27,14	32,78	35,01

Рост доли женщин в национальном законодательном органе имеет важное значение для расширения их участия в политике. В этом отношении Китай

демонстрирует показатели, превышающие среднемировые значения на протяжении последних десятилетий. В Китае относительная стабильность и постепенный рост представленности женщин в законодательных органах были обеспечены в рамках механизмов партийного отбора и представительства, что позволило закрепить достигнутый уровень участия женщин среди депутатского корпуса. Несмотря на изменения приоритетов государственной политики и усиление консервативного дискурса в последние годы, доля женщин в законодательном институте власти остается на сравнительно высоком уровне. Это имеет важное символическое значение — как для легитимации участия женщин в процессах принятия решений, так и для поддержания мотивации к построению политической карьеры в рамках формальных представительных институтов. Данные, представленные на рисунке 12 и в таблице 6, подтверждают, что женщины в Китае занимают активную общественно-политическую позицию.

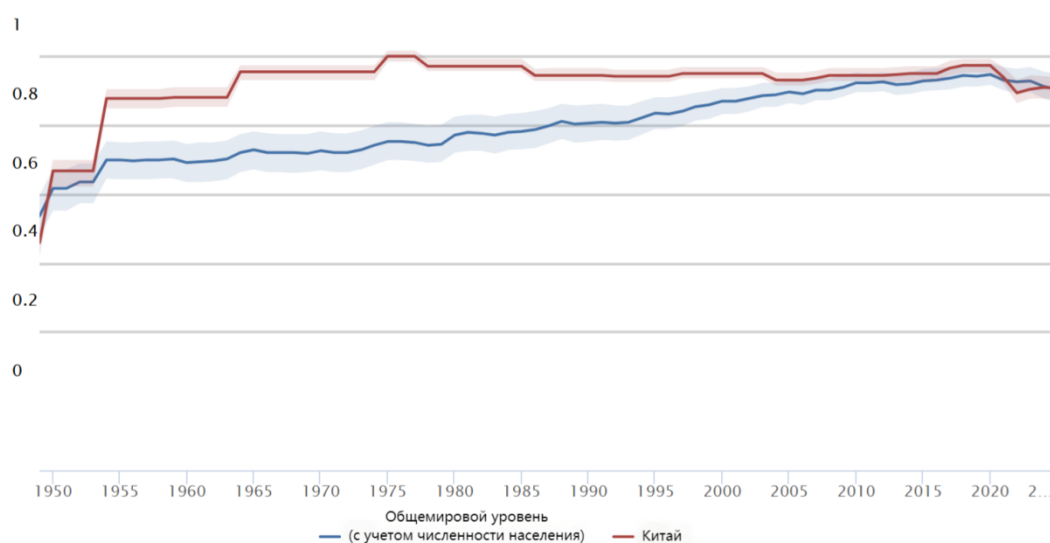

Рисунок 12 – Динамика индекса политического участия женщин в Китае в сравнении с общемировым уровнем¹⁷⁶ (1949–2024 гг.)

Индекс политического участия отражает уровень вовлеченности женщин в процессы принятия решений, политические дискуссии.

¹⁷⁶ Индекс «Политического участия женщин» (Women political participation index) оценивает уровень описательно представительство женщин в официальных органах власти. Под политическим участие в данном случае понимается представленность в законодательном органе и равное с мужчинами участие в распределении власти.

Таблица 6 – Динамика индекса политического участия женщин в Китае в сравнении с общемировым уровнем (1949–2024 гг.) в числовом выражении

	1949	1950	1954	1964	1975	1978	1986	2007	2021	2024
Китай	0,36	0,57	0,79	0,86	0,91	0,88	0,85	0,84	0,85	0,82
Мир	0,44	0,52	0,60	0,63	0,66	0,65	0,69	0,81	0,84	0,82

Исследователи в данном случае рассматривают политическое участие как описательное представительство, дополненное показателями распределения политического влияния в обществе в целом. Учитывая, что в Китае возможности экономического участия женщин достаточно высоки, это, как правило, сочетается и с относительно высокими значениями индикаторов, фиксирующих их вовлеченность в общественно-политическую сферу. Долгосрочная динамика данного показателя в КНР также характеризуется последовательным ростом с начала 1950-х гг. с последующей стабилизацией на высоком уровне, что во многом связано с политикой равенства, закреплённой в Конституции 1954 г. и последующем законодательстве о правах женщин. Этот показатель, как и рассмотренные ранее, подтверждает существенное снижение институциональных барьеров для участия женщин в политической жизни, однако с 2013 г. наметилось замедление роста показателя.

В противоположность ему Индекс расширения политических прав и возможностей женщин значительно отличается по своей динамике — См. таблицу 7 и рисунок 13.

Таблица 7 – Динамика индекса Расширения политических прав и возможностей женщин в Китае в сравнении с общемировым уровнем (1949–2024 гг.) в числовом выражении

	1949 г.	1950 г.	1954 г.	1980 г.	2007 г.	2024 г.
Китай	0,23	0,39	0,46	0,57	0,64	0,59
Мир	0,38	0,43	0,46	0,54	0,69	0,68

Индекс расширения политических прав и возможностей отражает способность женщин не только участвовать в политике, но и реально влиять на содержание и направление государственного курса.

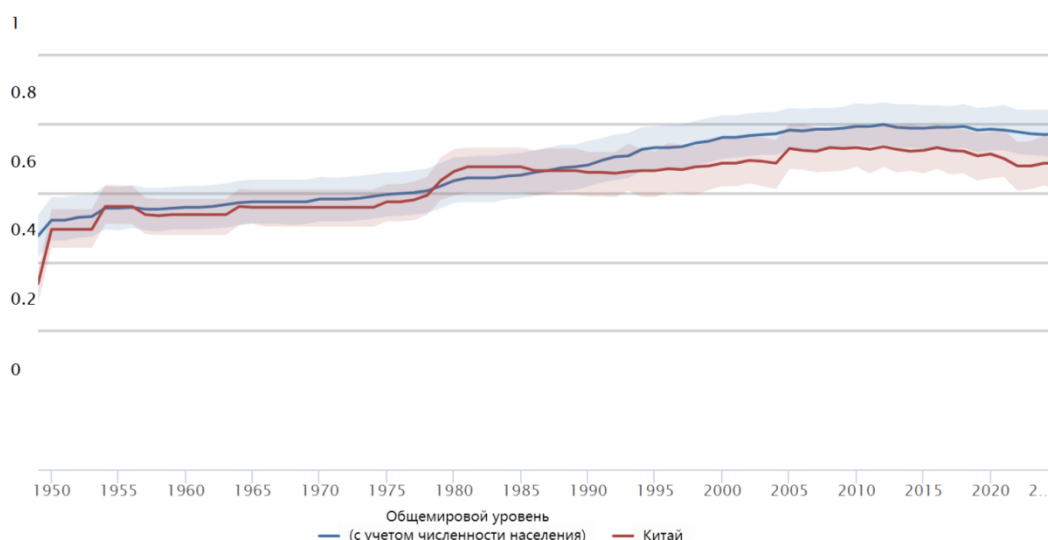

Рисунок 13 – Динамика Индекса расширения политических прав и возможностей женщин в Китае в сравнении с общемировым уровнем¹⁷⁷ (1949–2024 гг.)

С 1950-х по 1970-е гг. показатели этого индекса росли синхронно с общим уровнем политического участия, что объясняется массовой мобилизацией женщин в рамках социалистического строительства. Однако с 1980-х гг. его рост замедляется и даже демонстрирует фазы снижения, особенно в 1990-е гг., что совпадает с периодом рыночных реформ и перераспределения политического влияния, когда на первый план вышли экономические критерии успеха, а социально-политическое влияние женщин начало ослабевать. В последние годы скорее фиксируется стабилизация и умеренное снижение (до 0,59 в 2024 г.), что указывает на отсутствие устойчивого дальнейшего укрепления позиций женщин в политической сфере. При этом по сравнению со среднемировыми значениями Китай в рассматриваемый период в целом остается ниже глобального уровня (0,59 против 0,68 в 2024 г.).

В международном контексте показатели Китая по индексам политического участия и расширения политических прав и возможностей женщин остаются на уровне, не обеспечивающем женщинам сопоставимого доступа к ключевым

¹⁷⁷ Индекса Расширения политических прав и возможностей женщин (Women Political Empowerment Index) оценивает расширение политических прав и возможностей женщин, которое определяется как процесс расширения их возможностей, ведущий к расширению возможностей выбора, возможностей участия и участия в принятии общественных решений. Подразумевается, что оно включает в себя три равнозначных аспекта: основные гражданские свободы, открытое обсуждение женщинами политических вопросов и участие в организациях гражданского общества, а также представительство женщин на официальных политических должностях.

позициям влияния. Для понимания причин, обусловивших такую динамику, необходимо обратиться к институциональным особенностям политической системы Китая.

Политическая система Китая определяет не только общий механизм рекрутирования элит, но и границы формирования женского политического представительства и включенности женщин в процессы принятия решений. Она представляет собой уникальную модель социализма с китайской спецификой — институциональный порядок, обеспечивающий единство руководства КПК, народовластия и верховенства закона¹⁷⁸. В рамках этой модели КПК выступает ключевым руководящим институтом, а государственные органы, действуя под ее руководством, реализуют функции управления и социального развития, что на практике сформировало дуальную систему партийно-государственного управления¹⁷⁹.

Китайская политическая система формирует специфические институциональные условия политического участия женщин. Анализ политической системы показывает, что институциональные факторы одновременно создают возможности и ограничения для политической агентности женщин, определяя их доступ к властным ресурсам и реальное влияние на процессы управления.

После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. новое государство опиралось на систему народного представительства, политических консультаций и принципы социалистического правопорядка. Ключевой задачей стало формирование политической системы, способной через мобилизационные механизмы интегрировать различные социальные группы в новый государственный порядок. К концу 1952 г. по всей стране была создана система народных представительных собраний всех уровней — от местного до центрального, что обеспечило

¹⁷⁸ 郭强. 马克思现代国家思想研究, 天津: 南开大学出版社, 2021. Р. 218. (Го Цян. Исследование марксистской мысли о современном государстве. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2021. С. 218.)

¹⁷⁹ Blair J.G. The Dual Governing System of the People's Republic of China // Journal of Public Affairs. 2016. No. 2. P. 111-117.

организационную основу для реализации руководящей роли партии¹⁸⁰. В 1953 г. были проведены выборы в местные народные представительные собрания на основе всеобщего избирательного права: выборы проходили в 210 тыс. избирательных округах, где было зарегистрировано 323 млн избирателей; всего было избрано более 5,66 млн депутатов местных собраний¹⁸¹. На этой основе последовательно формировались представительные органы провинциального и национального уровня. В 1954 г. состоялись выборы депутатов ВСНП I созыва: было избрано 1226 депутатов, из них 147 женщин (12%).

Параллельно развивалась система политических консультаций — механизм консультативной демократии, который в 1949–1954 гг. фактически выполнял функции временного парламента. Первая сессия НПКСК (сентябрь 1949 г.) заменила Национальное собрание и исполняла функции высшего законодательного органа страны. Система народных представительских собраний обеспечивала демократическую легитимность власти, тогда как НПКСК выступал площадкой консолидации и выработки политического консенсуса¹⁸².

В контексте сложившихся отношений между партией и государственными структурами следует подчеркнуть, что механизмы отбора политической элиты и формирование женского политического представительства обладают определенной спецификой. Как отмечает Цзан Сяовэй в своей теории дуализма элит, структура политической элиты Китая характеризуется значительной институциональной дифференциацией. Партийная и государственная система вырабатывают свои собственные подходы к отбору и продвижению кадров: партия акцентирует внимание на политической лояльности и стаже членства, тогда как

¹⁸⁰ 中共中央党史研究室. 中国共产党历史 (第二卷), 北京: 中共党史出版社, 2011. Р. 137. (Институт партийной истории ЦК КПК. История Коммунистической партии Китая. Т. 2. Пекин: Издательство истории КПК, 2011. С. 137.)

¹⁸¹ 党的群众路线简明历史读本 / 中共中央党史研究室 本书编写组著, 北京: 党建读物出版社, 中国共产党出版社. 2014. Р. 94-95. (Краткий исторический очерк массовой линии партии» / под ред. авторского коллектива Исследовательского центра истории партии при ЦК КПК. Пекин: Издательство партийной литературы, Издательство КПК, 2014. С. 94-95.)

¹⁸² 张青红. 新中国成立初期协商民主探索与实践, 广州: 华南理工大学出版社, 2022. Р. 87-88. (Чжан Цинхун. Исследование и практика консультативной демократии в ранний период после основания КНР. Гуаньчжоу: Издательство Южно-Китайского технологического университета, 2022. С. 87-88.)

государственная система уделяет внимание уровню образования и профессиональной компетентности¹⁸³.

В соответствии с действующими правилами Всекитайский съезд КПК созывается один раз в пять лет (до 3000 делегатов) и избирает Центральный комитет. Устав КПК закрепляет, что численность делегатов Всекитайского съезда и порядок их избрания определяются Центральным комитетом¹⁸⁴. Устав также устанавливает требования к составу Центрального комитета: члены и кандидаты в члены ЦК должны иметь не менее пяти лет партийного стажа; численность членов и кандидатов в члены ЦК определяется Всекитайским съездом; при выбытии члена ЦК его место занимает кандидат в члены ЦК в порядке убывания полученных голосов¹⁸⁵. Так, на XX съезде (2022–2027 гг.) был избран Центральный комитет в составе 205 членов и 171 кандидата¹⁸⁶. Центральный комитет на первом пленарном заседании избирает Политбюро (с нечетным числом членов)¹⁸⁷, Постоянный комитет Политбюро (не более 10 человек) и Генерального секретаря ЦК КПК. Постоянный комитет Политбюро является высшим органом принятия решений, определяющим основные политические направления, стратегию развития страны, а также ключевые принципы кадровой политики.

Основным механизмом вхождения в корпус государственных служащих является экзаменационный отбор: Закон КНР «О государственной службе» предусматривает замещение должностей уровня начальника отдела и ниже на основе открытого экзамена, равной конкуренции и принципа меритократии¹⁸⁸.

¹⁸³ Zang X. *Elite dualism and leadership selection in China*. L.: Routledge, 2004.

¹⁸⁴ 中国共产党章程: 第三章 党的中央组织 // 中国共产党新闻网. 2022. (Устав КПК: Глава III Центральные органы партии // Официальный сайт КПК. 2022.) URL: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/#disanzhang> (дата обращения: 14.06.2025).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ В последние годы численность членов Центрального комитета несколько изменялась, в настоящее время она составляет около 200 человек. Это количество не является фиксированным — конкретная численность может варьироваться в зависимости от состава очередного съезда.

¹⁸⁷ Однако это правило в дальнейшем не всегда строго соблюдалось при формировании Центрального политбюро. Например, в состав Политбюро XIV созыва входили лишь 20 членов и 2 кандидата, в XV созыве — 22 члена и 2 кандидата, а в XX созыве — всего 24 члена без кандидатов.

¹⁸⁸ 中华人民共和国公务员法: 第四章 录用 // 全国人民代表大会. 2018. (Закон КНР о государственной службе: Глава IV Прием на работу // Официальный сайт ВСНП. 2018.) URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c1773/c1848/c21114/c35431/c35437/201905/t20190521_263956.html (дата обращения: 26.01.2025).

Вместе с тем система государственной службы включает и иные формы вхождения в управленческую систему, в том числе перевод на другую должность, назначение на управленческие должности, рекомендации и процедуры согласования, а также контрактные формы привлечения кадров. По траекториям вхождения выделяются *бюрократическая группа*¹⁸⁹, *производная группа*¹⁹⁰ и *группа контрактных служащих*¹⁹¹, причем возможности карьерного продвижения последовательно снижаются от бюрократической группы к производной, а группа контрактных служащих фактически лишена таких возможностей¹⁹².

ВСНП является высшим органом государственной власти КНР. Корпус его депутатов формируется посредством косвенных (многоступенчатых) выборов: на низовом уровне депутаты избираются непосредственно населением, тогда как депутаты вышестоящих собраний, включая ВСНП, избираются депутатами представительных органов нижнего уровня. Численность депутатов ВСНП не превышает 3000¹⁹³ (в XIV созыве — 2 977). Конституция КНР устанавливает, что ВСНП избирает Председателя и заместителя Председателя КНР, а Председатель КНР на основании решений ВСНП и его Постоянного комитета назначает Премьера и других членов ГС; срок полномочий ГС совпадает со сроком полномочий ВСНП (пять лет), при этом Премьер, вице-премьеры и государственные советники не могут занимать свои должности более двух сроков подряд¹⁹⁴. Кадровые вопросы решаются по установленной процедуре: Президиум

¹⁸⁹ Бюрократическая группа — это совокупность лиц, длительное время встроенных в формальную бюрократическую систему, вошедших в нее через институционализированные каналы и осуществляющих поэтапное служебное продвижение внутри данной системы.

¹⁹⁰ Производная группа — это совокупность лиц, которые не находились длительное время в ядре бюрократической иерархии, а вошли в управленческие позиции или в бюрократическую систему через внешние каналы либо нестандартные траектории.

¹⁹¹ Группа наемных работников — это совокупность лиц, которые входят в бюрократическую систему на основе трудового договора (контракта), конкурсного отбора или найма. Их положение в системе определяется прежде всего условиями трудового соглашения, а не статусной позицией в бюрократической иерархии.

¹⁹² 马彦银. 谁在治理为谁治理如何治理——中国城市基层治理的政治学, 天津: 天津人民出版社, 2020. Р. 161-166.

(Ма Яньинь. Кто управляет, для кого управляет и как управляет — политология городского управления на низовом уровне в Китае. Тяньцзинь: Издательство народа Тяньцзинь, 2020. С. 161-166.)

¹⁹³ 中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法 // 全国人民代表大会. 2020. (Закон КНР о выборах во ВСНП и местные собрания народных представителей // ВСНП. 2020.) URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202011/t20201119_308799.html (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁹⁴ 宪法: 第三章 国家机构 [电子资源] // 全国人民代表大会. 2018. (Конституция КНР: Глава III Государственные органы // ВСНП. 2018.) URL: http://www.npc.gov.cn/c191/c505/201905/t20190521_263492.html (дата обращения: 26.01.2025).

Съезда выдвигает список кандидатов, который обсуждается в делегациях, после чего проводится голосование и утверждение назначений¹⁹⁵.

В определенной степени такая система отражает принцип *«партия управляет кадрами»*: партия осуществляет отбор, оценку и продвижение руководящих кадров, тогда как государственные органы обеспечивают процедурное утверждение и реализацию решений¹⁹⁶. С одной стороны, это повышает управляемость кадровых решений, с другой — многоуровневость согласований и ограниченность каналов продвижения усиливают закрытость кадрового отбора и влияют на состав политической элиты.

В действующей по такой модели политической системе политическое участие женщин институционально затруднено, что способствует сохранению неравенства возможностей. Несмотря на существенное повышение уровня грамотности и рост участия женщин в экономической деятельности, гендерное неравенство сохраняется и особенно заметно проявляет себя в политической сфере. Это может быть связано не только с общими особенностями политического строя КНР, но и с логикой внутрипартийной кадровой политики, задающей правила отбора и продвижения на руководящие посты. В результате женщины преимущественно представлены на низовых и средних уровнях управления, где их роль в большей степени связана с административно-социальными функциями, тогда как доступ к позициям, связанным с принятием ключевых решений, остается ограниченным.

По состоянию на 2023 г. в составе Государственного совета КНР были лишь три женщины, занимавшие высокие государственные должности: государственный советник Чэнь Ицинь, министр юстиции Хэ Жун и министр кадров и социального обеспечения Ван Сяопин¹⁹⁷. Эта ситуация демонстрирует ограниченность

¹⁹⁵ 中华人民共和国法律全编: 2024 年版 / 法律出版社法规中心编, 北京: 法律出版社, 2024. Р. 49-53. (Полное собрание законов КНР: в редакции 2024 года / Сост. Центр нормативных актов Издательства права. Пекин: Издательство права, 2024. С. 49-53.)

¹⁹⁶ 李俊斌, 赵欣. 百年来中国共产党坚持党管干部原则的实践经验阐释 // 桂海论丛. 2024. Vol. 40. No. 3. Р. 56-68. (Ли Цзюньбинь, Чжао Синь. Анализ практического опыта КПК в реализации принципа «партия управляет кадрами» на протяжении ста лет // Гуйхай луныцунь. 2024. Т. 40. № 3. С. 56-68.)

¹⁹⁷ 国务院机构及部委管理的国家局设置 // 中华人民共和国中央人民政府. 2023. (Структура Государственного совета КНР и государственные управления, находящиеся в ведении министерств и ведомств // Центральное народное правительство КНР. 2023.) URL: <https://www.gov.cn/gwyzjjg/zuzhi/> (дата обращения: 26.01.2025).

присутствия женщин в высших эшелонах власти даже при институционально закреплённом равенстве возможностей.

В Китае наблюдается общемировая тенденция: женщины широко представлены в сферах образования, здравоохранения и социальной защиты. Однако по мере перехода к более высоким уровням управления – например, к позициям ректоров университетов или руководителей национальных агентств – их доля резко сокращается. Это позволяет говорить о вертикальной асимметрии: чем выше уровень власти, тем ниже уровень представительства женщин.

Дисбаланс нельзя объяснить исключительно сопротивлением мужской политической элиты или декларативностью мер по продвижению женщин. Значимым фактором остается также недостаток стимулов и мотивов, побуждающих женщин включаться в политику. Вместе с тем китайская статистика последних лет демонстрирует позитивные сдвиги: растет активность женщин на низовом уровне управления, особенно среди молодежи – см. Рисунок 14

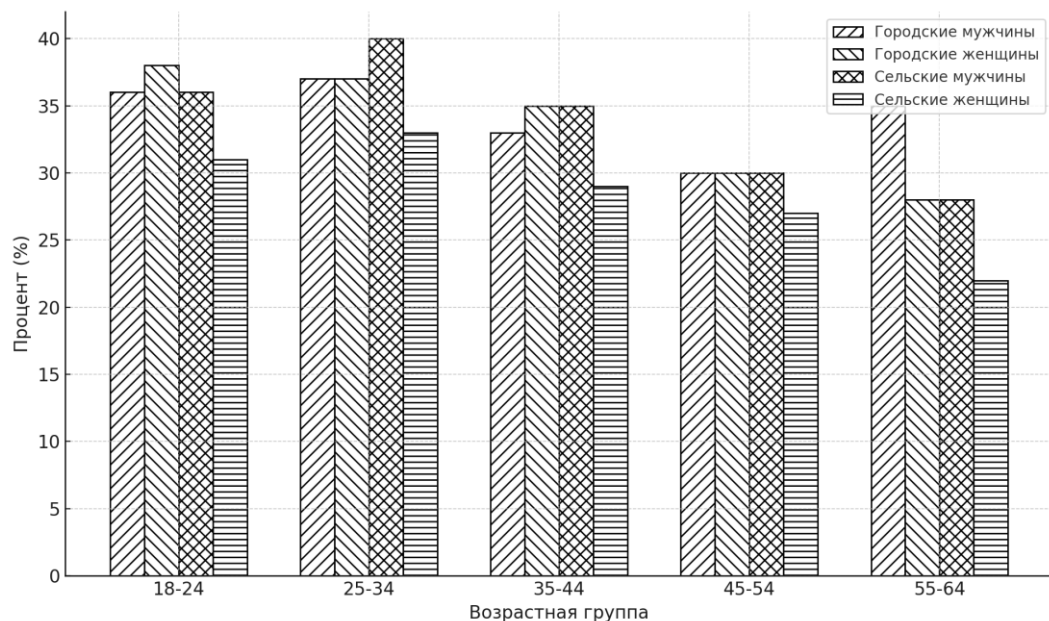

Рисунок 14 – Готовность мужчин и женщин к участию в выборах в деревенские и районные комитеты (по возрастным группам)

Так, согласно недавним исследованиям, в выборах в деревенские и районные комитеты доля женщин, проголосовавших сознательно и активно, составила 87,5% и 83,5% соответственно. При этом 31,1% женщин выразили готовность в будущем участвовать в выборах в местные органы самоуправления. Особенно заметным

является рост интереса среди молодых женщин: в возрастной группе 18–24 года доля тех, кто готов выдвигаться, составляет 37,6% в городах и 31,3% в сельской местности, а среди женщин 25–34 года – 36,4% и 33,5% соответственно¹⁹⁸.

Выборы 2021 г. в 30 деревнях провинции Аньхой показали аналогичную динамику: из 127 избранных членов сельских комитетов 54 (42,5%) – женщины, из которых 4 были избраны представителями деревенских комитетов. Во всех изученных деревнях в составе комитетов присутствовала хотя бы одна женщина, а почти в половине случаев – две и более¹⁹⁹.

Сопоставление данных позволяет выявить две устойчивые тенденции. Во-первых, женщины в Китае проявляют высокую мотивацию к участию в политике, демонстрируя успехи в избирательных процессах на локальном уровне. Во-вторых, их продвижение остается ограниченным уровнями управленческой иерархии: по мере роста уровня власти сокращаются доступные для них каналы рекрутирования, а их влияние снижается. Этот феномен носит общенациональный характер и наблюдается во многих провинциях.

Несмотря на сохраняющиеся ограничения, руководство Китая последовательно проводит политику укрепления гендерного равенства, рассматривая его в качестве одного из ключевых принципов социалистического государства. Равенство мужчин и женщин закреплено в Конституции и с момента основания КПК является одной из приоритетных задач партийной политики²⁰⁰. Китайское правительство рассматривает повышение роли женщины как фактор укрепления социальной и политической стабильности²⁰¹.

¹⁹⁸ 第四期中国妇女社会地位调查主要数据情况分布 // 北京市妇女联合会. 2021. (Основные данные четвертого исследования социального положения женщин в Китае // Пекинская федерация женщин. 2021.) URL: http://www.bjwomen.gov.cn/fnw_2nd_web/static/articles/catalog_14/article_ff8080817dd8361c017df9a572710302/ff8080817dd8361c017df9a572710302.html (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁹⁹ 蒋冉, 张超民. 乡村振兴背景下村委会干部队伍结构的优化趋势及其成因——基于 2021 年安徽省 30 个村村委会换届选举的考察 // 安徽乡村振兴研究. 2023. No. 5. P. 52-61. (Цзян Жань, Чжан Чаоминь. Тенденции оптимизации структуры кадрового состава сельских комитетов в условиях стратегии возрождения деревни и их причины: на примере выборов 2021 года в 30 деревнях провинции Аньхой // Исследования возрождения сельских районов Аньхой. 2023. № 5. С. 52-61.)

²⁰⁰ 孙婷. 新时代贯彻落实男女平等基本国策的“三大宣言” // 重庆行政. 2023. Vol. 24. No. 5. P. 54-55. (Сун Тин. «Три декларации» о претворении в жизнь основной государственной политики гендерного равенства в новую эпоху // Администрирование Чунцина. 2023. Т. 24. № 5. С. 54-55.)

²⁰¹ 刘醒. 从女权主义视角下看如何构建和谐社区 // 改革与开放. 2016. No. 1. P. 91-92. (Лю Син. Построение гармоничного общества с точки зрения феминизма // Реформы и открытость. 2016. № 1. С. 91-92.)

Политика КПК в сфере гендерного равенства реализуется через комплекс мер, последовательная реализация которых уже привела к заметным успехам.

Во-первых, законодательные меры. Правительство реализует политику защиты прав женщин во всех сферах общественной жизни. В пересмотренном в 2005 г. «Законе о защите прав и интересов женщин»²⁰² более 40 из 61 статьи прямо или косвенно закрепляют обязанности государственных органов всех уровней по обеспечению равенства. Закон подчеркивает, что гендерное равенство является не только этической задачей, но и стратегическим фактором модернизации страны.

Ключевые изменения касались и политического представительства женщин. Первым конкретным успехом стало «Решение о квотах и порядке выборов депутатов XI (2007 г.) ВСНП», в котором было четко установлено: «Доля женщин-депутатов должна составлять не менее 22%»²⁰³. В последующих решениях XII (2012 г.)²⁰⁴, XIII (2017 г.)²⁰⁵ и XIV (2022 г.)²⁰⁶ созывов также закреплялось: «Доля женщин-депутатов должна быть выше, чем в предыдущем созыве», «Доля женщин-депутатов должна повыситься по сравнению с предыдущим созывом», «Доля женщин-депутатов в принципе должна быть выше, чем в предыдущем созыве».

Во-вторых, образовательные и просветительские инициативы. В стране действуют многочисленные программы по снижению влияния гендерных стереотипов, продвижению гендерного образования и защите прав девочек. ВФЖ играет ключевую роль в реализации этих инициатив: она координирует усилия

²⁰² 中华人民共和国妇女权益保障法(修正) // 中华人民共和国国务院新闻办公室. 2005. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 28.08.2005) // Пресс-канцелярия Государственного совета КНР. 2005.) URL: http://www.scio.gov.cn/xwfb/gwyxwbgsxwfbh/wqfbh_2284/2021n_2711/2021n09y27rxw1/wjxgzc_4038/202208/t2_0220808_314381.html (дата обращения: 26.01.2025).

²⁰³ 第十届全国人民代表大会第五次会议关于第十一届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国国务院公报. 2007. No. 13. P. 37-38. (Решение Пятой сессии ВСНП X созыва о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XI созыва // Вестник Государственного совета КНР. 2007. № 13. С. 37-38.)

²⁰⁴ 第十一届全国人民代表大会第五次会议关于第十二届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 2012. No. 2. P. 204. (Решение Пятой сессии ВСНП XI созыва о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XII созыва // Вестник Постоянного комитета ВСНП КНР. 2012. № 2. С. 204.)

²⁰⁵ 第十二届全国人民代表大会第五次会议关于第十三届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 2017. No. 2. P. 217. (Решение Пятой сессии ВСНП XII созыва о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XIII созыва // Вестник Постоянного комитета ВСНП КНР. 2017. № 2. С. 217.)

²⁰⁶ 第十三届全国人民代表大会第五次会议关于第十四届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 人民日报. 2022 年 3 月 12 日. (Решение Пятой сессии ВСНП XIII о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XIV созыва // Жэньминь жибао. 12 марта 2022 г.) URL: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2022-03/12/content_25907102.htm (дата обращения: 26.01.2025).

министерств, СМИ, образовательных и научных институтов, организует лекции, семинары и кампании по популяризации гендерного равенства. Например, ВФЖ провела семинар «Массмедиа и развитие женщин»²⁰⁷, после которого прошли разъяснительные встречи с руководителями центральных СМИ о роли гендерного равенства в социальном развитии. ВФЖ также объявляла 2004 г. «Годом пропаганды равенства мужчин и женщин»²⁰⁸, активно вовлекая региональные органы власти и образовательные учреждения. Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, председатель ВФЖ Гу Сюлянь неоднократно выступала с лекциями по основному принципу гендерного равенства в Центральной партийной школе, а также в центральных и провинциальных органах власти²⁰⁹. Организация также призывала представителей правительственных ведомств и руководителей различных провинций и городов к публикации статей, разъясняющих важность гендерного равенства для социального развития и роль женщин²¹⁰.

В-третьих, экономические меры. Правительство поощряет женщин к трудоустройству и созданию бизнеса, повышая их социальную активность. В рамках «Проекта по содействию трудоустройству и предпринимательству для миллиона студентов»²¹¹ в Ухане с 2017 г. выпускники университетов, включая женщин, получают поддержку при регистрации, обустройстве и открытии бизнеса.

²⁰⁷ 曲雯, 陈慧平. 妇联在承担政府推进性别平等职能中的作用研究 // 妇女研究论丛. 2006. No. S2. P. 110-114. (Цюй Вэнь, Чэнь Хуэйпин. Исследование роли Федерации женщин в выполнении правительственных функций по продвижению гендерного равенства // Исследования по проблемам женщин. 2006. № S2. С. 110-114.)

²⁰⁸ 顾秀莲. 国际妇女运动的发展与中国的男女平等基本国策 // 外交学院学报. 2005. No. 1. P. 5-12. (Гу Сюлянь. Развитие международного женского движения и основная государственная политика Китая по обеспечению равноправия мужчин и женщин // Вестник Дипломатической академии Китая. 2005. № 1. С. 5-12.)

²⁰⁹ 贯彻落实男女平等基本国策——顾秀莲副委员长为中央国家机关作报告 // 紫光阁. 2004. No. 10. P. 23-25. (Проведение в жизнь основополагающей государственной политики равенства мужчин и женщин — доклад заместителя председателя Гу Сюлянь перед центральными государственными органами // Журнал «Цзыгуангэ». 2004. № 10. С. 23-25); 顾秀莲在深作和谐社会与妇女发展的报告 // 深圳新闻网. 2007. (Гу Сюлянь выступила в Шэньчжэне с докладом «Гармоничное общество и развитие женщин»] // Официальный сайт Народного правительства г. Шэньчжэнь. 2007.) URL: https://www.sz.gov.cn/cn/xxgk/zfxgj/zwdt/content/post_1617887.html (дата обращения: 26.01.2025).

²¹⁰ 张黎明. 逐步健全提高妇女地位的国家机制 // 妇女研究论丛. 2005. No. S1. P. 88-91. (Чжан Лимин. Постепенное совершенствование национального механизма повышения статуса женщин // Исследования по проблемам женщин. 2005. № S1. С. 88-91.)

²¹¹ 武汉发布留汉大学毕业生落户、住房、收入新政 // 武汉市人民政府. 2021. (Ухань опубликовал новые меры для выпускников вузов по вопросам прописки, жилья и доходов // Народное правительство города Ухань. 2021.) URL: https://www.wuhan.gov.cn/zwgk/xxgk/zcjd/zctj/202109/t20210923_1782796.shtml (дата обращения: 26.01.2025).

Для предпринимательниц действуют специальные финансовые пакеты, гранты, субсидии по малым займам и демонстрационные коворкинги. По данным опроса в рамках исследования занятости и предпринимательства женщин Уханя, 48,75% респондентов отметили положительный эффект от этих мер, а 41,61% назвали поддержку правительства одной из причин открытия бизнеса²¹².

В-четвертых, международная деятельность. Китай активно продвигает гендерное равенство на международной арене: установлены контакты со 145 странами и 429 женскими организациями, реализуются культурные обмены, проводятся недели женской культуры и форумы²¹³ в рамках таких платформ, как Форум сотрудничества Китай-Африка, Китайско-Арабский форум сотрудничества, АТЭС, G20 и ШОС. Особое значение имела Четвертая всемирная конференция по положению женщин, прошедшая в Пекине в 1995 г., оказавшая глубокое влияние на реформирование внутренней политики в отношении женщин. Кроме того, Китай участвует в работе ISO по продвижению международных стандартов гендерного равенства, создает рабочие группы и внедряет стандарты на национальном уровне²¹⁴.

Важным ориентиром в реализации гендерной повестки на национальном уровне являются международные индексы, которые используются как инструмент для оценки эффективности проводимой политики. Хотя международные индексы способствуют повышению внимания к гендерной проблеме, китайские исследователи, например Лю Юнцзи, указывают на их ограниченную применимость для Китая, так как они отражают западные ценности, не полностью

²¹² 武汉市社会科学院武汉市妇女干部学校联合课题组, 陶维兵, 曹虹, 等. 就业优先政策视野下武汉女性就业创业调查研究 // 武汉社会科学. 2023. No. 4. P. 36-44. (Совместная исследовательская группа Академии общественных наук г. Ухань и Школы подготовки женщин-кадров г. Ухань, Тао Вэйбин, Цао Хун и др. Исследование занятости и предпринимательства женщин Уханя в рамках политики приоритета занятости // Уханьские социальные науки. 2023. № 4. С. 36-44.)

²¹³ 李英桃. 国际合作与性别平等: 目标设定与方向探讨 // 妇女研究论丛. 2021. No. 1. P. 8-12. (Ли Интао. Международное сотрудничество и гендерное равенство: определение целей и направления развития // Исследования по проблемам женщин. 2021. № 1. С. 8-12.)

²¹⁴ 夏薇佳, 刘璐. 国际标准化组织性别平等工作动态与思考 // 中国标准化. 2023. No. 9. P. 229-233. (Ся Вэйцзя, Лю Лу. Динамика работы Международной организации по стандартизации (ISO) по вопросам гендерного равенства и размышления // Стандартизация Китая. 2023. № 9. С. 229-233.)

учитывающие исторический и культурный контекст страны ²¹⁵. И все же глобальные индексы остаются полезным инструментом для мониторинга и стимулирования дальнейших реформ, а Китай постепенно внедряет более комплексные стандарты оценки и усиливает свое участие в международном гендерном дискурсе.

Международный фактор оказывал влияние на развитие политики в отношении женщин в Китае, однако она сохраняет уникальный исторический контекст и собственные движущие силы: она не является лишь реакцией на внешнее давление, а формируется исходя из внутренних социальных и институциональных условий. В этой логике можно выделить четыре этапа: (1) 1949–1956 гг. — формирование правовых основ равенства мужчин и женщин, (2) 1957–1977 гг. — женщины в системе социалистической мобилизации, (3) 1978–2011 гг. — политика в отношении женщин в условиях экономических реформ, (4) 2012 г. — настоящее время — политика в отношении женщин в условиях приоритета социальной стабильности.

В 1949–1956 гг. были заложены основы правовой и институциональной защиты прав женщин. В 1949–1954 гг. нормативной основой нового государства выступала «Общая Программа НПКСК» ²¹⁶, которая фактически выполняла функцию временной конституции, определяя базовые принципы государственного строительства и социально-политического курса. 20 сентября 1954 г. была принята Конституция КНР ²¹⁷, закрепившая основы социалистического правопорядка и создавшая устойчивую правовую рамку для дальнейшего институционального развития.

²¹⁵ 刘永吉. 中国性别平等话语权应对西方中心主义话语体系的挑战和发展路径——兼论全球性别平等指数对中国的评价 // 中华女子学院学报. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 98-105. (Лю Юнцзи. Проблемы и пути развития китайского гендерного дискурса в ответ на западно-центричную систему — с анализом оценки Китая в глобальных гендерных индексах // Журнал Китайского женского университета. 2022. Т. 34. № 4. С. 98-105.)

²¹⁶ 中国人民政治协商会议共同纲领 // 中国人民政治协商会议全国委员会. 1949-09-29. (Общая программа Народного политического консультативного совета Китая (Принята 29 сентября 1949 г.) // Официальный сайт Всекитайского комитета НПКСК.) URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ART11513309181327976.shtml> (дата обращения: 26.01.2025).

²¹⁷ 中华人民共和国宪法(1954 年) // 法律图书馆. (Конституция КНР 1954 г. // Юридическая библиотека.) URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=343215 (дата обращения: 26.01.2025).

В 1950 г. по инициативе Чжоу Эньлая был принят «Закон о браке»²¹⁸, закреплявший свободу брака и равенство мужчин и женщин. Закон был подготовлен Центральной комиссией по делам женщин при участии рабочей группы под руководством Дэн Инчао (жены Чжоу Эньлая) на основе ранних революционных нормативных актов (в частности, «Положение о браке Китайской Советской Республики»²¹⁹ 1931 г.), а также результатов проведенных исследований и длительных обсуждений.

Постепенное освобождение женщин от семейных обязательств и их активное участие в общественной жизни привели к тому, что в 1951 г. Госсовет опубликовал «Положение КНР о страховании труда»²²⁰ для защиты их трудовых прав. Документ предусматривал меры защиты для работниц в период беременности и родов, включая оплачиваемый отпуск и частичное покрытие медицинских расходов. Эти меры помогли женщинам найти баланс между профессиональными и семейными обязанностями и способствовали дальнейшему вовлечению женщин в трудовую деятельность.

Первая редакция Избирательного закона (1953 г. документ утратил силу) закрепила равное избирательное право женщин и мужчин, создав правовую основу для их политического участия. Таким образом, на начальном этапе была сформирована базовая правовая рамка для политического участия женщин. Однако конкретных количественных требований к их представительству на этом этапе еще установлено не было. Действующая же редакция закона была принята в 1979 году и с тех пор претерпела семь изменений, в том числе в 1995 году в закон впервые

²¹⁸ 中华人民共和国婚姻法(1950) // 全国人民代表大会. 2014. (Закон о браке КНР 1950 г. // Официальный сайт ВСНП. 2014.) URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c1773/c1848/c21114/c25754/c25757/201905/t20190521_206134.html (дата обращения: 26.01.2025).

²¹⁹ 中华苏维埃共和国婚姻条例 1931 年 // 中华文库. (Положение о браке Китайской Советской Республики 1931 г. // Китайская библиотека.) URL: <https://www.zhonghuashu.com/wiki/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E8%98%87%E7%B6%AD%E5%9F%83%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%A9%9A%E5%A7%BB%E6%A2%9D%E4%BE%8B> (дата обращения: 26.01.2025).

²²⁰ 政务院. 中华人民共和国劳动保险条例: 政秘字令 (1951) 第 134 号 [A/OL] // 国家行政库法规. 1951-02-26. (Административный совет Центрального народного правительства КНР. Положение КНР «О трудовом страховании»: распоряжение № 134 (26.02.1951.) // Национальная база нормативно-правовых актов.) URL: <https://xzfg.moj.gov.cn/front/law/detail?LawID=1350> (дата обращения: 26.01.2025).

включили требование о том, что среди депутатов должно быть надлежащее количество женщин и их доля должна постепенно увеличиваться²²¹.

Партия и государство постепенно разработали ряд политических и законодательных мер, направленных на защиту прав женщин, с целью поощрения их активного участия в общественных делах и содействия самореализации в процессе индустриализации. Эти меры заложили основу для создания первоначальной правовой системы защиты прав женщин²²².

В 1957-1977 гг. политика в отношении женщин начала претерпевать изменения, точнее проявился очевидный спад интереса к этой проблеме, так как основные правовые и институциональные гарантии были предоставлены женщинам, что удовлетворяло общественные запросы, решало проблемы на рынке труда и соответствовало социалистической идеологии. В этот период формируется специфическая модель отношений между мужчинами и женщинами, в рамках которой они рассматриваются как товарищи в процессе социалистического строительства. В этих условиях различия между мужчинами и женщинами и их специфические интересы в значительной степени нивелируются и оказываются скрытыми, что придает данной политике выраженные черты дегендеризации²²³.

С 1978 г. политика в отношении женщин опять становится приоритетом политической повестки под влиянием экономических причин – началом периода реформ и открытости. Данный период характеризуется возобновлением интереса к проблеме включенности женщин в социальные процессы. Он нередко определяется как «золотой век» развития политики в отношении женщин, когда внимание было сосредоточено не только на социально-экономических аспектах, но и на

²²¹ 中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法(1995 修正) // 北大法宝. 1995.02.28. (Закон Китайской Народной Республики о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей на различных уровнях (с поправками 1995 г.) // Юридическая база данных Пекинского университета. 28.02.1995.) URL: <https://www.pkulaw.com/chl/58cac8232c474597bdfb.html?way=textLawChange> (дата обращения: 26.01.2025).

²²² 柳华文. 中国妇女权利发展 100 年: 从强烈的政治担当到日臻完善的法律保障 // 人权. 2021. No. 5. P. 68-90. (Лю Хуавэнь. Сто лет развития прав женщин в Китае: от сильной политической ответственности к совершенствованию правовой защиты // Права человека. 2021. № 5. С. 68-90.)

²²³ 曾迪洋, 原璐璐. “去性别话”与“再性别化”: 新中国工业劳动体制中性别关系的塑造 // 学习与探索. 2022. No. 4. P. 21-28. (Цзэн Диян, Юань Лулу. «Дегендеризация» и «регендеризация»: формирование гендерных отношений в системе промышленного труда в Китае // Обучение и исследование. 2022. № 4. С. 21-28.)

трансформации политической роли женщин, а также на расширении их участия в общественной и государственной жизни.

Ключевым на этом этапе стал «Закон о защите прав и интересов женщин»²²⁴, принятый в 1992 г. Он закрепил систему прав женщин в политической, образовательной, культурной, трудовой, имущественной и семейной сферах, установив, что в представительных органах должно быть надлежащее количество женщин-депутатов, однако конкретного процентного порога установлено не было.

В последующие годы Закон неоднократно совершенствовался: в 2005 г., 2018 г., 2022 г. Так, редакция 2005 г. стала примером успешного взаимодействия государства и гражданского общества: женские неправительственные организации впервые приняли участие в разработке поправок, что продемонстрировало рост значимости гражданского участия и общественного диалога. В этой же редакции Закон было включено положение, обязывающее государство «принимать меры для постепенного увеличения доли женщин» в представительных органах²²⁵. Поправки 2018 г.²²⁶ и 2022 г.²²⁷ усилили правовые гарантии в вопросах предотвращения сексуальных домогательств, защиты репродуктивных прав, борьбы с домашним насилием и обеспечения личной безопасности женщин. Кроме того, в 2022 году формулировка, касающаяся политического представительства, была усилена: вместо «должна быть обеспечена надлежащая представленность» закон установил требование «гарантировать надлежащую представленность женщин». Это отражает переход от декларативных норм к более конкретным обязательствам государства.

²²⁴ 中华人民共和国妇女权益保障法 // 中华人民共和国国务院公报. 1992. No. 11. P. 386-393. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» // Бюллетень Государственного совета КНР. 1992. № 11. С. 386-393.)

²²⁵ 中华人民共和国妇女权益保障法(修正) // 中华人民共和国国务院新闻办公室. 2005. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» // Пресс-канцелярия Государственного совета КНР. 2005.) URL: http://www.scio.gov.cn/xwfb/gwyxwbgsxwfbh/wqfbh_2284/2021n_2711/2021n09y27rxw1/wjxgzc_4038/202208/t202208_08_314381.html (дата обращения: 26.01.2025).

²²⁶ 中华人民共和国妇女权益保障法 // 全国人民代表大会. 2018. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 26.10.2018) // Официальный сайт ВСНП. 2018.) URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xxxxinwen/2018-11/05/content_2065661.htm (дата обращения: 26.01.2025).

²²⁷ 中华人民共和国妇女权益保障法 // 中华人民共和国最高人民法院公报. 2022. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 30.10.2022) // Бюллетень Верховного народного суда КНР. 2022.) URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/45412fdb12dd405d680040694bd425.html?sw=%e6%b3%95%e5%be%8b%e6%8f%b4%e5%8a%a9> (дата обращения: 26.01.2025).

Важной вехой стало принятие в 1995 г. «Закона о труде»²²⁸, который закрепил положения о равных трудовых правах и защите интересов женщин. В том же году в рамках Четвертой Всемирной конференции по делам женщин председатель КНР Цзян Цзэминь подчеркнул: «Мы придаем большое значение развитию и прогрессу женщин, рассматривая равенство мужчин и женщин как основную государственную политику, направленную на всестороннее социальное развитие Китая»²²⁹. Этот принцип стал руководящим, его принятие привело к последовательному принятию и реализации четырех Программ развития женщин (1995–2000 гг.²³⁰, 2001–2010 гг.²³¹, 2011–2020 гг.²³², 2021–2030 гг.²³³). Эти документы определили цели, направления и стратегические приоритеты в области продвижения прав женщин. Нововведением стало регулярное статистическое сопровождение. Национальное статистическое бюро КНР публикует отчеты о мониторинге исполнения программ, что позволяет оценивать достигнутые результаты, выявлять проблемы и принимать корректирующие меры²³⁴.

²²⁸ 中华人民共和国劳动法 // 中华人民共和国最高人民检察院公报. 1994. No. 4. P. 3-11. (Закон Китайской Народной Республики «О труде» // Бюллетень Верховной народной прокуратуры КНР. 1994. № 4. С. 3-11.)

²²⁹ 男女平等作为基本国策几大时间节点 // 中国共产党新闻网. 2013. (Основные временные этапы становления равноправия мужчин и женщин в качестве основной государственной политики // Официальный сайт КПК. 2013.) URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0314/c40531-20789934.html> (дата обращения: 26.01.2025).

²³⁰ 中国妇女发展纲要(1995—2000年) // 中国妇运. 1995. No. 8. P. 4-7. (Программа развития женщин Китая (1995–2000 гг.) // Женское движение Китая. 1995. № 8. С. 4-7.)

²³¹ 中国妇女发展纲要(2001—2010年) // 中国妇运. 2001. No. 6. P. 10-16. (Программа развития женщин Китая (2001–2010 гг.) // Женское движение Китая. 2001. № 6. С. 10-16.)

²³² 中国妇女发展纲要(2011—2020年) // 中国日报. 2011. (Программа развития женщин Китая (2011–2020 гг.) // Чайна дейли. 2011.) URL: https://www.chinadaily.com.cn/dfpd/shizheng/2011-08/08/content_13071795.htm (дата обращения: 26.01.2025).

²³³ 中国妇女发展纲要(2021—2030年) // 中国妇女网. 2021. (Программа развития женщин Китая (2021–2030 гг.) // Китайский женский сайт. 2021.) URL: <https://www.cnwomen.com.cn/2021/09/27/99232622.html> (дата обращения: 26.01.2025).

²³⁴ 中国妇女发展纲要(2011—2020年)中期统计监测报告 // 国家统计局. 2016-11-03. (Промежуточный статистический мониторинговый отчет по «Программе развития женщин Китая (2011–2020 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 03.11.2016.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1899316.html (дата обращения: 26.01.2025); 2016年«中国妇女发展纲要(2011—2020年)»统计监测报告 // 国家统计局. 2017-10-27. (Статистический мониторинговый отчет 2016 года по «Программе развития женщин Китая (2011–2020 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 27.10.2017.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1899707.html (дата обращения: 26.01.2025); 2017年«中国妇女发展纲要(2011—2020年)»统计监测报告 // 国家统计局. 2018-11-09. (Статистический мониторинговый отчет 2017 года по «Программе развития женщин Китая (2011–2020 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 09.11.2018.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900138.html (дата обращения: 26.01.2025); 2019年«中国妇女发展纲要(2011—2020年)»统计监测报告 // 国家统计局. 2020-12-18. (Национальное статистическое бюро КНР. Статистический мониторинговый отчет 2019 года по «Программе развития женщин Китая (2011–2020 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 18.12.2020.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900945.html (дата обращения: 26.01.2025); 中国妇女发展纲要(2011—2020年)终期统计监测报告 // 国家统计局. 2021-12-21. (Итоговый статистический мониторинговый отчет

С 2012 г., в условиях новой эпохи политика Китая в области гендерного равенства развивается в направлении комплексной поддержки политического участия женщин через институциональные и социальные каналы. Политическое участие становится важным индикатором реального гендерного равенства и обеспечивается не только нормативными мерами, но и механизмами межведомственной координации в сферах образования, занятости и распределения социальных ресурсов.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал стратегическое значение всестороннего развития женщин, сформулировав шесть приоритетных направлений политики в этой области²³⁵.

Первое направление – приверженность единому руководству партии и развитию женщин с учетом китайской специфики. На коллективной встрече с новым руководством ВФЖ в 2023 г. он отметил необходимость «неукоснительно следовать пути развития женщин с китайской спецификой и мобилизовывать широкие массы женщин для участия в строительстве китайской модернизации»²³⁶. В рамках этого курса предложены меры по развитию женщин, среди которых: (1) программы микрокредитования и профессионального обучения, направленные на поддержку занятости и предпринимательства женщин, особенно в сельской

по «Программе развития женщин Китая (2011–2020 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 21.12.2021.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1901316.html (дата обращения: 26.01.2025); 2021 年《中国妇女发展纲要(2021—2030 年)》统计监测报告 // 国家统计局. 2023-04-20. (Статистический мониторинговый отчет 2021 года по «Программе развития женщин Китая (2021–2030 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 20.04.2023.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202304/t20230417_1938687.html (дата обращения: 26.01.2025); 2022 年《中国妇女发展纲要(2021—2030 年)》统计监测报告 // 国家统计局. 2023-12-31. (Статистический мониторинговый отчет 2022 года по «Программе развития женщин Китая (2021–2030 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 31.12.2023.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231229_1946062.html (дата обращения: 26.01.2025); 2023 年《中国妇女发展纲要(2021—2030 年)》统计监测报告 // 国家统计局. 2025-01-24. (Статистический мониторинговый отчет 2023 года по «Программе развития женщин Китая (2021–2030 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 24.01.2025.) URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250124_1958439.html (дата обращения: 26.01.2025).

²³⁵ 沈跃跃. 贯彻落实习近平总书记系列重要讲话精神 进一步推动妇女权益保障法全面有效实施——在全国妇联纪念妇女权益保障法颁布 25 周年暨全国维护妇女儿童权益先进集体和先进个人表彰大会上的讲话 // 中国妇运. 2017. Vol. 4. P. 4-7. (Шэнь Юэюэ. Реализация духа серии важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина и дальнейшее содействие полному и эффективному исполнению Закона о защите прав женщин — речь на конференции, посвященной 25-летию со дня принятия Закона о защите прав женщин, и церемонии награждения передовых коллективов и личностей по защите прав женщин и детей // Женское движение Китая. 2017. № 4. С. 4-7.)

²³⁶ 习近平同全国妇联新一届领导班子成员集体谈话 // 中华人民共和国中央人民政府. 2023. (Си Цзиньпин провел коллективную беседу с новыми членами руководства Всекитайской федерации женщин // Центральное народное правительство КНР. 2023.) URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6912723.htm (дата обращения: 26.01.2025).

местности²³⁷; (2) инициатива «Весенний бутон», позволяющая более чем 523 тыс. девочек из малообеспеченных семей получить образование²³⁸.

Второе направление – последовательное следование государственному курсу на обеспечение гендерного равенства с учетом особенностей положения женщин и защиты их законных интересов. Особое внимание этому вопросу было уделено на XVIII съезде КПК, где он впервые был официально включен в доклад как элемент основной политики государства²³⁹. Результатом этой политики стал рост политического представительства женщин. Так, доля женщин среди депутатов ВСНП XIV созыва (2023–2028 гг.) достигла 26,54%²⁴⁰.

Третье направление – обеспечение эффективной реализации «Программы развития женщин» и гарантирование равного участия женщин в социальном развитии и доступе к результатам реформ. Одним из показателей последних лет является рост доли женщин на руководящих должностях в правительственных департаментах: на провинциальном уровне — 12,3%, на городском — 16,3% и на уездном — 14,5%. Это отражает тенденцию к постепенному укреплению участия женщин в управлении на региональном уровне²⁴¹.

Четвертое направление – особенное внимание к женщинам, находящимся в сложной жизненной ситуации. Речь идет о защите женщин, живущих в бедности, имеющих инвалидность, а также проживающих в сельской местности. Одним из примеров является документ «Мнение Канцелярии Государственного совета о

²³⁷ 肖诗顺, 胡琴. 农村妇女小额担保贷款现状及国际经验借鉴 // 西南金融. 2013. Vol. 4. P.52-55. (Сяо Шишун, Ху Цинь. Состояние микрокредитования сельских женщин под гарантии и заимствование международного опыта // Юго-Западные финансы. 2013. № 4. С. 52-55.)

²³⁸ 史晓婷. 芳华竞展, 映照时代荣光——中国妇女第十三次全国代表大会主题人物素材 // 作文与考试(高中版). 2024. No. 1. P. 54-55. (Ши Сяотин. Расцвет юности, отражающий славу эпохи: материалы о ключевых фигурах XIII Всекитайского съезда женщин // Сочинение и экзамен (старшая школа). 2024. № 1. С. 54-55.)

²³⁹ 男女平等作为基本国策几大时间节点 // 中国共产党新闻网. 2013. (Основные временные этапы становления равноправия мужчин и женщин в качестве основной государственной политики // Официальный сайт КПК. 2013.) URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0314/c40531-20789934.html> (дата обращения: 26.01.2025).

²⁴⁰ 十四届全国人大妇女代表所占比重为历届最高 // 北京妇女网. 2023. (Доля женщин-депутатов во ВСНП XIV созыва стала самой высокой за всю историю // Пекинский женский интернет-портал. 2023. URL: http://www.bjwomen.gov.cn/fnw_2nd_web/static/articles/catalog_14/article_ff80808185f5df260186906cd9da0e34/ff80808185f5df260186906cd9da0e34.html (дата обращения: 26.01.2025).

²⁴¹ 2023 年«中国妇女发展纲要(2021—2030 年)»统计监测报告 // 国家统计局. 2025-01-24. (Статистический мониторинговый отчет 2023 года по «Программе развития женщин Китая (2021–2030 гг.)» // Национальное статистическое бюро КНР. 24.01.2025. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250124_1958439.html (дата обращения: 26.01.2025).

решении вопроса регистрации домохозяйств для лиц без прописки»²⁴², который упростил процедуру регистрации детей, рожденных вне брака, на основании медицинского свидетельства и паспорта матери.

Пятое направление – включение защиты прав женщин в правовую систему и укрепление правовой защиты женщин и ужесточение ответственности за нарушение их прав. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной 25-й годовщине Пекинской конференции по делам женщин (1 октября 2020 г.) Си Цзиньпин подчеркнул: «Китай создал всестороннюю правовую систему защиты прав женщин, включающую более 100 законов и нормативных актов»²⁴³. Эта система охватывает широкий круг вопросов — от обеспечения юридической помощи до защиты от насилия.

Шестое направление касается деятельности женских федераций, которые под руководством партии выполняют ключевую функцию в защите законных прав и интересов женщин. Си Цзиньпин особо отметил: «Федерация женщин — это массовая организация женщин под руководством партии; она должна объединить женщин вокруг партии и ни в коем случае не превращаться в феминистскую организацию западного типа или в объединение элитарного характера»²⁴⁴. Эти установки основаны на марксистских принципах и китайской культурной специфике, отражая стремление к китаизации и модернизации марксистской теории о женщинах. В этой связи были определены функции ВФЖ:

1) в политической сфере — выполнять роль моста и связующего звена между партией и женщинами, быть надежным помощником партии;

2) в социальной сфере — представлять и защищать права женщин, продвигать идеи гендерного равенства и всестороннего развития.

²⁴² 国务院办公厅关于解决无户口人员登记户口问题的意见 // 中华人民共和国中央人民政府. 2016. (Мнение Канцелярии Государственного совета о решении вопроса регистрации домохозяйств для лиц без прописки // Центральное народное правительство КНР. 2016. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5036272.htm (дата обращения: 26.01.2025).

²⁴³ 习近平. 在联合国大会纪念北京世界妇女大会 25 周年高级别会议上的讲话 // 中华人民共和国国务院公报. 2020. №. 29. Р. 7-9. (Си Цзиньпин. Речь на заседании высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН, посвященном 25-летию Всемирной конференции по положению женщин в Пекине // Бюллетень Государственного совета КНР. 2020. № 29. С. 7-9.)

²⁴⁴ 习近平关于妇女儿童和妇联工作论述摘编 / 中共中央党史和文献研究院编, 北京: 中央文献出版社. 2023. Р. 12. (Сборник высказываний Си Цзиньпина о женщинах, детях и работе Федерации женщин / сост. Академия исследований истории и документов при ЦК КПК. Пекин: Издательство центральных документов, 2023. С. 12.)

2.2. Социальные особенности современного китайского общества²⁴⁵

Социальные особенности современного китайского общества целесообразно рассматривать через призму концепции «гендерная система». В современной науке данное понятие трактуется по-разному. В частности, оно определяется как институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: (1) социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; (2) половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные задачи; (3) регуляцию социальных отношений, которая дает позитивную оценку одним формам сексуальности и негативную – другим²⁴⁶.

Р. Коннелл использует понятие «гендерная композиция» и выделяет три модели гендерных отношений, которые воспроизводятся и изменяются в результате взаимодействия структур и практики. В этих гендерных моделях (экономика, политика, эмоциональные отношения) формируются и поддерживаются представления о надлежащей и девиантной мужественности и женственности, гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие гендерный порядок²⁴⁷. Также часто используется еще одно близкое по смыслу понятие – «гендерный контракт». А. Темкина и А. Роткирх определяют его как правила и взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, и взаимно ответственные отношения между мужчинами и женщинами²⁴⁸. Гендерный контракт в его социальной части описывает отношения в браке, распределение

²⁴⁵ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Чень С. Экстраполяция традиционных взглядов на женщин в Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 221–232; Чень С., Михайлова О.В. «Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 152–160.

²⁴⁶ Renzetti C.M., Curran D.J. Women, Men, and Society. Boston: Allyn and Bacon, 1992. P. 2.

²⁴⁷ Connell R.W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Stanford: Stanford University Press, 1987.

²⁴⁸ Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

обязанностей в семье, разделение труда в общественной и частной сферах. Он отличается от страны к стране, но может меняться на протяжении истории в одной стране. Его содержание формируется под давлением экономических, политических и культурных факторов. Таким образом, гендерный контракт есть результат влияния сложившейся гендерной системы в обществе. В данном исследовании используется понятие гендерная система вслед за Ивон Хирдман для описания совокупности отношений между мужчинами и женщинами, включающей представления, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе²⁴⁹.

Гендерная система трудно поддается изменениям, поскольку поддерживается механизмами социализации и усвоением членами общества социальных норм, ценностей и моделей поведения, обеспечивающих их интеграцию в общество. Кроме того, в процессе социализации члены общества усваивают ключевые культурные установки относительно отношений между мужчинами и женщинами, сложившиеся на протяжении столетий в рамках гендерного контракта, что делает их наиболее устойчивыми к изменениям даже под воздействием экономики и политики. Политические решения обладают значительным трансформационным потенциалом, так как с их помощью возможно очень быстро провести формальные изменения в обществе: наделить правами женщин, наложить обязательства на экономических субъектов и государственные учреждения принимать женщин на работу, ввести квоты на политическое представительство женщин в политических институтах. Однако содержательные изменения будут тормозить традиции, гендерные установки и предрассудки, доминирующие в сознании членов общества. Эмпирические данные показывают, что даже длительное присутствие женщин в экономической и политической жизни западных обществ не привело к однозначному принятию их наравне с мужчинами. в незападных обществах эта проблема проявляется еще острее: стремительные темпы экономического развития создали благоприятные условия для изменения роли женщин, но неизбежно возник

²⁴⁹ Hirdman Y. The Gender System // Moving On. New Perspective on the Women's Movement / ed.by T. Andreasen et al. Aarhus: Aarhus University Press, 1991. P. 187-207.

конфликт с многовековыми традициями, нежеланием консервативного общества принимать новые условия гендерного контракта. Так, например, доминирующий гендерный контракт в современном Китае все еще можно описать как патриархат (жена-домохозяйка и муж-кормилец), нормативное ожидание, что женщина должна быть матерью и вести домашнее хозяйство. Это объясняется особенностями традиционной культуры, которая на протяжении тысячелетий сохранялась и практически неизменно воспроизводилась. В этой связи можно выделить несколько влиятельных учений, в которых дается исчерпывающее описание социального статуса женщины и мужчины.

Для китайской культурной традиции характерно использование философского учения инь-ян, которое оказало значительное влияние на различные сферы жизни и на гендерные отношения в семье. В соответствии с этим учением противоположности должны находиться в постоянном равновесии, что обеспечит достижение гармонии. В человеческих отношениях эти противоположности – «инь» женщина, «ян» мужчина. Эта концепция была использована для нормативного закрепления гендерных ролей, придавая им относительно устойчивые характеристики²⁵⁰. Мужское начало представлено через дуальную модель «вэнь» (Wen, культура, образованность) и «у» (Wu), физическая сила, доблесть), которые составляют две основные формы выражения маскулинности. Женское начало, напротив, не занимает в данной системе самостоятельного положения и выступает скорее как символическое противопоставление²⁵¹. В соответствии с этим маскулинность ассоциируется с такими качествами, как независимость, самовыражение, свобода и сила, тогда как фемининность – стремление к организованности и порядку, очарование, терпимость, умение следовать ограничениям, а также с такими характеристиками, как слабость, забота, пассивность.

²⁵⁰ Gender in Chinese Philosophy // Internet Encyclopedia of Philosophy. 2023. URL: <https://iep.utm.edu/gender-in-chinese-philosophy/> (дата обращения: 18.05.2025).

²⁵¹ См.: 雷金庆著, 刘婷译. 男性特质论: 中国的社会与性别. 南京: 江苏人民出版社, 2012. Р. 19-21. (Лэй Цзиньцин. Теория маскулинности: общество и гендер в Китае/пер. с кит. Лю Тин. Нанкин: Издательство народа Цзянсу, 2012. С. 19-21).

Это учение подчеркивает взаимодополняемость, а не подчиненность социальных ролей²⁵². Это наглядно иллюстрирует практика выбора имени в Китае. Российские исследовательницы В.В. Дашеева и В.В. Хандархаева в своей статье приводят следующий пример: «ребенку (мальчику или девочке) с избытком мужской энергии, которая может привести к излишней агрессивности, дают имя из группы 阴 инь, например 寒 Хань — мороз, которое относится к категории 阴 инь, согласно обеим теориям — теории смыслов 理 Ли (мороз, холод — женское начало) и теории чисел 数 Шу (иероглиф 寒 состоит из 12 черт — четного числа, то есть женского начала), или имя 文 Вэнь — культура, 4 черты или 静 Цзин — покой, 14 черт. Для усиления мужского начала человеку могут дать имена, содержащие иероглифы категории 阳 ян, например: 清 Цин — светлый, 11 черт, 龙 Лун — дракон, 5 черт»²⁵³. Другой пример: пожилой мужчина по отношению к женщине — ян (он сильнее ее), а по отношению к молодому мужчине он — инь (он слабее его). Это означает, что не все мужчины сильны и их положение не является недостижимым для женщин. Таким образом, в соответствии с этой концепцией инь и ян образуют целостность. Однако люди ценят больше ян (мужское начало), а не инь (женское начало), хотя эти два понятия тождественны друг другу, и ничто нельзя отнести к одной из этих категорий в чистом виде. Предпочтение мужского женскому сформировало отклонение от идеи взаимодополнения к идее доминирования: инь — слабость и пассивность, ян — сила и активность, и это на протяжении веков ограничивало возможности женщин получать образование и участвовать в социальной жизни²⁵⁴. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что концепция инь-ян благодаря идее взаимодополняемости мужского и женского

²⁵² Ames R.T. Taoism and the Androgynous Ideal // *Historical Reflections / Réflexions Historiques*. 1981. Vol. 8. No. 3. P. 21-45; Black A.H. Gender and Cosmology in Chinese Correlative Thinking // *Gender and Religion: On the Complexity of Symbols*/ed. by C.W. Bynum, S. Harrell, P. Richman. Boston: Beacon Press, 1986. P. 166-195; 刘德汉. 东周妇女生活, 台北: 台湾学生书局, 1976. (Лю Дэхань. Жизнь женщин эпохи Восточного Чжоу. Тайбэй: Тайваньское студенческое издательство, 1976.)

²⁵³ Дашеева В.В., Хандархаева В.В. Философское учение 阴阳 инь-ян в китайской культурной традиции // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2022. Вып. 2. С. 17-24.

²⁵⁴ 冯小桐. 中国古代女德教育文献综述 // *社会科学动态*. 2019. No. 4. P. 110-119. (Фэн Сяотун. Обзор литературы по женскому нравственному воспитанию в древнем Китае // *Социальная наука в динамике*. 2019. № 4. С. 110-119.)

начал может служить философской основой гендерного равенства, а не иерархии, подчеркивая значимость обоих начал для гармоничного развития семьи и общества²⁵⁵.

Другое важное философское учение, формирующее ценностную основу китайского общества, – конфуцианство, канон «Лунь Юй». Конфуцианство закрепило три основные иерархические связи («сань ган»): император управляет подданными, отец наставляет детей, муж руководит женой, что также подчеркивает более низкий социальный статус женщины, по сравнению с мужчиной, особенно в семейных отношениях. Известна фраза из «Лунь Юй»: «Только женщинами и мелочными людьми трудно управлять. Приблизись к ним — они становятся непокорными, отдалишься от них — они обижаются»²⁵⁶. В этой фразе без труда считывается уничижительное отношение к женщине, принадлежность ее к низшему социальному классу, отличному от того, к которому относятся мужчины. Однако современные ученые подчеркивают, что эта фраза была сказана в конкретных исторических и культурных условиях, и не следует оценивать ее по современным стандартам²⁵⁷. Тем не менее сложно отрицать маскулинную направленность конфуцианской философии. В конфуцианских классических произведениях, таких как «Лицзи» и «Сяоцзин», детально прописаны правила поведения женщин, акцентируя три повиновения женщины: «не замужем подчиняйся отцу, замужем подчиняйся мужу, после смерти мужа подчиняйся сыну», а также четыре добродетели: женская добродетель, скромная и правильная речь, приличная внешность и домашние умения / рукоделие²⁵⁸. Как пишет Чанг Юнг «добродетельная женщина должна подавлять свои эмоции и не желать ничего, кроме исполнения своего долга перед мужем. Скучать по мужу — это нормально, это добродетельно, но женщине не положено жаловаться ... на самом деле хорошая

²⁵⁵ Bian H. The Orientation and Significance of Confucian Gender Culture for Women // Open Access Library Journal. 2023. Vol. 10. P. 1-7.

²⁵⁶ 孔子(春秋).论语,广州:花城出版社,2024. P. 267. (Конфуций (эпоха Чуньцю. Луньюй / пер. и коммент. Чэнь Пуцин, Гуанчжоу: Издательства Хуа Чэн, 2024. С. 267.)

²⁵⁷ 冯克正. 唯女子与小人为难养也“辨” // 理论界. 2021. No. 11. P. 21-29. (Фэн Кэжэн. Только женщин и мелочных людей трудно управлять: разбор и уточнение // Теоретическое сообщество. 2021. № 11. С. 21-29.)

²⁵⁸ 芳园. 国学知识一本全 耀世典藏版, 天津: 天津人民出版社, 2015. P. 196. (Фан Юань. Полное собрание знаний по традиционной китайской культуре. Подарочное издание. Тяньцзинь: Издательство народа Тяньцзинь, 2015. С. 196.)

женщина вообще не должна иметь точку зрения, а если и имеет, не должна была быть настолько наглой, чтобы о ней говорить»²⁵⁹.

Этике семейных отношений уделяется первостепенное внимание, потому что благополучие в семье обеспечивает благополучие общества и его стабильность. Это особенно ярко отражено в традиционном китайском понимании «Ли» (Li) — ритуала и этикета, регулирующего поведение членов семьи: отец милосерден и наставляет, сын почтителен и мягко увещевает, старший брат любящий и дружелюбный, младший брат уважительный и послушный, муж миролюбив и справедлив, жена кроткая и добродетельная, свекровь милостивая и снисходительная, невестка послушная и мягкая²⁶⁰.

Конфуцианство способствовало закреплению патриархата и иерархической системы отношений между мужчиной и женщиной. В условиях централизованного государства конфуцианская семейная иерархия приобретала более широкий смысл: она становилась моделью легитимации подчинения и дисциплины, переносимой с семейного на уровень общества в целом. Политическая и административная система Китая на протяжении тысячелетий была централизованной. Она требовала безоговорочного подчинения подданных, а послушание и лояльность на протяжении смены династий считались главными добродетелями, поэтому сыновье благочестие и женская покорность стали также неотъемлемыми элементами общественной этики. Характерным проявлением такой нормативной логики являлись практики телесного контроля.

Хрестоматийным является пример самой унижительной для китайских женщин эпохи Сун (960-1279 гг. н.э.), когда им бинтовали ноги, и это один из наиболее наглядных примеров физического контроля и тотальной власти над женщиной в мужском обществе. Бинтование ног имело в своей основе эстетическую мотивацию (тонкие «нефритовые» ступни женщин как символ красоты) и желание ограничить сферу жизни женщины исключительно домом, за пределы которого она не могла

²⁵⁹ Chang J. *Wild Swans: Three Daughters of China*. N.Y.: Harper Collins, 1991.

²⁶⁰ 龚留柱. «左传»与中国文化, 北京: 华夏出版社. 2022. P. 111. (Гун Лючжун. «Цзо чжуань» и китайская культура. Пекин: Издательство «Хуася». 2022. С. 111.)

физически выйти, так как не могла твердо стоять на маленькой стопе²⁶¹. Бинтование ног было в тот период обычным культурным явлением, но оно демонстрирует каким образом возможно на протяжении столетий не только социально, но и физически формировать у женщин установки на слабость и подчинение, чтобы подчеркнуть силу и превосходство мужчины.

Для понимания устойчивости подобных практик необходимо учитывать, что телесная дисциплина опиралась на более ранние нормативные представления о естественных качествах полов, закреплённые в классических текстах. Во времена династии Хань (202 год до н.э. — 220 год н.э.) Бан Чжао дала исчерпывающее объяснение темпераменту обоих полов в «Женских заповедях»: «Инь и ян — по своему особенные энергии, но в то же время очень разные. Ян принимает жесткость за свою добродетель, а инь использует мягкость и этим украшается. Мужчины считают силу своим благородством, а женщины считают мягкость своей красотой»²⁶². В разные эпохи классические философские идеи получали политически значимое толкование: через акцент на семейной иерархии как базовой модели отношений они использовались для укрепления дисциплины и подчинения в обществе в целом.

Китайская культурная традиция основана на ценностях жесткой социальной иерархии, патриархальной семьи и гармонии в социальных отношениях. Она сформировала гендерную систему, в которой мужчина безоговорочно доминирует над женщиной, к их социальному поведению предъявляются противоположные требования, табуирующие многие виды активности для женщин. Мужчины являются полноправными участниками социальной и политической жизни, хозяевами семьи и своей жизни, в то время как женщины исключены из социальной и политической жизни и являются, по сути, «рабами семьи»²⁶³. Важная ценность

²⁶¹ 叶童彤, 宋文里. 文化无意识视角下女性缠足的诠释学分析 // 湖北科技学院学报. 2023. Vol. 43. No. 6. P. 31-36. (Е Тонгтонг, Сонг Вэньли. Герменевтический анализ женского бинтования ног с точки зрения культурного бессознательного // Журнал Хубэйского научно-технического института. 2023. Т. 43. № 6. С. 31-36.)

²⁶² 白嵐玲. 班昭女性教育观批判研究, 北京: 中国传媒大学出版社, 2022. P. 42. (Бай Ланьлин. Критическое исследование взглядов Бан Чжао на женское образование. Пекин: Издательство Китайского университета коммуникаций, 2022. С. 42.)

²⁶³ Engels F. The origin of the family, private property and the state. Stockton: University Press of the Pacific, 2001.

для женщины – целомудрие. В традиционном обществе женский характер делится на две категории: одна – целомудрие, а другая – снисходительность. «Целомудренная женщина» — это комплимент репутации женщины в обществе, именно эта черта была защищена различными системами; в то же время нецеломудренные женщины были вне социальной системы и лишены прав. Сохранение целомудрия рассматривалось как одна из основных жизненных целей женщины. Во времена династии Хань целомудрие было лишь требованием женской морали, но с постоянным усилением политической централизации представление о целомудрии в традиционном китайском обществе укоренилось в социуме. К эпохе Цин культ целомудрия трансформировался в квазирелигиозную систему верований²⁶⁴.

Особого внимания заслуживает самая важная социальная женская роль — материнство. В соответствии с традиционной семейной этикой уважение детьми старших важнее, чем уважение женщиной мужчины. Традиционное общество уделяет большое внимание сыновнему благочестию детей по отношению к своим родителям, «управление миром с сыновним благочестием» даже стало не только нормой семейной морали, но и важнейшим элементом государственной идеологии, получившим институциональное выражение в правовых и политических механизмах²⁶⁵.

Сыновнее благочестие, которое придает значение доброте родителей, независимо от того, мужчина это или женщина, не только подчеркивает поддержку, но и уделяет большое внимание уважению и послушанию. Китайское общество обеспечивает матерям более высокий статус в семье, чем женщинам в обществе: «В китайской истории нет женской власти (в обществе), но есть материнская власть (в семье)»²⁶⁶. Другими словами, важно понимать, что у женщины может быть высокий статус в семье благодаря материнству, однако она не имеет возможности

²⁶⁴ 梁景时, 梁景和. 中国陋俗批判, 北京: 团结出版社. 1999. P.120. (Лян Цзинши, Лян Цзинхэ. Критика устаревших обычаев Китая. Пекин: Издательство «Солидарность», 1999. С. 120.)

²⁶⁵ 苏亦工. 法宜容情——古人为何以孝治天下? // 清华法学. 2019. Vol. 13. No. 5. P. 80-92. (Су Игун. Закон должен учитывать чувства – почему древние управляли миром через сыновнюю почтительность? // Тинхуа юриспруденция. 2019. Т. 13. № 5. С.80-92.)

²⁶⁶ Ebrey P. Women and the family in Chinese history. L.: Routledge. 2003.

получить более высокий социальный статус вне семьи. Женщина может реализовать себя преимущественно в семье, но публичная сфера для нее закрыта (экономика, политика и другая деятельность)²⁶⁷. Поощрение уважения к материнству облегчило социальное положение женщины, но при этом заставляло рассматривать привязанность к мужчинам и к семье как единственную основу для ее самостоятельного существования.

Истории известны случаи, когда женщины в некоторых правящих династиях получали определенную свободу и пространство для деятельности в общественной сфере. При этом им удавалось завоевать значимые для себя позиции не благодаря своим личным заслугам, а благодаря содействию мужчин, как, например, Люй Хоу в эпоху династии Хань, У Цзэтянь – в эпоху династии Тан и Цы Си – в эпоху династии Цин. Люй Хоу получила власть благодаря браку с Лю Баном, основателем династии Хань, и своему статусу матери Хуэй-ди. После смерти Лю Бана и Хуэй-ди она использовала ряд стратегий и насильственных методов, чтобы укрепить свое правление. У Цзэтянь, единственная императрица в истории Китая, первоначально была наложницей Тан Тайцзуна, а затем через брак с Тан Гаоцзуном и как мать Чжун-цзуна постепенно приобрела реальную власть и в конце концов захватила трон. Цы Си Тайхоу в поздний период династии Цин получила реальную власть через брак с Сяньфэн-ди и как мать Тунчжи-ди, несмотря на внутренние и внешние кризисы ее правления, она сумела удержать власть.

Успех этих трех женщин заключался в их умении использовать брачные связи и материнский статус для доступа к политической власти, а также применять неконвенциональные методы, такие как устранение противников и запугивание, для укрепления своего положения. Их правление значительно повлияло на политическую ситуацию того времени и бросило вызов традиционным гендерным стереотипам, демонстрируя, что женщины могут быть эффективными политическими лидерами даже в экстремальных условиях. Несмотря на критику их методов правления, нельзя отрицать, что их политические достижения и влияние в

²⁶⁷ Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.

своих эпохах были заметными. Опыт и достижения этих женщин-правителей не только предоставляют богатый исторический материал для потомков, но и служат ценным источником для понимания гендерных ролей и потенциала женщин в политике в традиционном китайском обществе, предлагая новый взгляд на гендерную динамику в истории Китая²⁶⁸.

С древности роль китайских женщин определялась семейно-брачными отношениями. Однако в истории Китая был уникальный период, когда женщины обладали имущественными правами. Повышение статуса женщин в эпоху династии Тан было результатом сочетания различных факторов, таких как развитие экономики, эволюция конфуцианских идей, появление выдающихся женщин и влияние придворной культуры²⁶⁹. Например, незамужние дочери имели право наследования имущества, оставшегося после смерти родителей²⁷⁰. В случае если в семье не было сыновей, то наследство умершего супруга могло остаться у его жены. Но существовали нормы, которые запрещали женщинам в период траура выходить снова замуж. Несмотря на доминирование конфуцианской патриархальной модели, в период существования северных кочевых династий — Ляо, Цзинь и Юань (X–XIV вв.) — китайская культурная традиция в северных регионах подвергалась влиянию брачных практик кочевых народов, в которых женщины нередко имели более высокий социальный статус, могли владеть имуществом и повторно вступать в брак. Эти особенности отражены в их устойчивых обычаях, таких как наследование вдовами и институт левиратных браков²⁷¹, что контрастировало с ограничениями, характерными для традиционного китайского общества²⁷².

²⁶⁸ Tsai W.H. Women in Traditional Chinese Politics: The Lives and Careers of Empresses Lü, Wu, and Tz'u-Hsi // *Chinese Studies*. 1991. Vol. 9. No. 2. P.183-209.

²⁶⁹ 卢珊. 浅谈唐代妇女社会地位变化的原因 // *中国故事*. 2023. No. 10. P. 39-43. (Лу Шань. Краткий обзор причин изменения социального статуса женщин в эпоху Тан // *Китайские истории*. 2023. № 10. С. 39-43.)

²⁷⁰ 周艺荣. 唐宋女子继承制度研究 // *商界论坛*. 2016. No. 31. P. 264. (Чжоу Ижун. Исследование системы наследования женщин в эпоху Тан и Сун // *Бизнес-форум*. 2016. № 31. С. 264.)

²⁷¹ Форма брачных отношений, распространенная в традиционных обществах, при которой женщина после смерти мужа вступает в брак с его братом. Такая практика была направлена на сохранение имущества и потомства внутри рода.

²⁷² 贾淑荣, 李濛. 文化认同视阈下北方游牧民族婚姻习俗的变迁——以辽金元为例 // *吉林师范大学学报:人文社会科学版*. 2022. Vol. 50. No. 5. P. 35-41. (Цзя Шужун, Ли Мэн. Изменения брачных обычаев северных кочевых народов с точки зрения культурной идентичности – на примере династий Ляо, Цзинь и Юань // *Журнал педагогического университета Цилинь: Гуманитарные и социальные науки*. 2022. Vol. 50. № 5. С. 35-41.)

Исторически в китайской культуре сложился сложный социальный статус женщины, которая, с одной стороны, занимает подчиненное положение по отношению к мужчине в патриархальной семье, ее жизненные стратегии ограничены исключительно частной сферой, а общество предъявляет к ее поведению жесткие требования. С другой стороны, она пользуется уважением и почитанием в семье в роли матери, а история сохранила величие императриц. Можно предположить, что философское учение инь-ян в большей степени имеет отношение к частной сфере, распределению ролей между мужчиной и женщиной в семье, где они действительно дополняют друг друга. Добровольное принятие этих ролей обеспечивает стабильность и гармонию и для мужчины, и для женщины. Проблема со статусом женщины возникает, когда она хочет выйти за границы частной сферы – в публичную сферу, и занять в общественной иерархии положение наравне с мужчинами. Идеи конфуцианства являются серьезным барьером для активности женщин в разных социальных сферах и достижения ими руководящих позиций. Изучение традиционной китайской культуры позволяет выделить ключевые характеристики гендерной системы в Китае. Как отмечают китайские исследователи, она представляет собой прежде всего институциональный феномен, тесно связанный с государственным устройством и семейной организацией. Ду Фанцинъ выделяет «гомологию семьи и государства» как ключевую характеристику гендерной системы в Китае²⁷³, а Сун Шаопэн подчеркивает противоречие между формальным равенством в публичной сфере и гендерным разделением труда в частной сфере²⁷⁴.

Устойчивость традиционных гендерных установок, описанных выше, объясняется действием механизмов социализации, которые на всех этапах жизни индивида воспроизводят нормативные представления о мужских и женских ролях. Обусловленная влиянием культуры гендерная система воспроизводится в Китае, как и в других странах мира, с помощью агентов социализации. В детском саду

²⁷³ 杜芳琴. 华夏族性别制度的形成及其特点 // 浙江学刊. 1998. No. 3. P. 47-52. (Ду Фанцинъ. Формирование гендерной системы китайской нации и ее особенности // Чжэцзянский академический журнал. 1998. № 3. С. 47-52.)

²⁷⁴ 宋少鹏. 当代中国性别公正研究, 北京: 清华大学, 2006. (Сун Шаопэн. Исследование гендерной справедливости в современном Китае: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пекин : Университет Цинхуа, 2006.)

дети впервые сталкиваются с общественной жизнью и публичной сферой, что оказывает сильное влияние на их первоначальное восприятие гендерных ролей. Например, в исследовании К. Фаррис о тайваньских детских садах показано, что язык играет ключевую роль в процессе гендерной социализации. Взаимодействие воспитателей и воспитанников часто непреднамеренно закрепляет гендерные роли. К примеру, мальчикам предлагают играть в активные игры, а от девочек ожидают более спокойного и послушного поведения, что впоследствии влияет на самоопределение и самовосприятие детей²⁷⁵.

В другом исследовании, посвященном кросс-культурным аспектам социализации, демонстрируется сходство процессов гендерной социализации в детских садах Гонконга и материкового Китая. Автор констатирует, что несмотря на различия в культурном контексте, процесс закрепления гендерных ролей имеет общие черты в обоих кейсах: ожидания воспитателей в отношении гендерных ролей влияют на восприятие воспитанниками этих ролей²⁷⁶.

В начальной и средней школе продолжается закрепление гендерных ролей. Содержание школьных программ, ожидания и стереотипы учителей, контакты со сверстниками влияют на формирование гендерной идентичности. Результаты кросс-культурных исследований демонстрируют, что мальчиков чаще поощряют к изучению технических и естественно-научных дисциплин, в то время как девочек – гуманитарных дисциплин или искусства. Эта гендерная дифференциация на этапе школьного образования не только отражает социальные ожидания, но во многом определяет будущую профессиональную стратегию учащегося. Исследования процессов гендерной социализации в китайских школах показывают, что несмотря на провозглашение в стране принципов гендерного равенства, учителя

²⁷⁵ Farris C.S. The Gender Of Child Discourse: Same - Sex Peer Socialization Through Language Use In a Taiwanese Preschool // Journal Of Linguistic Anthropology. 2008. Vol. 1. No. 2. P. 198-224.

²⁷⁶ Xu Y. Gender-Diverse Practitioners in Early Years Education and Care (EYEC): A Cross-Cultural Study of Scotland, Hong Kong, and Mainland China // Early Years. 2020. Vol. 40. No. 1. P. 109-124.

непреднамеренно укрепляют в сознании учащихся традиционные гендерные роли²⁷⁷.

На этапе обучения в университете процесс гендерной социализации усложняется. С одной стороны, подростки имеют большую свободу при выборе своего дальнейшего профессионального пути, хотя и являются при этом носителями ранее сформированных гендерных стереотипов. С другой – большое влияние на подростков оказывает семья, родители помогают им выбирать будущую профессию, подспудно опираясь на традиционные гендерные представления. В итоге юноши чаще выбирают традиционно «мужские» профессии (например, инженер), а девочки – «женские» профессии (учитель, врач)²⁷⁸.

Вместе с тем следует отметить, что эти и многие другие исследования о процессах гендерной социализации в Китае, касаются прежде всего городского населения страны. В сельскохозяйственных регионах на процессы социализации значительное влияние оказывает традиционная семья и сельское сообщество, сложившиеся обычаи. У женщин намного меньше возможностей для изменения своего социального положения²⁷⁹.

Традиционная китайская культура во многом стабилизирует гендерный порядок, однако его воспроизводство и изменения определяются не только культурными нормами, но и государственными стратегиями, а также социально-экономическими преобразованиями. Влияние традиционных установок усиливается тем, что государство сознательно обращается к культурному наследию и связывает современное развитие с историко-культурным прошлым. С середины 1980-х гг. в Китае началась масштабная работа по популяризации культурного наследия («культурный бум»), оно стало основой проводимого властью политического курса²⁸⁰.

²⁷⁷ Wu Y.P, Wu J.F, Chen Y.M, et al. Shyness and School Adjustment Among Chinese Preschool Children: Examining the Moderating Effect of Gender and Teacher–Child Relationship // *Early Education and Development*. 2015. Vol. 26. No. 2. P. 149-166.

²⁷⁸ Liu F. Boys As Only-Children And Girls As Only-Children—Parental Gendered Expectations Of The Only-Child In The Nuclear Chinese Family In Present-Day China // *Gender And Education*. 2006. Vol. 18. No. 5. P. 491-505.

²⁷⁹ См., например, Judd E.R. *Gender and Power in Rural North China*. Stanford: Stanford University Press, 1994.

²⁸⁰ Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей/Отв. ред. Б.Г. Доронин. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011.

В то же время современные политические и экономические модели Китая существенно отличаются от традиционных образцов, что подрывает привычные нормы и особенно заметно в трансформации роли женщин в экономической и общественной жизни. Для описания политики, направленной на расширение возможностей женщин, в научной литературе используется понятие государственного феминизма, введенное Х. Хернес²⁸¹. Применительно к Китаю Джуд Хауэлл определяет государственный феминизм как набор практически ориентированных стратегий для повышения социального статуса женщин, а также созданных с этой целью институциональных механизмов²⁸². Иными словами, в официальной политике именно государство в значительной степени задает рамку объяснения гендерного неравенства и инструменты его преодоления, увязывая их с другими стратегическими задачами.

Вместе с тем при анализе эффективности политики государственного феминизма принципиально важно различать уровень институциональных решений и уровень социальных практик: именно на последнем формируются устойчивые ожидания и правила поведения, которые определяют реальные жизненные траектории женщин. Эта неоднородность особенно хорошо прослеживается в поколенческих различиях, поскольку разные когорты женщин социализировались и строили жизненные стратегии в различных условиях (образование, рынок труда, семейно-демографическая политика, масштабы урбанизации и международных контактов). Динамику хорошо иллюстрирует типология, описывающая пять поколений китайских женщин:

1) коммунистическое поколение (рожденные до 1940 г.), на жизнь которого выпало много скорби и тягот, для которого традиционные ценности имели наибольшее значение;

2) «потерянное поколение» (1940–1960 гг.), которое пережило много значительных социально-экономических изменений, в том числе «культурную

²⁸¹ Hernes. H.M. Welfare State and Woman Power: Essays in State Feminism. Oslo: Norwegian University Press, 1987.

²⁸² Howell J. Women's Political Participation in China: Struggling to Hold Up Half the Sky // Parliamentary Affairs. 2002. Vol. 55. P. 43-56.

революцию», разрушившую традиционную социальную систему, и экономические реформы;

3) «счастливое поколение» (1960–1970 гг.), в полной мере воспользовавшееся плодами экономических реформ и получившее больше возможностей для карьерного роста и индивидуальной свободы;

4) «трансформированное поколение» (1970–1980 гг.), которое стало свидетелем экономических преобразований и испытало влияние западных ценностей;

5) «поколение Е» (рожденные после 1980-х гг.), сформировавшееся в условиях политики «одна семья — один ребенок»; оно воспользовалось результатами политической и экономической стабильности и в наибольшей степени испытало влияние глобализации и идей феминизма²⁸³.

Данная типология важна не только как описательная схема, но и как аналитический инструмент: она позволяет связать изменения статуса женщин с конкретными институциональными условиями, в которых формировались их образовательные, трудовые и семейные стратегии. Эта типология позволяет увидеть, что различия между поколениями формируются не только социальными установками, но и меняющимися институциональными условиями — доступом к образованию, рынку труда, социальной мобильности и ресурсам, а также государственной демографической и семейной политикой.

Различия между женщинами эпохи Мао Цзэдуна и современными женщинами значительны, прежде всего в городском контексте. Современные женщины в большей степени ориентированы на индивидуальную самореализацию и экономическую автономию (прежде всего в городах). Во-первых, благодаря возможности получать высшее образование (в том числе и за рубежом). Например, в 2018 г. 53% студентов бакалавриата составляли женщины²⁸⁴. На рынок труда вышли профессионально подготовленные специалисты в различных областях, способные на равных конкурировать с мужчинами даже за управленческие

²⁸³ Li Y. Women's Movement and Change of Women's Status in China // Journal of International Women's Studies. 2000. Vol. 1. P. 30-40.

²⁸⁴ Tang L., Horta H. Women Academics in Chinese Universities: A Historical Perspective // Higher Education. 2021. Vol. 82. No. 5. P. 865-895.

позиции, в том числе в сфере политики и государственного управления. Во-вторых, женщины стали более финансово независимыми от мужчин, что значительно расширило их горизонты для реализации своих профессиональных стратегий, они стали позднее вступать в брак, но и чаще стали оставаться одинокими. В-третьих, политика «одна семья – один ребенок» повлияла на установки молодого поколения, ослабив влияние традиционных ценностей²⁸⁵, повысив ценность дочерей, которые смогли не только получать образование, но и наследовать семейный бизнес. В то же время есть вероятность, что отмена этой политики при определенных социально-экономических условиях может негативно повлиять на распределение социальных ролей, обострить конкуренцию между братьями и сестрами и в итоге снизит социальный статус женщины, ухудшив ее положение в семье²⁸⁶. Вместе с тем, на молодое поколение китайских женщин продолжает оказывать сильное влияние старшее поколение, в том числе через сохраняющееся присутствие его представителей на руководящих позициях и в семейных структурах принятия решений.

Именно в этой логике становится понятнее, почему рост образовательных и карьерных возможностей женщин не обязательно ведет к пересмотру повседневных норм и санкций, связанных с браком и материнством. И все же происходящие изменения не влекут за собой столь же значительных изменений в социальных отношениях. Традиционалистский тренд, общественное неприятие идей гендерного равенства ставит женщин, желающих самостоятельно определять свою личную и профессиональную судьбу, в ситуацию сложного выбора, что может привести к разрыву семейных связей²⁸⁷. На женщин по-прежнему оказывается социальное давление, побуждающее их к вступлению в брак, а не к сосредоточению исключительно на профессиональной карьере. В 2007 г. ВФЖ

²⁸⁵ Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 1. С. 140-144.

²⁸⁶ Sun J.Y., Li J. Women in Leadership in China: Past, Present, and Future // *Current Perspectives on Asian Women in Leadership: A Cross-cultural Analysis*/ed. by Y. Cho, R. Ghosh, J.Y. Sun, G.N. McLean. Cham: Springer, 2017. P. 19-35.

²⁸⁷ Luo M.S., Chui E.W.T. Gender Division of Household Labor in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns // *Journal of Family Issues*. 2018. Vol. 39. No. 12. P. 3153-3176.

использовала новое понятие «шенной» (Sheng nv) для характеристики образованных незамужних женщин старше 27 лет²⁸⁸.

В дискурсивном плане это, в частности, находит отражение в формировании образа успешной женщины в Китае. В китайской лингвокультуре представления об успешной женщине формируются под воздействием социальных установок. Согласно исследованиям, идеальный образ успешной женщины включает сочетание брака, материнства, образования, профессиональной реализации и материального благополучия. При этом карьерный рост является желательным, но не обязательным условием успеха, тогда как наличие семьи имеет приоритетное значение²⁸⁹. Более того, сам факт замужества представляется не столь привлекательным, как наличие дружной семьи из нескольких поколений, достойного мужа и детей, которые являются гордостью матери. На этом фоне решительность, настойчивость и другие деловые качества уходят на второй план²⁹⁰. В результате становится очевидным, почему в китайском публичном дискурсе отклонение от традиционной брачно-семейной траектории, включая поздний брак, нередко получает негативную оценку и рассматривается как нежелательный сценарий.

²⁸⁸ Gaetano A. Leftover Women: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China // *Journal of Research in Gender Studies*. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 124-149.

²⁸⁹ Паренко А.А. «Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. № 1(895). С. 149-154.

²⁹⁰ Данилевская Н.В., Ху Сяосюэ. Русская и китайская «успешная женщина»: восприятие и толкование современниками // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2014. № 3 (27). С. 42-53.

2.3. Становление политического участия женщин в Китае²⁹¹

Становление политического участия женщин в Китае носило противоречивый характер. С одной стороны, в различные исторические периоды женщины получали доступ к политическим институтам и отдельным позициям высокого уровня, с другой — их представительство в партийно-государственной системе в разные периоды оставалось ограниченным. В то же время процесс становления политического участия женщин не являлся однородным и включал различные механизмы их вовлечения в политическую систему. Анализ данного процесса позволяет выделить несколько основных траекторий включения женщин в политику, проявлявшиеся на разных этапах развития КНР.

Период 1949–1956 гг. — женщины у истоков новой социалистической власти

В первые годы с момента образования КНР, благодаря формированию институциональных основ государства, часть женщин смогла войти в состав политической элиты. Такие деятели, как Сун Цинлин, Хэ Сяннин, Цай Чан, Ши Лян и Ли Дэцюань, стали первыми заметными фигурами в системе государственного управления. Их деятельность не была формальной а демонстрировала реальные возможности политического участия женщин в формировании политики государства и задавала ориентиры для последующего расширения женского представительства в партийно-государственной системе Китая.

²⁹¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Чень С. Рост женского политического лидерства: примеры из практики Китая // Вопросы политологии. 2025. №6(118). С. 2566–2574; Чень С. Политическое участие женщин в китайском культурном ареале: сравнительный анализ материкового Китая, Тайваня, Гонконга и Макао // Вопросы политологии. 2026. Т.16. № 4(128). С. 1536-1545.

Таблица 8 – Женщины на руководящих позициях в Китае (1949–1956 гг.)

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
Сун Цинлин (宋庆龄) 1893–1981 г.	1949–1954 г.	Заместитель председателя Центрального народного правительства	56–61
	1954–1964 г.	Заместитель председателя НПКСК	61–71
	1954–1975 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	61–82
	1959–1975 г.	Заместитель председателя Китайской Народной Республики	66–82
	1981 г.	Почетный председатель КНР	88
Ши Лян (史良) 1900–1985 г.	1949–1959 г.	Министр юстиции (первый в КНР)	49–59
	1978–1983 г.	Заместитель председателя НПКСК	78–83
	1978–1985 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	78–85
Цай Чан (蔡畅) 1900–1990 г.	1949–1954 г.	Член Центрального народного правительства	49–54
	1975–1983 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	75–83
Хэ Сяннин (何香凝) 1878–1972 г.	1949–1954 г.	Член Центрального народного правительства	71–76
	1954–1964 г.	Заместитель председателя НПКСК	76–86
	1959–1972 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	81–94
Ли Дэцюань (李德全) 1896–1972 г.	1949–1965 г.	Министр здравоохранения (первый в КНР)	53–69
	1965–1972 г.	Заместитель председателя НПКСК	69–76

Сун Цинлин и ее сестры Сун Айлин и Сун Мэйлин²⁹² выросли в зажиточной шанхайской семье. Их отец, Сун Цзяшу, был одним из первых китайцев, получивших образование в США и принявших христианство, после возвращения в Китай он занимался издательской и миссионерской деятельностью, что позволило семье накопить значительный финансовый и социальный капитал. Три сестры получили образование в США, обеспечив редкий для Китая начала XX века культурный капитал и социальные связи в кругах политической элиты и создав прочную основу для их последующего участия в политической жизни. Для Сун Цинлин образование имело важное идейно-политическое значение: она познакомилась с западным феминизмом и пришла к пониманию, что образование является ключевым условием женской эмансипации, а равенство мужчин и женщин возможно при достижении успеха самими женщинами²⁹³.

Впоследствии сестры стали политиками, представлявшими разные идеологические позиции. Сун Цинлин позиционировала себя как хранитель революционного наследия Сунь Ятсена и носитель моральной и символической легитимности, что позволило ей занять особое место в политической системе КНР. Сун Мэйлин, став первой леди Китайской республики, реализовала себя в публичной дипломатии, действовала как политик при режиме Гоминьдана. Сун Айлин, также оказалась на стороне Гоминьдана. Она сыграла ключевую роль в устройстве политических браков, в первую очередь — брака между Сун Мэйлин и Чан Кайши, а также собственного брака с Кун Сянси, который впоследствии занял пост министра финансов. Через эти семейные альянсы, финансовые связи и сети неформального влияния она непублично способствовала консолидации и устойчивости элитных союзов²⁹⁴.

²⁹² Сун Цинлин (宋庆龄, супруга Сунь Ятсена — лидера Синьхайской революции и основателя Китайской Республики), Сун Айлин (宋霭龄, супруга Кун Сянси — одного из ключевых финансовых руководителей правительства Гоминьдана) и Сун Мэйлин (宋美龄, супруга Чан Кайши — главы Гоминьдана и лидера Китайской Республики).

²⁹³ 李长真, 王蕾. 略论宋庆龄妇女观的时代价值及当代启示 // 西部学刊. 2021. No. 2. P. 131-133. (Ли Чанчжэнь, Ван Лэй. О современной ценности и современном значении взглядов Сун Цинлин на женщин // Западный журнал. 2021. № 2. С. 131-133.)

²⁹⁴ Chang J. Big Sister, Little Sister, Red Sister: Three Women at the Heart of Twentieth Century China. L.: Vintage, 2020.

Несмотря на то что политические взгляды сестер Сун разошлись, национальная катастрофа, связанная с II Антияпонской войной (1935–1945 гг.), привела к объединению усилий Гоминьдана и КПК в сопротивлении Японии, вновь сблизила их. Сестры Сун совместно выступали перед американской публикой: Сун Цинлин рассказывала о тяжелой борьбе китайского народа против японской военной агрессии; Сун Айлин поднимала вопрос единства Китая в годы войны; Сун Мэйлин объясняла значение китайского сопротивления для США и для всего мира²⁹⁵. Таким образом, в годы войны их прежняя политическая разобщенность уступила место прагматическому единству.

После капитуляции Японии союз Гоминьдана и КПК распался, и политические позиции сестер Сун разошлись. В 1946 г. Сун Цинлин выступила с публичным заявлением против курса Чан Кайши на гражданскую войну и подвергла критике американское вмешательство²⁹⁶. Сун Айлин в 1946 г. осталась в США, после поражения Гоминьдана Чан Кайши отступил на Тайвань, и Сун Мэйлин уехала с ним в Тайбэй в 1950 г., в дальнейшем сестры больше не встречались.

Наряду с семейной траекторией, где доступ женщин к политике во многом опосредовался брачными союзами и ресурсами семьи, существовал и другой важный канал участия женщин в политике — революционные сети, формировавшиеся вокруг Сунь Ятсена. Хэ Сяннин также происходила из состоятельной семьи гонконгских домовладельцев. После замужества она последовала за своим мужем Ляо Чжункаем в Японию для получения образования, где в этот период познакомилась с Сун Цинлин и Сунь Ятсеном как семейной революционной парой. В 1905 г. она вступила в Тунмэнхой²⁹⁷, став одной из первых

²⁹⁵ 谭一青. 蒋介石与美国, 北京: 中国青年出版社, 2012. (Тань Ицин. Чан Кайши и США. Пекин: Издательство молодежи Китая, 2012.)

²⁹⁶ 1946 年宋庆龄文稿《关于促成组织联合政府并呼吁美国人民制止他们的政府在军事上援助国民党的声明》// 上海市孙中山宋庆龄文物管理委员会. 2022. (Рукопись Сун Цинлин 1946 г. «Заявление о содействии созданию коалиционного правительства и призыве к американскому народу воспрепятствовать своему правительству оказывать военную помощь гоминьдану» // Шанхайский комитет по управлению культурным наследием Сунь Ятсена и Сун Цинлин. 2022.) URL: <https://www.sswgw.org.cn/wwwdc/sqlww/6490.htm> (дата обращения: 08.06.2025).

²⁹⁷ Тунмэнхой (Китайский революционный союз) — это революционная политическая организация, основанная в 1905 г. в Японии Сунь Ятсеном и его сторонниками. Она объединяла различные антимонархические группы и ставила своей целью свержение династии Цин, установление республиканского строя и проведение национально-демократических преобразований в Китае. Тунмэнхой сыграл ключевую роль в подготовке Синьхайской революции 1911 г. и впоследствии стал основой для создания Гоминьдана.

женщин-членов этой организации. Изначально Хэ Сяннин обучалась естественным наукам, однако впоследствии переключилась на изучение искусства, что позволило ей использовать полученные навыки для изготовления знамен для революционных выступлений²⁹⁸. Она известна не только как выдающаяся революционерка и политический деятель Китая, но и как художница. В 1924 г., после реорганизации Гоминьдана Сунь Ятсеном и провозглашения политики «союза с СССР, союза с КПК и поддержки рабочих и крестьян», Хэ Сяннин поддержала этот курс и заняла пост руководителя женского отдела Центрального комитета Гоминьдана²⁹⁹.

В 1937 г., с началом II Антияпонской войны, Сун Цинлин и Хэ Сяннин инициировали создание Китайской женской антияпонской ассоциации поддержки фронта³⁰⁰, проводили антияпонскую пропаганду, вовлекали женщин в тыловую работу и устанавливали связи с международными женскими организациями, превращая национальное женское движение в мощную силу, объединяющую идеи женской эмансипации с идеями национального освобождения. Многолетняя дружба между этими двумя женщинами, получившая название «дружба хризантемы и камня», стала символом духовной связи двух революционерок, посвятивших себя борьбе за национальную независимость и социальное равенство³⁰¹.

После образования КНР в 1949 г. Сун Цинлин участвовала в работе I Созыва НПКСК в качестве специально приглашенного лица (это персона, которую приглашают на мероприятия или для работы в организациях не по общим правилам или квотам, а благодаря ее особому статусу, знаниям или заслугам), она участвовала в разработке такого важного документа, как «Общая программа

²⁹⁸ 中共党史人物传: 统战与国际友人卷(下) / 陈志凌主编; 中国中共党史人物研究会编, 北京: 中国党史出版社, 2010. Р. 266. (Биографии деятелей истории КПК: Единый фронт и иностранные друзья (Часть 2)/под ред. Чэнь Чжилина; сост. Исследовательское общество по изучению деятелей истории КПК. Пекин: Издательство истории КПК, 2010. С. 266.)

²⁹⁹ 郑光仪. 中国历代才女诗歌鉴赏辞典, 北京: 中国工人出版社, 1991. Р. 1906-1907. (Чжэн Гуанъи. Словарь-комментарий по поэзии талантливых женщин различных династий Китая. Пекин: Издательство китайских рабочих, 1991. С. 1906-1907.)

³⁰⁰ 张晓燕. 宋庆龄、何香凝与妇女抗日救亡运动 // 传承. 2007. № 5. Р. 92-93. (Чжан Сяоянь. Сун Цинлин, Хэ Сяннин и женское антияпонское движение сопротивления // преемственность. 2007. № 5. С. 92-93.)

³⁰¹ 芮少辉, 宋彦辉. “菊石之谊”——宋庆龄与何香凝的革命情谊 // 征程. 2024. № 2. Р. 46-50. (Жуй Шаохуэй, Сун Яньхуэй. «Дружба Хризантемы и Камня»: революционные связи Сун Цинлин и Хэ Сяннин // Путь. 2024. № 2. С. 46-50.)

НПКСК»³⁰², и была избрана заместителем председателя Центрального народного правительства. Она стала символом женского участия на высшем уровне политической власти. В последующие годы Сун Цинлин сосредоточилась на вопросах социальной защиты, создания системы защиты детей, охраны здоровья матерей и младенцев, воспитания сирот и поддержки семей трудящихся. Предложенные ею меры стали основой государственной социальной политики и повлияли на ее гуманитарное направление³⁰³. Опираясь на свой революционный опыт, международный авторитет и широкую общественную поддержку, Сун Цинлин стала одной из самых уважаемых и влиятельных беспартийных женщин-политиков. После основания КНР ее политический статус определялся не только ее революционным прошлым и высоким общественным авторитетом, но и отражал стремление КПК укрепить союз с представителями беспартийных общественных кругов³⁰⁴. Посмертно Сун Цинлин была удостоена звания Почетного председателя КНР (почетное государственное звание, учрежденное для выдающихся деятелей государства), окончательно закрепив свой статус национального символа женского политического участия.

Хэ Сяннин аналогично прошла путь от участия в революционной деятельности до высоких государственных и партийных постов. Она занималась разработкой и реализацией политики по делам китайцев за рубежом, создав разветвленную организационную и правовую систему работы с диаспорой, способствовала укреплению экономических и культурных связей с китайцами, живущими за рубежом и возвращению хуацяо на родину для участия в социалистическом строительстве. К середине 1950-х гг. наблюдалось превышение числа вернувшихся

³⁰² 中国人民政治协商会议共同纲领 // 中国人民政治协商会议全国委员会. 1949-09-29. (Общая программа Народного политического консультативного совета Китая (Принята 29 сентября 1949 г.) // Официальный сайт Всекитайского комитета НПКСК.) URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ART11513309181327976.shtml> (дата обращения: 26.01.2025).

³⁰³ 郑娜娜. 缔造未来: 宋庆龄儿童福利思想与实践研究 // 山东女子学院学报. 2024. No. 1. P. 45-57. (Чжэн Нана. Созидая будущее: идеи и практика Сун Цинлин в сфере детского благосостояния // Журнал Шаньдунского женского института. 2024. № 1. С. 45-57.)

³⁰⁴ 张皓, 叶维维. 北上: 新中国成立前宋庆龄的心路历程 // 党的文献. 2011. No. 5. P. 80-88. (Чжан Хао, Е Вэйвэй. На север: духовный путь Сун Цинлин накануне основания КНР // Документы партии. 2011. № 5. С. 80-88.)

китайцев над выехавшими³⁰⁵, что отражало рост доверия общества к новому правительству и эффективность его политики. За выдающийся вклад в этой сфере ее стали называть «матерью китайской диаспоры». Хэ Сяннин неоднократно избиралась почетным председателем ВФЖ, где выступала за расширение участия женщин в политической, экономической и общественной жизни³⁰⁶. Кроме того, она занимала пост заместителя председателя НПКСК, представляя демократические круги и китайскую диаспору.

Карьерные траектории Сун Цинлин и Хэ Сяннин демонстрируют, как женщины на раннем этапе интеграции в политическую систему совмещали и символическую, и сущностную роль в управлении государством. Они не только участвовали в формировании политики государства, но и стали образцом для последующих поколений женщин, стремящихся к включению в политическую жизнь страны.

Если деятельность Сун Цинлин и Хэ Сяннин отражала инклюзивный характер политики нового Китая в отношении внепартийных политических сил, то Цай Чан представляет иной вектор – процесс становления женской политической элиты внутри КПК. Она занимала ключевые партийно-государственные посты, являлась одной из основательниц женского освободительного движения в Китае, и сыграла ключевую роль в формировании теоретических и организационных основ политики КПК в отношении женщин в периоды Антияпонской войны, гражданской войны и первых лет существования КНР. Цай Чан родилась в обедневшей семье. Ее мать происходила из социально привилегированного слоя, и даже после ухудшения материального семейного положения она помогла детям получить образование, продала свое приданое³⁰⁷.

В 1919 г. Цай Чан приняла участие в «Движении 4 мая», после чего вместе с Сян Цзиньюй (1895–1928, одна из основательниц КПК,

³⁰⁵ 澄清对侨务工作的一些糊涂思想 //人民日报. 1957 年 7 月 12 日. (Разъяснение некоторых ошибочных представлений о работе с хуацяо // Жэньминь жибао. 12 июля 1957 г.) URL: <https://cn.govopendata.com/renminribao/1957/7/12/4/> (дата обращения: 26.01.2025).

³⁰⁶ 乌尼日. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之二) // 广西党史. 2002. No. 4. P. 28-30. (У Нижи. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (Серия 2) // История партии Гуанси. 2002. № 4. С. 28-30.)

³⁰⁷ 萧心力. 我的选择: 六十三位中共高级干部自述, 北京: 中央党校出版社, 1998. P. 511-514. (Сяо Синьли. Мой выбор: автобиографии шестидесяти трех высокопоставленных кадровых работников КПК. Пекин: Издательство Центральной партийной школы, 1998. С. 511-514.)

руководительница женского отдела ЦК КПК, казнена гоминьдановцами 1 мая 1928 г.) и другими активистками в провинции Хунань содействовала развитию женского образования и движению совмещения учебы с трудовой деятельностью за границей. В период пребывания во Франции Цай Чан под влиянием своего старшего брата познакомилась с коммунистическими идеями и постепенно приняла их. В 1923 г. она вступила в европейское отделение КПК, став одной из ее первых членов. В 1924 г. Цай Чан поехала на учебу в Москву, а в 1925 г. вернулась в Китай, где занимала должность секретаря женского отдела парткома КПК в Гуандуне, а также была сотрудником Женского отдела Центрального комитета Гоминьдана и заведующей учебной частью курсов женского движения, на протяжении длительного времени посвящая себя делу женского освобождения и развитию женского движения.

Цай Чан утверждала, что экономическое участие является фундаментом женской эмансипации и настаивала на включении женщин в производственную деятельность. Она возглавила разработку документа «Решение о текущей женской работе в антияпонских войнах»³⁰⁸ (т.н. «Решение 4.3»), который стал основополагающим актом в систематизации принципов партийной политики в отношении женщин. Ее подход отличался прагматизмом и акцентом на материальных и социальных условиях равенства, а не только на его идеологическом измерении. Кроме того, Цай Чан развивала марксистскую концепцию женского вопроса, уделяя особое внимание образованию, повышению культурного уровня и профессиональной подготовки женщин. В частности, она рассматривала ликвидацию неграмотности как необходимое условие превращения женщин из объекта социальной мобилизации в активных участников социалистического строительства. Именно благодаря ее усилиям были созданы важные элементы системы работы государства с женщинами как социальной

³⁰⁸ 中国共产党中央委员会关于各抗日根据地目前妇女工作方针的决定 // 中国妇女运动历史资料(1937—1945) / 中华全国妇女联合会, 妇女运动历史研究室 编, 北京: 中国妇女出版社, 1991. Р. 647-649. (Решение ЦК КПК о текущих ориентирах работы среди женщин в различных анти-японских опорных базах // Исторические материалы движения женщин Китая (1937—1945)/ред. Всекитайская федерация женщин, Отдел исследований по истории женского движения, Пекин: Издательство «Китайские женщины», 1991. С. 647-649.)

группой ³⁰⁹. ВФЖ соединила функции партийного органа и массового общественного объединения, направленного на политическую социализацию и вовлечение женщин в государственное управление.

В процессе формирования женской политической элиты нового Китая важную роль сыграли также Ли Дэцюань и Ши Лян — первые женщины, занявшие министерские посты в составе правительства КНР. Их политическая карьера ознаменовала переход женского участия из преимущественно революционной сферы в государственную плоскость. Ли Дэцюань была супругой генерала Фэн Юйсяна и по своему первоначальному социально-политическому положению принадлежала к кругу элит, связанных с Гоминьданом. Она участвовала в «Движении 4 мая», а после замужества в 1924 г. под влиянием Ли Дачжао (1889–1927, один из основателей КПК, первый пропагандист марксизма в Китае) и в период сотрудничества Гоминьдана и КПК ее политические взгляды стали революционными. Поездка в Советский Союз в 1926 г. укрепила ее представления о связи между социальным устройством и возможностями участия женщин в общественной жизни. В 1928 г. Ли Дэцюань основала в Пекине школу «Цюэчжи» для детей из малообеспеченных семей, а в годы антияпонской войны участвовала в объединении женщин вокруг задач национального спасения. В период гражданской войны ее политическая позиция изменилась: оставаясь формально связанной с гоминьдановской средой, она выступила против гражданской войны и иностранного вмешательства и перешла на сторону КПК, отстаивавшей идеи мира и демократии. Используя международные женские форумы, Ли Дэцюань публично критиковала политику Чан Кайши и осуждала поддержку его режима со стороны США, тем самым обозначив разрыв с прежним политическим лагерем³¹⁰. После образования КНР Ли Дэцюань, возглавив Министерство здравоохранения, инициировала создание системы охраны материнства и детства, а также

³⁰⁹ 陈步云, 徐士青. 妇女发展与社会进步: 浙江妇女研究, 杭州: 浙江工商大学出版社, 2022. Р. 18-19. (Чэнь Бу-юнь, Сюй Шицин. Развитие женщин и прогресс общества: Исследование женщин Чжэцзяна. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета промышленности и коммерции, 2022. С. 18-19.)

³¹⁰ 王爱枝. 数风流人物: 毛泽东与民主人士的交往, 太原: 山西人民出版社, 2015. Р. 92-94. (Ван Айчжи. Великие люди эпохи: общение Мао Цзэдуна с демократическими деятелями. Тайюань: Издательство народа Шаньси, 2015. С. 92-94.)

участвовала в международном женском движении. В период, когда в китайском обществе еще сохранялась традиция многодетности, под ее руководством проводилась просветительская работа для повышения общественной осведомленности в вопросах здоровья и улучшения положения женщин³¹¹.

Ши Лян происходила из интеллигентной семьи провинции Цзянсу. Во время «Движения 4 мая» она возглавляла студенческий союз Чанчжоуского женского педагогического училища, а в 1923 г. поступила на юридический факультет в Шанхае, где участвовала в студенческом движении. После окончания учебы она работала в административных органах правительства Гоминьдана, однако из-за конфликта с руководством была обвинена в идеологической ненадежности и арестована. В период тюремного заключения Ши Лян стала свидетелем жестоких репрессий в отношении коммунистов, что углубило ее критическое отношение к этому режиму. После освобождения она начала адвокатскую практику в Шанхае, регулярно выступая в защиту социально угнетенных женщин, не опасаясь брать политически чувствительные дела. Лига защиты гражданских прав, возглавляемая Сун Цинлин, направляла многих коммунистов и революционных активистов, нуждавшихся в спасении, именно к Ши Лян для оказания правовой помощи³¹². В 1949 г. Ши Лян была назначена первым Министром юстиции КНР и вошла в состав Политико-правового комитета при Госсовете КНР. В период ее нахождения в должности национальная правовая система находилась в стадии становления, и именно под ее руководством были разработаны основополагающие законодательные акты, в том числе Закон «О браке»³¹³, который впервые закрепил за женщинами право на свободный выбор супруга, юридическое равенство в браке и право на развод. Особое внимание Ши Лян уделяла вопросам подготовки женских юридических кадров и расширения участия женщин в судебных и

³¹¹ 乌尼日, 王贞. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之三) // 广西党史. 2004. No. 2. P. 37-39. (У Ничжи, Ван Чжэнь. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (Серия 3) // История партии Гуанси. 2004. № 2. С. 37-39.)

³¹² 上海妇女志 / 荒砂, 孟燕坤主编; 上海妇女志编纂委员会编, 上海: 上海社会科学院出版社, 2000. P. 609-610. (Анналы шанхайских женщин/под ред. Хуан Ша, Мэн Янькунь; сост. Редакционный комитет «Анналы шанхайских женщин». Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2000. С. 609-610.)

³¹³ 乌尼日. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之一) // 广西党史. 2002. No. 3. P. 14-16. (У Ничжи. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (Серия 1) // История партии Гуанси. 2002. № 3. С. 14-16.)

административных органах.

Позднее, занимая должность Вице-председателя ВФЖ, она содействовала консолидации женского движения, уделяя особое внимание интеграции женщин из интеллигенции и представительниц культурной сферы в общественно-политическую деятельность. На международной арене Ши Лян представляла Китай на крупных женских форумах – включая Азиатскую женскую конференцию и заседания Международной демократической федерации женщин, где выступала за укрепление международной солидарности женщин и за защиту мира. Ее вклад в становление социалистической законности и защиты прав женщин оказал существенное влияние на формирование правовой культуры и политики в отношении женщин Китая³¹⁴.

Несмотря на различия в жизненных траекториях и профессиональной специализации этих женщин-политиков, их объединяет ряд характеристик, которые во многом совпадали с требованиями, предъявляемыми КПК к политическим кадрам:

1) они происходили из благополучных в социальном плане семей, получили хорошее образование, обладали авторитетом в обществе, заработанным еще в довоенный период, участвовали в революционном движении, антияпонской борьбе и благотворительных инициативах, что сделало их символами женской самоотверженности и социальной ответственности, а также позволило укрепить доверие и легитимность новой политической власти;

2) часть из них была связана с Гоминьданом и перешла на сторону КПК, что свидетельствовало об их политической зрелости и способности сделать правильный выбор в условиях гражданского противостояния; всех их отличал высокий уровень политической лояльности, профессиональной компетентности и готовности подчинить личные интересы задачам социалистического строительства, что соответствовало критериям, предъявляемым к руководящим кадрам;

³¹⁴ Там же.

3) каждая из них воплощала определенный социально-идеологический тип, соответствующий институциональным и идеологическим запросам социалистического государства (Сун Цинлин и Хэ Сяннин — интеллектуальные и гуманитарные силы, способные консолидировать демократические и международные круги; Цай Чан — пример партийной женщины-революционерки, которая опиралась на рабочее движение; Ли Дэцюань и Ши Лян — представительницы технократической бюрократии нового типа, демонстрировавшие способность женщин к эффективной работе в структурах государственного управления, символ реального участия женщин в формировании политики государства);

Таким образом, поддержка этих женщин-политиков со стороны КПК объясняется не только стремлением продемонстрировать реализацию идеи участия женщин в политике, но и прагматическими соображениями, так как они способствовали укреплению национального единства, повышению легитимности новой власти и демонстрации идеологических преимуществ социалистической системы. Профессиональные траектории этих женщин заложили основу женского политического участия в Китае — модели, сочетающей партийную мобилизацию, профессиональную компетентность и символический капитал, связанный с приверженностью социалистической идеологии.

Период 1957–1977 гг. — женщины в эпоху массовых кампаний

Этот период стал одним из наиболее сложных и противоречивых в политическом развитии Китая. Завершение социалистической трансформации ознаменовало переход государства к фазе ее укрепления. Однако по мере ее утверждения в политической жизни усилились тенденции к идеологизации и кампаниям массовой мобилизации. Так, в 1955–1960 гг. по всей стране была проведена масштабная кампания по «очищению» от контрреволюционных элементов (движение Суфань), затронувшее все социальные слои и оказавшее

глубокое влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь страны³¹⁵. В этих условиях КПК, стремясь объединить цели экономического строительства и воспитания «нового человека», в контексте различных социальных запросов продвигала дискурс «домашний труд почетен». В рамках данного дискурса через теоретизацию домашнего труда и формирование образа «образцовой женщины» домашний труд переосмыслился как форма социалистического труда, что позволяло наделять домохозяек статусом «социалистических тружениц» и интегрировать их в проект социалистического строительства³¹⁶.

Однако именно в условиях высокой политизированности этого периода женщины получили возможность входить в институты власти, воспользовавшись временным ослаблением сложившихся кадровых подходов. Выдвижение женщин в органы власти зачастую носило ситуативный и политически мотивированный характер, отражая, скорее, требования идеологических кампаний, а не устойчивую институциональную тенденцию, что было характерно для переходного периода становления новой государственности. Социально-профессиональный состав женщин был неоднороден: среди них были восстановленные в должностях партийные и административные работницы, квалифицированные специалисты с управленческим опытом, представительницы рабочего класса, крестьянки, героини труда³¹⁷.

Таблица 9 – Женщины на руководящих позициях в Китае (1957-1977гг.)

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
Е Цюнь (叶群) 1917-1971 г.	1969-1971 г.	Член Политбюро ЦК КПК	52–53
Цзян Цин	1969–1977 г.	Член Политбюро ЦК КПК	55–63

³¹⁵ 王小平. 五十年代肃反运动的来龙去脉探究 // 西部学刊. 2014. No. 4. P. 14-21. (Ван Сяопин. Исследование причин и последствий кампании по борьбе с контрреволюционными элементами 1950-х годов // Западный журнал. 2014. № 4. С. 14-21.)

³¹⁶ 郜敏. 中国妇女解放话语中的“家务劳动光荣”与性别关系再造(1956–1958) // 新闻春秋. 2024. No. 4. P. 86-95. (Гао Минь. Переосмысление гендерных отношений и дискурс «домашний труд — почетен» в китайском движении за освобождение женщин (1956–1958 гг.) // История журналистики. 2024. № 4. С. 86-95.).

³¹⁷ 新中国妇女参政的足迹 / 新中国妇女参政的足迹编写组编, 北京: 中共党史出版社. 1998. P. 109. (Следы участия женщин в политической жизни нового Китая / авт. коллектив. Пекин: Издательство истории КПК, 1998. С. 109.).

(江青) 1914-1991 г.			
У Гуйсянь (吴桂贤) 1938-2025 г.	1973–1977 г.	Кандидат в члены Политбюро ЦК КПК	35–39
	1975–1977 г.	Вице-премьер Госсовета КНР	37–39

Продолжение таблицы 9

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
Дэн Инчао (邓颖超) 1904-1992 г.	1975–1983 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	71–79
	1977–1987 г.	Член Политбюро ЦК КПК	73–83
	1978–1982 г.	Второй секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины	74–78
	1975–1978 г.	Председатель НПКСК	79–84
Ли Сувэнь (李素文) 1935-2022 г.	1975–1978 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	40–43

Среди женщин, перечисленных в таблице 9, политическая биография У Гуйсянь представляет собой один из наиболее показательных примеров социальной мобильности и выдвижения женщин в условиях кампаний периода «культурной революции». Она родилась в бедной крестьянской семье, рано начала трудовую деятельность ткачихой. В юности она продемонстрировала высокий уровень трудовой дисциплины и инициативность, что позволило ей вступить в 1955 г. в Коммунистический союз молодежи Китая, а в 1958 г. — в КПК. Она неоднократно удостоивалась звания передовика производства, принимала участие в съездах ударников труда, постепенно становясь образом «новой женщины социалистического Китая». В 1968 г. она была выдвинута в состав Революционного комитета провинции Шэньси как представительница рабочего класса, что стало началом ее стремительного продвижения во власти. В 1973 г. У Гуйсянь поселилась в Пекине в доме № 11 — резиденции для высшего руководства (комплекс «Дяоюйтай») — по соседству с Цзян Цин, супругой Мао Цзэдуна,

которая относилась к ней с подчеркнутым высокомерием³¹⁸.

В контексте политики Мао Цзэдуна, направленной на подготовку «нового поколения кадров из рабочих, крестьян и солдат», им было выдвинуто предложение назначить женщину из рабочего класса на пост одного из Вице-премьеров ГС³¹⁹. В 1975 г. эту должность заняла У Гуйсянь, став первой женщиной на этом посту. Она восприняла свое назначение с волнением и сомнениями в собственной компетентности, однако премьер Чжоу Эньлай поддержал ее, отметив, что «это проявление доверия партии». В этой должности она представляла Китай на международных мероприятиях, символизируя возможности женщин в социалистическом государстве. В СМИ ее называли «чудом – от ткачихи до государственного деятеля», представляли как партийный идеал трудового происхождения и реализации идеи равноправия. Однако после падения «банды четырех»³²⁰ в 1976 г. политическое положение У Гуйсянь резко осложнилось, по итогам всех перипетий она обратилась в ЦК КПК с просьбой о переводе ее на низовой уровень в родную провинцию Шэньси. Позднее, подводя итоги своей жизни, У Гуйсянь отмечала, что ее путь был «полон как невезением, так и удач»³²¹. Это замечание отражает двойственное положение женщин в политике эпохи политических кампаний – стремительное продвижение по карьерной лестнице сочеталось с высокой степенью политической уязвимости и зависимости от идеологической конъюнктуры. Карьера У Гуйсянь в политике продемонстрировала, что в этот период возможности для женщин открывались не благодаря стабильным институтам, а были результатом волнообразных мобилизационных процессов,

³¹⁸ 焦汉. 我与名人, 陕西: 三秦出版社, 2013. Р. 266. (Цзяо Хань. Я и знаменитости. Шэньси: Издательство «Саньцин», 2013. С. 266.).

³¹⁹ 黄禹康. 吴桂贤大起大落的人生之路 // 党史博采(下). 2007. No. 7S. Р. 30-32. (Хуан Юйкан. Жизненный путь взлетов и падений У Гуйсянь» // Исторический обзор партии (нижний выпуск). 2007. № 7S. С. 30-32.)

³²⁰ В состав этой группы входили: Цзян Цин — последняя жена Мао, а также Ван Хунвэнь (один из пяти заместителей Председателя ЦК КПК, член Политбюро ЦК КПК и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, член Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей), Чжан Чуньцяо (мэр Шанхая и секретарь Шанхайского горкома КПК) и Яо Вэньюань (член Политбюро, ответственный за идеологическую работу). Четверо человек объединились в политическую группировку, занимались фракционной деятельностью и замыслили захватить власть в партии. В период культурной революции они действовали заодно, шли против течения и совершали контрреволюционные действия.

³²¹ 党新. 吴桂贤: 在纺织女工与副总理之间 // 人事天地. 2008. No. 5. Р. 14-15. (Дан Синь. У Гуйсянь: между ткачихой и вице-премьером // Кадровый мир. 2008. № 5. С. 14-15.)

порождавших как быстрые взлеты, так и стремительные падения.

Политическая биография другой женщины-политика того времени Ли Сувэнь также является показательной для понимания процессов политической социализации и выдвижения женщин рабочего и крестьянского происхождения на политические должности. Она родилась в бедной крестьянской семье на окраине г. Шэньян, провинция Ляонин, получила лишь начальное образование и с ранних лет участвовала в сельскохозяйственных работах, помогая родителям. Она заработала репутацию надежной и активной труженицы, была признана активисткой социалистического труда и передовиком на уровне провинции и города, а в 1959 г. была удостоена звания всекитайского трудового передовика, став символом мобилизации женщин-тружениц в условиях раннего социализма.

Переломным моментом в ее судьбе стало выступление на III Сессии ВСНП в 1964 г. с докладом «Продаю овощи ради революции». Простая, искренняя и спонтанная речь Ли Сувэнь произвела глубокое впечатление на партийное руководство. Премьер ГС Чжоу Эньлай, отметив ее неподдельную искренность, сказал ей: «Выступили замечательно. Продолжайте служить народу – я тоже слуга народа»³²². Именно с этого эпизода началось ее стремительное восхождение в политической и общественной иерархии. Впоследствии ее трудовая биография была переосмыслена в духе политической пропаганды: образ народной труженицы превратился в образ воспитанницы Мао Цзэдуна ³²³. Эта политизация индивидуальной судьбы отражала характер эпохи, когда личные достижения подчинялись логике идеологического нарратива. В силу отсутствия управленческого опыта она также пала жертвой политической группировки «банды четырех»³²⁴, была в том же 1976 г. отстранена от всех должностей, вернулась в родную провинцию, где продолжила общественную деятельность.

³²² 谢风华, 刘敏华. 中国政坛女性大寻踪, 呼和浩特: 内蒙人民出版社, 1999. Р. 185-194. (Се Фэнхуа, Лю Минхуа. Масштабный поиск женщин на политической арене Китая. Хух-Хото: Издательство народа Внутренней Монголии, 1999. С. 185-194.)

³²³ Там же. С. 194-195.

³²⁴ Там же. С. 185.

Карьерный путь Ли Сувэнь демонстрирует параллели с биографией У Гуйсянь — представительницы поколения женщин, выдвинувшихся из рабочих коллективов. Обе они прошли путь от низших социальных позиций к высшим постам во власти: одна — от ткачихи до вице-премьера, другая — от торговли овощами до заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП. Эти биографии отражают политику КПК, направленную на политическую мобилизацию трудовых передовиков и включение женщин в партийно-государственные структуры в условиях социалистической мобилизации. Продвижение в политике этих женщин зависело от текущей политической конъюнктуры и идеологических требований эпохи, а не от формальных процедур карьерного продвижения или действия институциональных гарантий, что подчеркивает временный, неустойчивый и условный характер их статуса в политической системе. На этом этапе женщины-политики больше исполняли символическую функцию, тогда как их влияние на политику, по сравнению с женщинами предыдущего этапа, было незначительным³²⁵. Более того, многие женщины-политики подверглись в этот период критике, преследованиям и отстранениям от должностей. Среди них оказались как участницы женского движения, так и руководительницы периода раннего КНР (Сун Цинлин, Хэ Сяннин, Сюй Гуанпин, Ши Лян). Эти репрессии разрушили женское представительство, сложившееся до «культурной революции»³²⁶.

В то же время отдельные женщины, такие как Цзян Цин (жена Мао Цзэдуна) и Е Цюнь (жена Линь Бао), сумели использовать свои брачные связи для достижения значительного влияния в ходе политических кампаний. На IX Съезде КПК в 1969 г. они стали первыми женщинами, вошедшими в состав высшего руководства КПК — в ЦК и Политбюро. Цзян Цин воплощала радикализованный тип женского политического участия. Она начинала как представительница творческой интеллигенции, потом вышла замуж за Мао Цзэдуна, но долгое время никак не

³²⁵ Yang J. Women in China Moving Forward: Progress, Challenges and Reflections // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 23–35.

³²⁶ 20 世纪中国妇女运动史 中卷 / 顾秀莲主编, 北京: 中国妇女出版社, 2013. P. 332. (История женского движения Китая XX века Том II / под ред. Гу Сюлянь. Пекин: Издательство «Женщины Китая», 2013. С. 332.)

влияла на политику, хотя и занимала должности в сфере идеологии и культуры. В 1960-х гг. она вернулась в политическую жизнь с идеей радикализации политической культуры страны³²⁷, приняла участие в подготовке статьи «Критика нового исторического спектакля «Снятие Хай Жуя с должности»»³²⁸, которая впоследствии была воспринята как один из факторов начала «культурной революции». Она организовала создание и постановку так называемых «образцовых спектаклей», инициировала широкую кампанию по критике и запрету традиционных театральных, музыкальных и танцевальных произведений, что фактически привело к политическому контролю над всей художественной сферой. Однако после смерти мужа и разоблачения политической группы «банды четырех» ее политическая карьера пошла на спад. Политическая карьера Цзян Цин во многом была связана с концентрацией политических ресурсов и ее положением в системе власти, тогда как ее последующее падение было обусловлено изменением политической ситуации и переоценкой ее роли.

В отличие от женщин, чья политическая карьера была тесно связана с мужскими центрами власти или развивалась в рамках массовых кампаний, Дэн Инчао демонстрирует иную траекторию политического участия женщин. Ее положение в политике опиралось на семейные связи, но и формировалось на основе длительного революционного опыта, организационных способностей и значительного вклада в институционализацию женского политического участия. Несмотря на тот факт, что она была женой Чжоу Эньлая, он сознательно избегал использования семейных связей для укрепления ее политического статуса, заявив:

³²⁷ 中国当代妇女百科知识全书 / 袁益明主编, 北京: 光明日报出版社, 1997. Р. 1463. (Энциклопедия знаний о современных женщинах Китая / под ред. Юань Имин. Пекин: Издательство газеты Гуанмин жибао, 1997. С. 1463.)

³²⁸ «Критика нового исторического спектакля “Хай Жуй смещен с должности”» — статья, опубликованная в ноябре 1965 г. китайским публицистом Яо Вэньюанем по поручению Цзян Цин. В ней резко критиковалась пьеса «Хай Жуй смещен с должности», написанная историком и вице-мэром Пекина У Ханем. В пьесе рассказывалось о чиновнике времен династии Мин, осмелившемся критиковать императора, чему был придан смысл завуалированной критики политики Мао Цзэдуна, а также как намек на судьбу Пэн Дэхуая, подвергнутого критике в 1959 году. Публикация статьи Яо Вэньюаня положила начало идеологической кампании, которая вскоре переросла в так называемую «культурную революцию» (1966–1976 гг.).

«Пока я занимаю пост премьера, Дэн Инчао не может занимать должность в правительстве»³²⁹.

Дэн Инчао вступила в КПК еще в 1925 г., возглавляла женский отдел Тяньцзиньского окружного комитета партии, работала с молодежью, в годы революционной борьбы выступила одним из организаторов движения за освобождение женщин, совместно с Хэ Сяннин обеспечивала вовлечение женщин в национально-революционное движение³³⁰. В период Антияпонской войны Дэн Инчао занимала должности секретаря Центрального женского комитета КПК и секретаря Политбюро ЦК, на протяжении длительного времени отвечая за налаживание связей с женщинами из различных партий и общественных кругов. В ходе этой деятельности она выстроила устойчивые сети взаимодействия и личного доверия, в том числе с представительницами элиты, такими как сестры Сун и Ши Лян. В 1938–1940 гг. Дэн Инчао представляла КПК в Национальном политическом совете, работая в Ухане и Чунцине в сфере единого фронта и содействуя расширению организационной и социальной базы партии среди женщин. После окончания войны она продолжила политическую деятельность в Чунцине и Нанкине, приняла участие в Политической консультативной конференции 1946 г., а затем сменила Цай Чан на посту секретаря Центрального женского комитета КПК, участвуя в реализации земельной реформы и других массовых кампаний³³¹. Даже в период «культурной революции» она продолжала вести активную работу, поддерживала партийных и общественных деятелей, которые подверглись гонениям. Дэн Инчао вошла в состав Политбюро ЦК КПК только после смерти мужа, на своем посту стала участвовать в реабилитации и пересмотре дел неправоммерно осужденных. Она также участвовала в разработке важнейших внутрипартийных документов («Некоторые принципы внутрипартийной

³²⁹ 赵冰波. 君子十讲, 郑州: 河南人民出版社, 2024. Р. 144. (Чжао Бинбо. Десять лекций о благородном муже. Чжэнчжоу: Издательство народа Хэнань, 2024. С. 144.)

³³⁰ 黄振国. 信阳大博览, 长春: 时代文艺出版社, 2012. Р. 723. (Хуан Чжэнго. Великое обозрение Синьяна. Чанчунь: Издательство «Эпоха и литература», 2012. С. 723.)

³³¹ 宋青红. 巾帼力量: 女性精英群体探微(1931-1945), 上海: 上海远东出版社, 2024. Р. 36. (Сун Цинхун. Сила женщин: Исследование женских элитных групп (1931-1945). Шанхай: Шанхайское дальневосточное издательство, 2024. С. 36.)

политической жизни» и «Положение о бытовых условиях старших кадров»³³²). Авторитет Дэн Инчао в значительной степени основывался на ее многолетней эффективной деятельности и доверии со стороны партии.

В 1957–1977 гг. политическое участие женщин в Китае носило внутренне противоречивый и структурно нестабильный характер. С одной стороны, именно в этот период женщины с беспрецедентной скоростью начали входить в состав государственной власти: отдельные представительницы были выдвинуты на высшие посты, включая должности вице-премьеров и членов Политбюро, что создавало впечатление скачкообразного расширения женского доступа к политической власти. Вместе с тем данное расширение участия женщин в значительной степени не опиралось на устойчивые институциональные механизмы политического продвижения, а формировалось преимущественно в логике политической мобилизации и персональных связей, что придавало ему выраженный временный и уязвимый характер.

С точки зрения источников репрезентативности женское политическое участие в этот период реализовывалось преимущественно по трем основным траекториям. Во-первых, это путь «трудовых передовиков», представленный такими фигурами, как У Гуйсянь и Ли Сувэнь, чье выдвижение во власть осуществлялось через механизмы классовой мобилизации, их статус во многом отражал идеологические потребности эпохи, а не управленческую компетентность. Во-вторых, это реляционный тип вхождения в политику, характерный для Цзян Цин и Е Цюнь, которые аккумулировали власть в условиях политических кампаний за счет брачных связей и персональных сетей, оставаясь при этом крайне зависимыми от текущей политической конъюнктуры. В-третьих, особую позицию занимает траектория, связанная с институциональной и революционной деятельностью, наиболее ярко представленная Дэн Инчао: ее политическая легитимность опиралась на длительный революционный опыт, организационную работу и участие в едином фронте, что обеспечивало ей относительную устойчивость и признание со стороны государственных институтов.

³³² 一生献给中华民族奋起复兴的事业——纪念邓颖超同志诞辰 120 周年 // 共产党员网. 2024. (Вся жизнь, посвященная делу возрождения и подъема китайской нации — к 120-летию со дня рождения товарища Дэн Инчао // Сайт «Коммунист Китая». 2024.) URL: <https://www.12371.cn/2024/02/04/ART11707001550170872.shtml> (дата обращения: 18.04.2025).

2.4. Динамика современного политического участия женщин в Китае

Политика «реформа и открытость» стала ключевым этапом в развитии политического участия женщин в Китае. Начиная с конца 1970-х гг. механизмы включения женщин в политическую систему существенно изменились: их продвижение все в меньшей степени определялось в меньшей мере революционным опытом и в большей — уровнем образования.

Институциональной основой данных изменений стала реформа системы управления кадрами, инициированная в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Дэн Сяопин критиковал практику пожизненного занятия руководящих должностей и говорил о необходимости создания регламентированной системы отбора, оценки, ротации и выхода на пенсию кадров³³³. Это означало переход к более формализованной меритократической модели рекрутирования. В ее основе лежали профессиональные характеристики и административная компетентность, тогда как роль революционного опыта снижалась. В контексте участия женщин это создавало новые институциональные возможности для политического продвижения, при этом они преимущественно реализовывались в индивидуализированных карьерных траекториях.

Период 1978–2011 гг. — женщины-технократы во власти

Еще в конце 1956 г. часть партийного руководства осознала допущенные в ходе социалистической трансформации ошибки, предложив меры по их преодолению. Однако в результате последующих кампаний периода «Большого скачка» положение еще более осложнилось. Лишь после III Пленума ЦК КПК XI Созыва (1978 г.) партия официально признала глубину системного кризиса и приступила к мероприятиям по его преодолению³³⁴.

³³³ 邓小平. 邓小平文选 第二卷. 北京: 人民出版社, 1994. Р. 331. (Дэн Сяопин. Избранные произведения Дэн Сяопина Т. 2. Пекин: Народное Издательство, 1994. С. 331.)

³³⁴ 谢春涛. 纪念社会主义改造完成 40 周年学术讨论会观点综述 // 中共党史研究. 1996. № 5. Р. 92–96. (Се Чуньтао. Обзор мнений на академическом симпозиуме к 40-летию завершения социалистической трансформации // Исследование истории КПК. 1996. № 5. С. 92–96.)

С формированием второго поколения партийно-государственного руководства во главе с Дэн Сяопином китайская политика вступила на новый этап – переход от революционно-мобилизационной модели к институциональному строительству. На начальном этапе политики реформ и открытости, в условиях одновременного проведения экономической и политико-административной реформ, кадровая политика была пересмотрена. Прежде всего, были четко обозначены четыре критерия для отбора и продвижения кадров: революционность, омоложение, образованность и профессионализм. Таким образом, произошел сдвиг от принципа политической лояльности к меритократии.

Таблица 10 – Женщины на руководящих позициях в Китае (1978-2011 гг.)

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
Чэнь Мухуа (陈慕华) 1921-2011 г.	1977–1987 г.	Кандидат в члены Политбюро ЦК КПК	56-66
	1978–1982 г.	Вице-премьер Госсовета КНР	57-61
	1983–1988 г.	Государственный советник	62-67
	1988–1998 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	67-77
Кан Кэцин (康克清) 1912-1992 г.	1978–1992 г.	Заместитель председателя НПКСК	66-80
Хао Цзяньсю (郝建秀) 1935- н. в.	1982–1987 г.	Секретарь Секретариата ЦК КПК	47-52
	2003–2008 г.	Заместитель председателя НПКСК	68-73
Лэй Цзецун (雷洁琼) 1905-2011 г.	1986–1988 г.	Заместитель председателя НПКСК	81-83
	1988–1998 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	83-93
Цянь Чжэнбин (钱正英) 1923-2022 г.	1988–2004 г.	Заместитель председателя НПКСК	65-81

Продолжение таблицы 10

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
У И (吴仪) 1938- н. в.	1997–2002 г.	Кандидат в члены Политбюро ЦК КПК	59-64
	1998–2003 г.	Государственный советник	60-65
	2003–2008 г.	Вице-премьер Госсовета КНР	65-70
Пэн Пэйюнь (彭珮云) 1929- н. в.	1993–1998 г.	Государственный советник	64-69
	1998–2003 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	69-74
Хэ Лули (何鲁丽) 1934-2022 г.	1993–1998 г.	Заместитель председателя НПКСК	59-64
	1998–2008 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	64-74
Чэнь Чжили (陈至立) 1942- н. в.	2003–2008 г.	Государственный советник	61-66
	2008–2013 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	66-71
У Юньцимугэ (乌云其木格) 1942-2024 г.	2003–2013 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	61-71
Ван Чжичжэнь (王志珍) 1942- н. в.	2003–2013 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	61-71
Лю Яньдун (刘延东) 1945- н. в.	2003–2008 г.	Заместитель председателя НПКСК	58-63
	2007–2012 г.	Член Политбюро ЦК КПК / Государственный советник	62-67
	2013–2018 г.	Вице-премьер Госсовета КНР	68-73
Чжан Жунмин (张榕明) 1944- н. в.	2008–2013 г.	Заместитель председателя НПКСК	64-69
Чжан Мэйин (张梅颖) 1944- н. в.	2008–2013 г.	Заместитель председателя НПКСК	64-69

В процессе восстановления кадровой системы многие женщины, обладавшие высокой квалификацией и административным опытом, вновь вошли в систему государственного управления. Одной из наиболее ярких фигур того времени стала Чэнь Мухуа. В годы Антияпонской войны шестнадцатилетняя школьница Чэнь Мухуа, движимая сильными патриотическими чувствами, под влиянием отца и

дяди отправилась в Яньань, чтобы принять участие в революционном движении. В 1938 г. она обучалась в Яньаньском антияпонском военно-политическом университете. Во время одного из выступлений Мао Цзэдуна в университете он призвал студенток осваивать такие практические специальности, как радиосвязь и медицинская помощь. После собрания Чэнь Мухуа передала Мао письмо, в котором написала: «То, что могут делать товарищи-мужчины, могут делать и товарищи-женщины»³³⁵. Эти слова не только позволили ей поступить на курсы военно-командного состава, куда изначально не принимали женщин, но и положили начало ее карьере профессионального военного специалиста — одной из немногих сотрудниц военного штаба того времени.

В период с 1950-х по 1970-е гг. она последовательно работала в системе железнодорожного транспорта, Государственном плановом комитете, Главном управлении по внешнеэкономическим связям и ряде других ведомств, накопив богатый управленческий и административный опыт. Особое внимание она уделяла защите прав женщин на правовом уровне, вложив значительные усилия в разработку, принятие и введение в действие «Закона о защите прав и интересов женщин». Кроме того, она придавала большое значение подготовке женских кадров, выступив с инициативой преобразования Института управления женскими кадрами Китая в Китайский женский университет, рассчитывая через эту образовательную платформу готовить новое поколение руководительниц среднего и высшего звена. После ухода с руководящих должностей в 1998 г. она сохранила посты председателя Фонда развития женщин Китая и Китайского фонда детей и подростков. Под эгидой этих организаций были реализованы известные благотворительные программы «Проект Весенний бутон» и «Проект по обеспечению безопасности и здоровья», оказавшие значительное влияние на развитие социальной поддержки женщин и детей³³⁶.

Реформы привели к значительному переустройству экономики, но и обострили

³³⁵ 巾帼风采(第一卷) / 黄祖坤主编, 北京: 中国画报出版社, 2005. Р. 76 (Женская доблесть и грация (Том 1)/под ред. Хуан Цзуккунь. Пекин: Издательство «Китайская художественная альбомная литература», 2005. С. 76.)

³³⁶ Там же. С. 79.

проблемы занятости, появилась тенденция возвращения женщин в семью. В этой ситуации на первый план выходит ВФЖ как посредник между государством и обществом в решении проблемы повышения социального статуса женщин и создания нового образа женщин в общественном сознании. ВФЖ перестала быть исключительно государственным институтом, а стала действенным каналом реализации политики в отношении женщин.

После 1987 г. реформа кадровой системы в Китае вступила в этап формирования системы дифференцированного управления кадрами, предполагающей отказ от прежней единой централизованной модели управления и переход к разграниченному подходу в кадровой политике, то есть дифференциация кадров по уровням и должностям и применение различных методов управления к разным категориям ³³⁷. Вместе с тем данные изменения сопровождались определенными сдвигами в структуре политического участия женщин, в частности, наметилась тенденция к снижению их представленности на высших уровнях управления при сохранении более высокой доли на низовом уровне. Несмотря на сохранение в партийных документах принципа — в состав каждого руководящего органа должна входить хотя бы одна женщина — его реализация не всегда носила устойчивый институциональный характер. Женщины, как правило, занимали должности заместителей или руководили общественными организациями, их участие в процессах принятия решений оставалось ограниченным. Дополнительным фактором стала особенность избирательной системы, где косвенные и альтернативные выборы могли снижать вероятность избрания женщин на ответственные посты. В ряде случаев социальные стереотипы также влияли на электоральное поведение. Даже в тех случаях, когда женские федерации на местном уровне (например, в Шаньдуне и Циндао) добивались увеличения доли женщин посредством квотирования и целевых программ выдвижения, достигнутые результаты носили преимущественно количественный характер и не

³³⁷ 薛立强. 分类管理: 干部人事制度改革的基本路径 // 天津商业大学学报. 2014. No. 1. P. 40-45. (Сюэ Лицян. Дифференцированное управление: базовый путь реформирования кадровой системы // Вестник Тяньцзиньского университета коммерции. 2014. № 1. С. 40-45.)

сопровождались ростом сущностного представительства³³⁸.

С вступлением Китая в XXI век реформа кадровой системы перешла на этап так называемых целевых прорывов. В рамках этих процессов профессиональное продвижение женщин оставалось ограниченным, однако создавались возможности для индивидуального карьерного продвижения благодаря курсу на меритократию. Отдельные женщины сумели войти в состав центральных органов власти в силу высокого уровня профессионализма и компетентности, они сумели преодолеть гендерные ограничения и обозначили новые модели женской профессиональной реализации в политике.

У И стала одной из наиболее характерных представительниц поколения женщин-технократов периода реформ и открытости. Ее карьера наглядно отражает трансформацию кадровой политики Китая – переход от мобилизационной модели к меритократической системе, основанной на профессионализме и управленческой эффективности. Окончив Пекинский нефтяной институт, У И получила специальность инженера, работала в нефтехимической промышленности, пройдя путь от техника до директора завода и партийного секретаря. Накопленный ею управленческий опыт на предприятии стал основой для ее политического продвижения. Ее политическая карьера была обусловлена в большей степени высоким профессионализмом и административными способностями, нежели гендерной принадлежностью или фракционной лояльностью³³⁹.

В 1991 г., вскоре после вступления в должность заместителя министра внешней торговли и экономического сотрудничества, У И была назначена главой китайской делегации на переговорах между Китаем и США по вопросам защиты интеллектуальной собственности. С этого момента она вышла на международную арену и быстро привлекла к себе внимание как одна из наиболее жестких и принципиальных фигур в данной сфере. В ходе последующих двух с половиной лет

³³⁸ 朱爱岚 (Judd E.R.). 国家与市场之间的中国妇女 / 蔡一平, 胡玉坤译, 南京: 江苏人民出版社. 2024. P. 187-189. (Джудд Э.Р. Женщины Китая между государством и рынком / Пер. Цай Ипин, Ху Юйкунь. Нанкин: Народное Издательство Цзянсу, 2024. С. 187-189.)

³³⁹ Chen M., Cai J. Women's Access to Political Power: An Analysis of the Life Trajectory of Wu Yi // Female Celebrities in Contemporary Chinese Society/ed by S. Cai. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 159-184.

У И проявила гибкость мышления и ораторское мастерство, твердо отстаивая позицию Китая по ключевым вопросам и не допуская уступок по принципиальным вопросам, что произвело сильное впечатление на американскую сторону и закрепило за ней репутацию «железной леди» международных торговых переговоров. Показательно, что ее работа пришлась на период стремительного расширения внешнеэкономической активности страны: на момент ее назначения общий объем внешней торговли Китая составлял немногим более 160 млрд долл. США, а к 2004 г. превысил 1,1 трлн долл., что позволило Китаю войти в число трех крупнейших торговых держав мира³⁴⁰.

В 2003 г. журнал Форбс (Forbes) включил ее в рейтинг самых влиятельных женщин мира, поместив ее на второе место после Советника по национальной безопасности США Кондолизы Райс³⁴¹. Зарубежные СМИ нередко называли ее «железной леди Китая» (как британского премьер-министра М. Тэтчер), подчеркивая присущие ей решимость, прагматизм и способность к ведению сложных международных переговоров. В западных и китайских СМИ ее образ стал символом женщины-государственного деятеля нового типа, сочетающего профессиональную рациональность, ответственность и внутреннюю силу, что отражает качественно иной этап участия женщин в политике³⁴². Когда У И уходила с государственных должностей (24 декабря 2007 г.) на собрании членов Китайской международной торговой палаты она публично заявила, что после завершения полномочий уходит на пенсию, и «попросила забыть ее»³⁴³.

Лю Яньдун является одной из наиболее заметных руководительниц экспертного типа. Ее политическая карьера отражает сочетание технократической рациональности, опыта работы в системе «Единого фронта» и способности к публичному управлению. В 1964 г. она вступила в КПК, а в 1970 г. поступила на

³⁴⁰ 巾帼风采(第一卷)/黄祖坤主编,北京:中国画报出版社,2005.Р.100.(Женская доблесть и грация(Том 1)/под ред. Хуан Цзукунь. Пекин: Издательство «Китайская художественная альбомная литература», 2005. С. 100.)

³⁴¹ Там же. С. 104.

³⁴² 聂志毅.塑造女性领导力,北京:光明日报出版社,2012.Р.37.(Нье Чжи.Формирование женского лидерства. Пекин: Издательство газеты Гуанмин жибао, 2012. С. 37.)

³⁴³ 林宁.想起吴仪的“裸退”//党政论坛.2014.№9.Р.63.(Лин Нин.Вспоминая полный уход на покой У И//Журнал партийных и правительственных исследований.2014.№9.С.63.)

факультет инженерной химии Университета Цинхуа, где одновременно исполняла обязанности политического наставника курса, рано включившись в работу по организации и идеологическому сопровождению. Этот опыт способствовал формированию у нее ориентации на управленческую практику, основанную на координации, институциональном взаимодействии и реализации политики, что дополняло ее профессиональную подготовку. В 1991–2007 гг. Лю Яньдун длительное время работала в центральной системе Единого фронта, где ее ключевые функции заключались в консолидации общественного согласия, интеграции социальных ресурсов, а также в укреплении и развитии патриотического Единого фронта как формы политической коалиции под руководством КПК. В рамках этой деятельности особое значение придавалось координации интересов различных социальных групп, слоев и политических сил через поиск общих интересов и формирование круга согласия, что рассматривалось как важная социальная основа модернизации государственного управления и долгосрочной стабильности. В своих выступлениях и публикациях она подчеркивала необходимость решительного противодействия так называемому «духовному загрязнению», усилению социалистического духовного строительства и обеспечению того, чтобы процессы реформ и развития не отклонялись от социалистического курса, демонстрируя принципиальную позицию в идеологической сфере³⁴⁴.

В 2013 г. Лю Яньдун заняла должность вице-премьера Государственного совета КНР, курируя преимущественно социальную сферу — образование, науку и технологии, культуру, здравоохранение и спорт³⁴⁵, и стала одной из ключевых фигур женского участия на национальном уровне. В период пребывания на этом посту она содействовала углублению реформ механизмов образования, развитию координации между наукой и системой подготовки кадров, укреплению системы

³⁴⁴ 当代中国的民主党派 / 刘延东主编, 北京: 当代中国出版社, 1999. Р. 475-481. (Демократические партии в современном Китае/под ред. Лю Яньдун. Пекин: Издательство «Современный Китай», 1999. С. 475-481.)

³⁴⁵ 刘延东同志简历 // 中华人民共和国中央人民政府. 2013. (Биография товарища Лю Яньдун // Центральное народное правительство КНР. 2013.) URL: https://www.gov.cn/guoqing/2013-03/16/content_2583124.htm (дата обращения: 18.04.2025).

общественного здравоохранения, рассматривая развитие человеческого капитала и повышение качества общественных услуг как стратегическую опору долгосрочной конкурентоспособности государства³⁴⁶.

Чэнь Чжили является представительницей академического направления карьерного продвижения. Окончив физический факультет Фуданьского университета и аспирантуру Шанхайского института керамики Академии наук Китая, она работала старшим научным сотрудником и проходила стажировку в Пенсильванском университете (США). С 1982 г. Чэнь Чжили переходила в партийно-государственную сферу, занимая должности заместителя и секретаря парткома Шанхайского комитета по науке и технике, руководителя отдела пропаганды Шанхайского горкома КПК и заместителя секретаря горкома. Ее карьерный путь воплотил интеграцию академических и управленческих компетенций, отражая курс на технократию в элите.

Цянь Чжэнян представляет раннее поколение женщин-руководителей инженерно-технического профиля. Она окончила факультет гражданского строительства Шанхайского университета Тунцзи, вступила в подпольное коммунистическое движение и в 1952 г. была назначена заместителем министра водного хозяйства КНР. В 1997 г. она была избрана членом Инженерной академии Китая³⁴⁷. Под ее руководством были разработаны такие важные законодательные акты, как Закон «О Водных ресурсах», Закон «О сохранении почв и

³⁴⁶ См. 刘延东在贯彻落实《关于深化教育体制机制改革的意见》电视电话会议上讲话 // 中华人民共和国中央人民政府. 2017. (Выступление Лю Яньдун на телевизионном и телефонном совещании по реализации «Мнений об углублении реформы системы и механизмов образования» // Центральное народное правительство КНР. 2017.) URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2017-10/09/content_5230421.htm (дата обращения: 18.04.2025); 国务院副总理刘延东: 深化卫生与健康事业改革发展奋力开创健康中国建设新局面 // 中华人民共和国国家卫生健康委员会. 2017. (Вице-премьер Госсовета Лю Яньдун: Углублять реформу и развитие здравоохранения, активно открывать новую ситуацию в строительстве здорового Китая // Государственный комитет по делам здравоохранения КНР. 2017.) URL: <https://www.nhc.gov.cn/wjw/mtbd/201708/bc66e35319024c4dbb5a174089dc01d3.shtml> (дата обращения: 18.04.2025); 中国科协科普部. 刘延东听取《全民科学素质行动计划纲要》实施工作情况汇报 // 科协论坛. 2018. No. 1. P. 59. (Лю Яньдун заслушала отчет о реализации «Программы действий по повышению научной грамотности всего населения»/Отдел популяризации науки Китайского общества науки и техники // Форум научно-технических ассоциаций. 2018. № 1. С. 59.)

³⁴⁷ 铁军战歌: 新四军和华中抗日根据地诗词集 / 毋瞩远主编; 中国新四军和华中抗日根据地研究会编, 南京: 江苏人民出版社, 2017. P. 215. (Боевая песнь железного корпуса: сборник стихов о Новой четвертой армии Китая и тыловых анти-японских базах в Центральном Китае/под ред. У Чжююаня; сост. Китайское общество по изучению Новой четвертой армии Китая и тыловых анти-японских баз в Центральном Китае. Нанкин: Издательство народа Цзянсу, 2017. С. 215.).

предотвращении эрозии», а также реализованы масштабные гидротехнические проекты³⁴⁸.

Пэн Пэйюнь является заметной фигурой в социальной политике. Она окончила социологический факультет Юго-Западного объединенного университета, обучалась в университете Цинхуа. В 1982 г. Пэн Пэйюнь была назначена заместителем министра образования КНР, где курировала вопросы развития гуманитарного образования и идеологическую подготовку студентов³⁴⁹. В 1988 г. она возглавила Государственный комитет по планированию рождаемости, а в 1993 г. – стала государственным советником по делам женщин и детей при Госсовете. Пэн Пэйюнь курировала вопросы здравоохранения, реформы медицинского страхования и развития социальной инфраструктуры. Она развивала и реализовывала политику социальной защиты женщин и детей, продвигала гендерную повестку (инициировала внесение поправок в Закон «О Браке», принятие Закона «О защите прав и интересов женщин»). За вклад в развитие женского движения в 2005 г. Пэн Пэйюнь была удостоена XII премии Сун Цинлин «Сакура»³⁵⁰.

В период с 1978 по 2011 гг. участие женщин в формировании политики государства приобрело более профессиональный характер. Этот период характеризуется переходом от мобилизационной модели, основанной на революционных заслугах в массовых движениях, к модели рационально-административной интеграции, предполагающей отбор кадров на основе достижений в различных профессиональных сферах. В этой связи важно отметить ряд важных общих для женщин-политиков характеристик.

Во-первых, это новое поколение руководительниц, получивших образование в элитных университетах, прошедших длинный путь профессионального

³⁴⁸ 风华绝代《中国大百科全书》中的嘉兴人 / 中共嘉兴市委宣传部, 嘉兴市社会科学界联合会, 杭州: 浙江人民出版社, 2021. Р. 334. (Блестящее поколение: Жители Цзясины в «Энциклопедии Китая» / Отдел пропаганды городского комитета КПК Цзясины, Федерация общественных наук г. Цзясины. Ханчжоу: Издательство народа Чжэцзян, 2021. С. 334.)

³⁴⁹ 巾帼风采(第一卷) / 黄祖坤主编, 北京: 中国画报出版社. 2005. Р. 92. (Женская доблесть и грация (Том 1)/под ред. Хуан Цзукунь. Пекин: Издательство «Китайская художественная альбомная литература», 2005. С. 92.)

³⁵⁰ Там же. С. 94-96.

становления. Их продвижение по службе происходило в русле государственного курса на профессионализацию и технократизацию кадров. Независимо от исходной профессиональной принадлежности женщины продемонстрировали способность сочетать компетентность, политическую зрелость и управленческую эффективность, что обеспечило им вхождение на высший уровень управления.

Во-вторых, их политические траектории и профессиональные роли дифференцировались в зависимости от сферы специализации: технократической (экономика, промышленность, технологии), социальной (социальная политика) и партийной траектории.

В-третьих, изменилась социальная база, политическую карьеру стали строить женщины, закончившие университеты, что привело к усилению элитарности и социальной гомогенности женского представительства на высшем уровне политической власти.

В-четвертых, общими для женщин-политиков была высокая политическая лояльность, дисциплина и умение действовать в соответствии с партийными принципами и приоритетами, что обеспечило стабильность их управленческих позиций.

В-пятых, хотя деятельность этих женщин способствовала постепенному разрушению гендерных барьеров, продвижение в политике все еще оставалось индивидуальным, эксклюзивным карьерным проектом, а не массовым.

Период 2012 г. — настоящее время — обновленные подходы

В рамках курса на «всестороннее углубление реформ», заданного XVIII съездом КПК и 3-м пленумом XVIII созыва ЦК КПК, в кадрово-административной сфере в 2012-е гг. последовательно продвигалась линия на стандартизацию и дифференцированное управление ³⁵¹. Эти меры в целом усилили институциональную рациональность и управляемость кадровой системы, однако

³⁵¹ 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定[电子资源] // 共产党员网. 2013. (Решение Центрального комитета КПК по ряду важных вопросов всестороннего углубления реформ // Сайт «Коммунист Китая». 2013.) URL: <https://news.12371.cn/2013/11/15/ARTI1384512952195442.shtml> (дата обращения: 06.05.2025); 薛立强. 新中国 70 年干部人事制度的发展历程与基本经验 // 学习与探索. 2019. №. 8. Р. 65-72. (Сюэ Лицян. Развитие и основные уроки кадровой системы в КНР за 70 лет // Учение и исследование. 2019. № 8. С. 65–72.)

сами по себе не создали механизмов устойчивого роста женского представительства на высших уровнях власти: напротив, усиление требований к политической лояльности, расширение конкурсных процедур и ужесточение механизмов отбора могли способствовать воспроизводству сложившейся «мужской нормы» политического рекрутирования, то есть негласного правила, согласно которому идеальный кандидат ассоциируется с маскулинными качествами, что создает устойчивое преимущество для мужчин.

Таблица 11 – Женщины на руководящих позициях в Китае (2012г – н/в)

Имя (годы жизни)	Период службы	Должность	Возраст пребывания в должности
Сунь Чуньлань (孙春兰) 1950- н. в.	2012–2022 г.	Член Политбюро ЦК КПК	62–72
	2018–2023 г.	Вице-премьер Госсовета КНР	68–73
Янь Цзюньци (严隽琪) 1946- н. в.	2008–2018 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	62–72
Линь Вэньи (林文漪) 1944- н. в.	2008–2018 г.	Заместитель председателя НПКСК	64–74
Шэнь Юэюэ (沈跃跃) 1957- н. в.	2013–2023 г.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	56–66
	2023–н.в.	Заместитель председателя НПКСК	66–
Ли Бинь (李斌) 1954- н. в.	2018–2023 г.	Заместитель председателя НПКСК	64–69
Су Хуэй (苏辉) 1956- н. в.	2018–н.в	Заместитель председателя НПКСК	62–
Те Нин (铁凝) 1957- н. в.	2023–н.в.	Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП	66–
Чэнь Ицинь (谌贻琴) 1959- н. в.	2023–н.в.	Государственный советник	64–
Цинь Боюн (秦博勇) 1964- н. в.	2023–н.в.	Заместитель председателя НПКСК	59–
Сянь Хуэй (咸辉)	2023–н.в.	Заместитель председателя НПКСК	65–

1958- н. в.			
-------------	--	--	--

В начале своей карьеры Сунь Чуньлань долгое время работала на промышленных предприятиях Аньшаня, пройдя путь от рядовой рабочей до управленческих должностей на предприятии, а затем — к работе в партийных структурах. В этот период она повышала уровень управленческой и политической компетентности, обучаясь без отрыва от работы, осваивая курсы по экономическому управлению, политологии и теории принятия решений, что заложило профессиональную основу для ее последующего перехода на региональный и центральный уровни управления. В 2012 г. Сунь Чуньлань вошла в состав Политбюро ЦК КПК, а в 2018 г. на уровне Государственного совета стала курировать социальную сферу, в том числе вопросы общественного здравоохранения и развития медицинской системы. В рамках этих направлений она уделяла внимание реформированию системы здравоохранения и укреплению первичного медицинского звена, сформировав репутацию управленца, ориентированного на организационную координацию и реализацию государственных решений. После вспышки пандемии COVID-19 в 2020 г. Сунь Чуньлань председательствовала на первом заседании координационного механизма при Государственном совете КНР по совместной профилактике и контролю эпидемии³⁵², возглавила Центральную руководящую группу и неоднократно выезжала в ключевые регионы для проведения инспекций на местах и общей координации противоэпидемических мер³⁵³. В общественном восприятии

³⁵² 孙春兰主持召开国务院应对新型冠状病毒感染的肺炎疫情联防联控工作机制会议 // 中华人民共和国中央人民政府. 2020. (Сунь Чуньлань провела заседание механизма совместной профилактики и контроля при Государственном совете КНР по реагированию на эпидемию новой коронавирусной инфекции // Центральное народное правительство КНР. 2020.) URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2020-01/24/content_5472048.htm (дата обращения: 18.04.2025).

³⁵³ См. 孙春兰在河北调研: 落细落实各项防控措施 尽快阻断疫情扩散蔓延 // 中华人民共和国中央人民政府. 2021. (Сунь Чуньлань в ходе инспекционной поездки в провинцию Хэбэй: детальная реализация всех мер профилактики и контроля с целью как можно скорее пресечь распространение эпидемии // Центральное народное правительство КНР. 2021.) URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2021-01/19/content_5581166.htm (дата обращения: 18.04.2025); 孙春兰在新疆调研时强调 以刻不容缓的战时状态 尽快阻断疫情扩散蔓延 // 环球网. 2020. (Сунь Чуньлань в ходе инспекционной поездки в Синьцзян подчеркнула необходимость безотлагательных действий в режиме военного времени для скорейшего пресечения распространения эпидемии // портал Хуаньцю (новостной веб-сайт). 2020.) URL: <https://china.huanqiu.com/article/40a2EjoUm4R> (дата обращения: 18.04.2025); 朱贝特. 孙春兰在上海调研指导疫情防控工作 // 中国物流与采购. 2022. No. 8. P. 15. (Чжу Бэйтэ. Инспекционная работа Сунь Чуньлань в Шанхае по вопросам профилактики и контроля эпидемии // Китайская логистика и закупки. 2022. № 8. С. 15.); 孙春兰在吉林调

она стала одной из наиболее заметных женщин-политиков высшего уровня в системе антикризисного управления. Ее ключевая роль заключалась в координации и контроле исполнения мер, а также в обеспечении реализации государственной политики и мобилизации управленческих ресурсов в условиях кризиса.

Чэнь Ицинь стала одной из наиболее значимых женщин-политиков современного Китая и представительницей национального меньшинства. Ее политическая карьера демонстрирует последовательное продвижение по региональной партийно-государственной вертикали в провинции Гуйчжоу: от работы в партийно-административных структурах и идеологической сфере к руководящим постам в органах провинциального управления. С 2012 г. Чэнь Ицинь работала в правительстве провинции Гуйчжоу в должности заместителя губернатора, а в 2020 г. была назначена секретарем провинциального комитета КПК в Гуйчжоу³⁵⁴, что свидетельствует о расширении возможностей женщин занимать высшие позиции в региональной партийно-государственной иерархии. В 2023 г. Чэнь Ицинь была назначена государственным советником и Председателем ВФЖ, курируя вопросы, связанные с делами женщин и детей, социальной политикой, а также поддержкой лиц с инвалидностью. В сферу ее ответственности вошла координация работы таких ведомств и структур, как Государственный комитет по делам здравоохранения, Государственное управление медицинского страхования. В своей статье она подчеркивала, что женские организации должны сочетать защиту прав женщин, предоставление общественных услуг и базовое управление, а также способствовать более справедливому распределению результатов китайской модернизации в пользу женщин и детей³⁵⁵.

研指导疫情防控工作 // 中华人民共和国中央人民政府. 2022. (Инспекционная работа Сунь Чуньлань в провинции Цзилинь по вопросам профилактики и контроля эпидемии // Центральное народное правительство КНР. 2022.) URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-03/13/content_5678869.htm (дата обращения: 18.04.2025).

³⁵⁴ 贵州省委书记, 省人大常委会主任 谌贻琴 // 新华网贵州频道. 2022. (Чэнь Ицинь — секретарь провинциального комитета КПК в Гуйчжоу, председатель Постоянного комитета Собрания народных представителей провинции Гуйчжоу // Информационное агентство Синьхуа (Гуйчжоуский региональный портал). 2022.) URL: http://www.gz.xinhuanet.com/2022-01/25/c_1126766149.htm (дата обращения: 26.12.2025).

³⁵⁵ 谌贻琴. 牢记嘱托砥砺前行 为强国建设民族复兴伟业贡献“半边天”力量 // 求是. 2023. №. 22. Р. 38-42. (Чэнь Ицинь. Помним наказ, продвигаемся вперед с удвоенной силой, вносим вклад половины неба в великое дело строительства могущественной страны и возрождения нации // Цюши. 2023. № 22. С. 38-42.)

Те Нин представляет собой совсем иную, культурно-интеллектуальную траекторию. Известная писательница, поэтесса и общественный деятель, она занимает пост заместителя председателя Постоянного комитета XIV Созыва ВСНП³⁵⁶, а также возглавляет Союз писателей Китая³⁵⁷. Она лауреат многочисленных национальных литературных премий, продвигает концепцию социалистической культурной уверенности, реформу в сфере литературы и искусства, а также занимается укреплением межкультурных связей Китая. Ее вхождение в политическую элиту осуществлялось не через накопление административного опыта, а по каналу «культура — массовые организации — политическое консультирование»: опираясь на статус ведущего литератора и руководителя творческого союза, она была включена в систему политического представительства через структуры политического консультирования общегосударственного уровня. Влияние Те Нин на социальную политику проявлялось прежде всего на уровне ценностей, а не в форме прямого участия в разработке конкретных нормативных актов. Ее политическое участие, основанное на культурном капитале, представляло особый тип влияния на публичный дискурс. В ее прозе рассматривается женский опыт: в ряде произведений женская субъектность показана как многомерная и автономная, а роль женщины не сводится к символу морали или исключительно семейной функции. Тем самым в публичном дискурсе женские темы становятся более заметными: вопросы женской судьбы, социальных ожиданий и границ допустимого для женщин³⁵⁸. В контексте данной работы это важно как отдельный тип женской политического представительства: не управленческо-кадровый и не мобилизационный, а культурно-символический, который воздействует на политику через

³⁵⁶ 铁凝简历 // 中国共产党新闻网. 2023. (Биография Тэ Нин [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПК. 2023. URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2023/0311/c64036-32641901.html> (дата обращения: 26.01.2025).

³⁵⁷ 铁凝 // 中国作家网. 2011. (Тэ Нин // Сайт Союза китайских писателей. 2011.) URL: <https://www.chinawriter.com.cn/fwzj/writer/84.shtml> (дата обращения: 26.01.2025).

³⁵⁸ См. 铁凝. 哦, 香雪. 天津: 天津人民美术出版社, 2003. (Те Нин. О, Сянсюэ. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное художественное издательство, 2003.); 铁凝. 玫瑰门. 北京: 人民文学出版社, 2006. (Те Нин. Врата роз. Пекин: Народное литературное издательство, 2006.)

формирование языка описания социальных проблем и поддержание определенных ценностных ориентиров.

Шэнь Юэюэ начала трудовую деятельность в качестве работницы магазина продовольственных товаров. В 1978 г. она училась в педагогическом училище, потом начала работать учителем математики. Вскоре она перешла на работу в систему Коммунистического союза молодежи Китая, где в провинции Чжэцзян постепенно выросла до одного из ключевых руководителей провинциального комитета комсомола. В 1990-е гг. Шэнь Юэюэ вошла в систему местного партийно-государственного управления и занимала руководящие должности на уровне города, получив опыт в области управления. Решающим этапом, заложившим основу ее вхождения в состав заместителей высшего государственного уровня, стало назначение после 2002 г. на работу в Центральный организационный отдел ЦК КПК. В 2007–2013 гг. она длительное время занимала первого заместителя министра, отвечающего за текущую работу ведомства (в ранге министра)³⁵⁹, что фактически означало ее нахождение в центре системы формирования кадрового состава и организационного управления партии. В качестве председателя ВФЖ ее вклад прежде всего проявлялся в двух направлениях. Во-первых, она добивалась того, чтобы женская повестка устойчиво присутствовала в системе государственного управления. Благодаря Шэнь Юэюэ через правозащитную деятельность, координацию и межведомственное взаимодействие продвигались темы развития женщин, поддержки семьи, противодействия домашнему насилию, защиты прав женщин. Во-вторых, при ней усиливалась практическая сервисно-мобилизационная функция ВФЖ: через проектные форматы ресурсы целенаправленно направлялись на базовый уровень (поддержка занятости и предпринимательства, помощь женщинам в трудной жизненной ситуации, семейное воспитание и защита несовершеннолетних)³⁶⁰, что делало федерацию не

³⁵⁹ 沈跃跃简历 // 新华网. 2018. (Резюме Шэнь Юэюэ // Синьхуа. 2018.) URL: <https://www.12371.cn/2013/03/14/ART11363269627001667.shtml> (дата обращения: 18.04.2025).

³⁶⁰ 为开好局起好步贡献半边天力量: 全国妇联主席沈跃跃对妇联工作提出 7 点要求 // 深圳新闻网. 2021. (Внести вклад «половины неба» в хорошее начало и уверенные шаги: Председатель Всекитайской федерации женщин Шэнь Юэюэ выдвинула 7 требований к работе женских федераций // Shenzhen News. 2021.) URL: https://www.sznews.com/news/content/2021-02/05/content_23954789.htm (дата обращения: 26.01.2025).

только формальным представительством, но и важным элементом социальной политики на низовом уровне.

Политическое участие женщин в Китае на современном этапе характеризуется рядом особенностей. Во-первых, руководительницы в современной политической системе выполняют функции политической легитимации и обеспечения символического равенства. Женщины-политики используют возможности, связанные с институциональными изменениями, демонстрируя высокий уровень управленческой компетентности. Вместе с тем их присутствие обусловлено не только механизмами кадрового отбора, но и более широкими политическими установками, связанными с продвижением принципов гендерного равенства. Назначение женщин на руководящие должности укрепляет образ социалистической системы как инклюзивной и современной, при этом символическое равенство не всегда сопровождается сопоставимым перераспределением властных ресурсов.

Во-вторых, современная политическая система Китая характеризуется функциональной дифференциацией гендерных ролей. Женщины сосредоточены преимущественно в социальной сфере — образование, культура, здравоохранение, общественные организации, где они выполняют функции социальной интеграции, культурного руководства и формирования общественного консенсуса. Их присутствие в силовых структурах — обороне, безопасности, внутренних делах — остается относительно ограниченным. Показательно, что большинство женщин высшего уровня в разные периоды занимали пост Председателя ВФЖ, что институционально закрепляет их роль в области социального представительства, а не стратегического руководства. Усиление требований к политической надежности и управленческой эффективности во многом способствует сохранению гендерной асимметрии на центральном уровне власти: женщины продолжают занимать не более 5–6% мест в составе ЦК КПК, а их отсутствие в составе Постоянного комитета Политбюро XX созыва может рассматриваться как отражение устойчивых гендерных диспропорций.

В-третьих, внутри партийно-государственных институтов сохраняются гендерные барьеры карьерного роста. Несмотря на формальную гендерную нейтральность кадровой системы Китая, ее внутренняя логика остается ориентированной на мужской профессиональный опыт. Женщины проходят аналогичные этапы профессиональной подготовки (обучение в партийных школах, ротации между региональными и центральными уровнями власти, участие в управлении на разных административных уровнях), однако продвигаются по службе в среднем медленнее. Эмпирические исследования показывают, что женщины, как правило, достигают уровня заместителей начальников управления и выше на 4–7 лет позже мужчин³⁶¹.

В-четвертых, в условиях постиндустриального развития образовательный и профессиональный капитал стал ключевым фактором карьерного продвижения женщин в политике. В отличие от поколений революционной эпохи, полагавшихся на политическую мобилизацию и партийную лояльность, современные женщины в политике демонстрируют высокий уровень академической подготовки и экспертизы, включая участие в выработке социальной, культурной и идеологической политики. С другой стороны, рост числа женщин с высшим образованием и наличием ученых степеней ведет к элитаризации женского представительства: политическое продвижение становится доступным для ограниченного числа женщин, может ограничивать возможности представительства интересов более широких социальных групп.

³⁶¹ 孙晓莉. 地方现任省级女性领导干部职业发展经历研究 // 行政管理改革. 2019. No. 3. P. 26-35. (Сунь Сяоли. Исследование профессионального развития действующих женщин-руководителей на провинциальном уровне в Китае // Реформа административного управления. 2019. № 3. С. 26-35).; 叶文振. 女性学概论, 厦门: 厦门大学出版社, 2020. P. 327-328. (Е Вэньчжэня. Введение в женоведение. Сямынь: Издательство Сямыньского университета, 2020. С. 327-328.)

Выводы к главе II

Проведенное исследование позволяет сделать ряд концептуальных обобщений, имеющих значение для понимания особенностей политической социологии современного Китая. Во-первых, гендерные отношения в китайском обществе формируются под сильным влиянием исторически устойчивых культурных и идеологических установок. Конфуцианская традиция, основанная на иерархии и нормативном различии социальных ролей мужчин и женщин, продолжает воздействовать на общественные представления и модели поведения. В то же время процессы экономической модернизации, урбанизации и глобализации способствуют постепенному изменению восприятия гендерных ролей, расширению сферы публичного участия женщин и росту их социальной мобильности, особенно в среде образованных городских слоев. Таким образом, современное китайское общество характеризуется сосуществованием традиционных и модернизационных тенденций.

Во-вторых, институциональные основы проводимой китайским правительством политики в отношении женщин носят последовательный и системный характер. С момента образования Китайской Народной Республики государство последовательно формировало нормативно-правовую базу, направленную на защиту прав женщин и расширение их участия в социально-экономической и общественно-политической жизни. Созданная институциональная инфраструктура включает деятельность женских федераций, механизмы правовой поддержки, образовательные и профессиональные программы, а также каналы социального и политического продвижения и государственные программы профессионального развития. Указанные меры обеспечивают устойчивые формы интеграции женщин в общественные и государственные процессы и способствуют реализации принципов социалистического равенства на практике.

В-третьих, развитие политики в отношении женщин в Китае протекает в условиях противоречивого взаимодействия традиционных и модернизационных

факторов. С одной стороны, государство декларирует и институционально поддерживает принципы гендерного равноправия, расширяет возможности женщин в сфере образования, занятости и общественной активности. С другой – сохраняется ориентация на традиционные ценности семьи, материнства и социальной гармонии, которые рассматриваются как основа стабильности общества. В результате формируется своеобразный институционально-культурный компромисс, при котором расширение возможностей женщин сочетается с воспроизводством нормативных ограничений их социальной и политической роли.

В-четвертых, социально-экономические трансформации и процессы глобализации выступили важным фактором изменения положения женщин в китайском обществе. Рыночные реформы открыли новые возможности для профессиональной самореализации и участия женщин в общественной жизни, особенно в городах и среди среднего класса. Однако усиление конкуренции на рынке труда и рост социального неравенства привели к углублению гендерной стратификации и неравномерности карьерных возможностей. Эти процессы затронули различные социальные группы в неодинаковой степени, что обусловило различия условий и перспектив самореализации женщин.

В-пятых, современная модель политики в отношении женщин в Китае представляет собой динамичную и адаптивную систему, в которой социалистические ценности сочетаются с прагматическими механизмами адаптации к рыночным и культурным изменениям. Государственная стратегия подчеркивает, что включение женщин в общественную и политическую жизнь связано с повышением уровня их социальной защищенности, образовательного потенциала и экономической активности, рассматриваемых как необходимое условие расширения их участия в формировании государственной политики. Таким образом, подтверждается тезис о том, что политическая субъектность женщин в Китае формируется не напрямую, а через накопление социального и профессионального капитала.

В-шестых, динамика женского политического представительства в Китае демонстрирует постепенный переход к профессиональному и функциональному

включению в систему государственного управления. Современные женщины-политики обладают высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и административной компетентности, что отражает переход от идеологически обусловленного участия к меритократическому принципу кадрового отбора. Однако присутствие женщин в политике сосредоточено преимущественно в определенных сферах, прежде всего социально-гуманитарной, что свидетельствует о сохранении устойчивого гендерного распределения должностей в структуре власти.

В-седьмых, политическая карьера женщин в Китае выстраивается в рамках партийно-государственной системы и подчинена логике политической иерархии. Несмотря на количественный рост числа женщин в органах власти, сохраняются скрытые барьеры вертикальной мобильности, ограничивающие их доступ к стратегическим центрам принятия решений. При этом реальное влияние женщин на принятие решений более заметно на региональном и местном уровнях управления, тогда как на высших уровнях политической системы сохраняется выраженная недопредставленность женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование было направлено на выявление и характеристику политической субъектности женщин в современном Китае как акторов формирования политики государства, а также на определение влияния социальных и институциональных факторов на формы, возможности и ограничения их политического участия. Логика исследования потребовала изучения теоретических подходов к анализу политического участия женщин, рассмотрения институциональных механизмов включения женщин в политику, а также социальной среды, которая определяет границы их политической легитимности и реального влияния.

Полученные результаты позволяют утверждать, что политическое участие женщин не является частным аспектом гендерной повестки и не сводится к количественным показателям их присутствия в органах власти. Оно представляет собой деятельность, отражающую характер взаимодействия общества и государства, формирующегося под влиянием комплекса факторов и обладающего выраженной контекстной спецификой. Такой подход применим к реалиям Китая, где включение женщин в политику исторически развивалось по траектории, существенно отличающейся от западной, но одновременно в контексте глобальных гендерных тенденций. В связи с этим китайский опыт не может быть полностью объяснен исключительно через категории индивидуальной эмансипации, низового гражданского давления и расширения прав в рамках конкурентной политической системы.

В диссертации предложено расширенное теоретическое понимание политического участия женщин, основанное на рассмотрении их политической субъектности в континууме между эмансипационной и мобилизационной моделями. Эмансипационная модель обеспечивает переход от индивидуальной свободы к институциональному закреплению равноправия. Мобилизационная модель, напротив, предполагает расширение политических прав и возможностей женщин по инициативе государства в ограниченном масштабе. В Китае

политическая субъектность женщин складывалась в соответствии с мобилизационной моделью в логике политики государственного феминизма, как часть партийно-государственного проекта социалистического преобразования общества. В итоге это предопределило иную, по сравнению с западными демократиями, природу включения женщин в политику: его нормативное обоснование связано не с приоритетами индивидуальной автономии, а с марксистской концепцией равенства полов, идеологией социализма с китайской спецификой и задачами модернизации, социальной гармонии и политической стабильности. Таким образом, китайская мобилизационная модель представляет собой национально обусловленный способ включения женщин, теоретическое осмысление которого позволяет сделать вывод об отсутствии универсальной модели расширения политического участия женщин: в каждом государстве данный процесс находится под давлением как универсальных закономерностей, так и специфических национальных особенностей.

Участие женщин в формировании политики государства неразрывно связано с их политическим представительством, понимаемым как результат включения женщин в систему принятия общественно значимых решений, выражающееся в их присутствии в институтах государственной власти. Политическое представительство женщин целесообразно рассматривать как результат баланса четырех взаимосвязанных форм – формального, описательного, сущностного и символического. Такой подход позволяет установить, что количественное расширение присутствия женщин в политике не всегда сопровождается соразмерным ростом их реального влияния на формирование политики. Возможна ситуация, при которой описательное представительство заметно увеличивается, тогда как сущностное – остается ограниченным, а символическое признание женщин в качестве политических акторов развивается медленно и противоречиво. Данный вывод имеет важное значение для современного Китая, поскольку именно в этом аспекте наиболее четко прослеживается разрыв между институциональными усилиями государства по расширению прав женщин в политике и расширением их возможностей участвовать в формировании повестки и принятии решений. Таким

образом преодолевается упрощенное отождествление присутствия и влияния женщин в китайской политике.

Теоретические осмысления социальных и институциональных факторов позволило показать, что политическая субъектность женщин зависит от взаимодействия политико-правовых мер государства и устойчивых общественных представлений о допустимости участия женщин в политике. Принципиально важно, что институциональные и социальные факторы рассматриваются в диссертации не обособленно, а как взаимно усиливающие друг друга, совместно задающие диапазон возможного политического участия женщин. Институциональные факторы обеспечивают формальное и описательное представительство женщин, а социальные факторы определяют пределы сущностного и символического представительства. Применительно к Китаю указанная связь проявляется особенно четко. Китайская политическая система выстроила устойчивую институциональную инфраструктуру включения женщин в политику, однако она функционирует в условиях устойчивого консервативного давления, влияющего на восприятие женщин как политических акторов, что может снижать мотивацию женщин к участию в политике и конкуренции с мужчинами. В итоге даже при наличии формального равноправия, специализированных механизмов кадровой подготовки и официальной риторики в поддержку равенства воспроизводится гендерная иерархия.

Особое место в исследовании занял анализ государственной политики Китая в сфере расширения политического участия женщин. Установлено, что с момента образования Китайской Народной Республики государство последовательно формировало нормативно-правовую и организационную основу для защиты прав женщин и их вовлечения в экономическую, общественную и политическую жизнь. Вместе с тем движущей силой этого процесса была не идея обеспечения индивидуальной свободы, а реализация глобальных целей национального развития (строительства социалистического государства, идеологической консолидации, модернизаций экономики, обеспечения социальной стабильности и др.).

Выявленная специфика политики китайского государства в отношении женщин важно для понимания их политического участия. Диссертационное исследование показывает, что китайская модель одновременно обеспечивает инклюзию и воспроизводит ограничения: она способствует интеграции женщин в партийно-государственную систему, но делает это в рамках устойчивого иерархического порядка, значительно легче допускающая численное расширение присутствия, чем перераспределение реального политического влияния. Это указывает на разрыв между количественным ростом представительства женщин и формированием их полноценной политической субъектности.

Анализ положения женщин в современном китайском обществе позволил установить, что традиционная культура сохраняет значительное влияние на характер их политического участия. Этика, основанная на иерархии социальных ролей и различии мужского и женского начал, продолжает воздействовать на общественные ожидания, модели социализации, представления о допустимых формах женской самореализации и границы признания женского лидерства. Влияние традиционной культуры проявляется в политике непосредственно: оно определяет мотивационные установки женщин, степень общественной готовности воспринимать их как легитимных политических субъектов, участвующих в формировании политики. Даже в условиях модернизации, роста уровня образования, расширения профессиональных возможностей женщин сохраняются устойчивые общественные установки, ориентирующие их на семейные обязанности, социальную гармонию и вторичность по отношению к политической сфере. Данный вывод позволяет уточнить содержание китайского гендерного порядка, который не сводится к простому сохранению традиций, а представляет собой сложную форму сосуществования модернизационных процессов, включенности в глобальную социальную повестку и культурной традиционности общества. На современном этапе он сосуществует с усилением традиционалистских элементов в политике Коммунистической партии, подчеркивающих ценность семьи, материнства, гармонии. Это означает, что

давление социального фактора не ослабевает под влиянием модернизации, а воспроизводится при политической поддержке государства.

Значимым итогом диссертационной работы стало обобщение количественных и качественных параметров политического участия женщин в Китае. Установлено, что с момента образования КНР произошло последовательное расширение присутствия женщин в партийно-государственной системе, сопровождавшееся ростом их уровня образования, профессиональной подготовки и административных компетенций. Женщины стали более заметны на региональном и местном уровнях власти, социально-гуманитарных секторах государственной деятельности, а также в структурах партийной подготовки кадров. Таким образом, политическое участие носит не эпизодический, а системный характер. Кроме того, были выявлены основные каналы продвижения женщин на ведущие должности в институтах власти. Политическая карьера женщин в Китае строится в рамках строго организованной партийно-государственной системы и зависит от сочетания политической лояльности, профессиональной подготовки, внутрипартийной социализации, кадровой ротации и управленческого опыта. Это позволило делать вывод о том, что женское политическое участие в Китае обеспечивается институциональными механизмами отбора кадров и подготовки, а не автономным развитием конкурентной политической среды. Вместе с тем анализ показал, что рост профессионализации и расширение каналов рекрутирования женщин не сопровождается сопоставимым усилением их влияния на формирование политики. Как и во многих странах мира женщины в китайской политике могут проявить себя в социальной сфере, но имеют ограниченный доступ к центрам принятия решений в ключевых институтах власти.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что женщины в современном Китае играют значимую, но ограниченную роль в формировании государственной политики. Главная специфика заключается в том, что китайская модель создает устойчивые механизмы вовлечения женщин в политику, но делает это в такой конфигурации властных отношений, которая допускает рост присутствия, но не перераспределения реального политического влияния.

Дальнейшая динамика представительства женщин будет зависеть от того, насколько институциональная поддержка сможет быть дополнена расширением сущностного представительства.

Несмотря на сохраняющиеся структурные ограничения, выявленные в ходе исследования, дальнейшее расширение политического участия женщин в Китае потенциально может способствовать не только количественному росту их представительства, но и качественной трансформации политической повестки. Усиление роли женщин как политических акторов связано с возможным включением в государственную политику вопросов социальной справедливости, защиты уязвимых групп и устойчивого развития.

В долгосрочной перспективе женщины могут выступать не только как исполнители государственной политики, но и как участники формирования более инклюзивных, диалоговых и ориентированных на разнообразие общественных интересов управленческих подходов. Расширение их участия способно оказывать влияние на политическую культуру, способствуя ее трансформации в сторону большей открытости, адаптивности и социальной ориентированности.

Особое значение может иметь переосмысление традиционных моделей политического лидерства, при котором женщины демонстрируют эффективность альтернативных стилей принятия решений, основанных на коллегиальности, консенсусе и долгосрочной устойчивости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Международные правовые акты:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
3. Конвенция о политических правах женщин [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
5. ООН: цена бездействия в отношении гендерного неравенства слишком высока [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456311>.
6. Пекин +5. Политическая декларация и решения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН-Женщины — Режим доступа: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf.
7. Пекинская декларация и Платформа действий [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf>.
8. Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных наций 66/130. Женщины и участие в политической жизни [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/66/130>.
9. Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных наций 70/1. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на

период до 2030 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1>.

Национальные нормативно-правовые акты:

10. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022. «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» [Электронный ресурс] // Правительство России. — Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/145532/>.

11. 国务院. 中华人民共和国劳动保险条例: 政秘字令 (1951) 134 号 [A/OL] [电子资源] // 国家行政库法规. 1951-02-26. (Административный совет Центрального народного правительства КНР. Положение КНР «О трудовом страховании»: распоряжение № 134 (26.02.1951.) [Электронный ресурс] // Национальная база нормативно-правовых актов.) — Режим доступа: <https://xzfg.moj.gov.cn/front/law/detail?LawID=1350>.

12. 宪法: 第三章 国家机构 [电子资源] // 全国人民代表大会. 2018. (Конституция КНР: Глава III Государственные органы [Электронный ресурс] // ВСНП. — 2018.) — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/c191/c505/201905/t20190521_263492.html.

13. 中国共产党章程: 第三章 党的中央组织 [电子资源] // 中国共产党新闻网. 2022. (Устав КПК: Глава III Центральные органы партии [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПК. — 2022.) — Режим доступа: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/#disanzhang>.

14. 中国人民政治协商会议共同纲领 [电子资源] // 中国人民政治协商会议全国委员会. 1949-09-29. (Общая программа Народного политического консультативного совета Китая (Принята 29 сентября 1949 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всекитайского комитета НПКСК.) — Режим доступа: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ARTI1513309181327976.shtml>.

15. 中华人民共和国法律全编: 2024 年版 / 法律出版社法规中心编, 北京: 法律出版社, 2024. 1947 р. (Полное собрание законов КНР: в редакции 2024 года / Сост. Центр нормативных актов Издательства права. — Пекин: Издательство права, 2024. — 1947 с.)

16. 中华人民共和国妇女权益保障法(修正) [电子资源] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. 2005. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 28.08.2005) [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Государственного совета КНР. — 2005.) — Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/xwfb/gwyxwbgsxwfbh/wqfbh_2284/2021n_2711/2021n09y27rxw1/wjxgzc_4038/202208/t20220808_314381.html.
17. 中华人民共和国妇女权益保障法 // 中华人民共和国国务院公报. 1992. No. 11. P. 386–393. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» // Бюллетень Государственного совета КНР. — 1992. — № 11. — С. 386–393.)
18. 中华人民共和国妇女权益保障法 [电子资源] // 全国人民代表大会. 2018. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 26.10.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВСНП. — 2018.) — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xxxxinwen/2018-11/05/content_2065661.htm.
19. 中华人民共和国妇女权益保障法 [电子资源] // 中华人民共和国最高人民法院公报. 2022. (Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» (в ред. от 30.10.2022) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного народного суда КНР. — 2022.) — Режим доступа: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/45412fdb12dd405d680040694bd425.html>.
20. 中华人民共和国公务员法: 第四章 录用 // 全国人民代表大会. 2018. (Закон КНР о государственной службе: Глава IV Прием на работу [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВСНП. — 2018.) — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c1773/c1848/c21114/c35431/c35437/201905/t20190521_263956.html.
21. 中华人民共和国婚姻法(1950) [电子资源] // 全国人民代表大会. 2014. (Закон о браке Китайской Народной Республики 1950 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВСНП. — 2014.) — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c1773/c1848/c21114/c25754/c25757/201905/t20190521_206134.html.
22. 中华人民共和国劳动法. 中华人民共和国最高人民检察院公报. 1994. No. 4. P. 3–11. (Закон КНР «О труде» // Бюллетень Верховной народной прокуратуры КНР. — 1994. — № 4. — С. 3–11.)

23. 中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法 [电子资源] // 全国人民代表大会. 2020. (Закон КНР о выборах во ВСНП и местные собрания народных представителей [Электронный ресурс] // ВСНП. — 2020.) — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202011/t20201119_308799.html.
24. 中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法(1995 修正) [电子资源] // 北大法宝. 1995.02.28. (Закон Китайской Народной Республики о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей на различных уровнях (с поправками 1995 г.) // Юридическая база данных Пекинского университета. — 28.02.1995.) — Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/58cac8232c474597bdfb.html?way=textLawChange>.
25. 中华人民共和国宪法(1954 年)[电子资源] // 法律图书馆. (Конституция КНР 1954 г. [Электронный ресурс] // Юридическая библиотека.) — Режим доступа: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=343215.
26. 中华苏维埃共和国婚姻条例 1931 年[电子资源]// 中华文库. (Положение о браке Китайской Советской Республики 1931 г. [электронный ресурс] // Китайская библиотека.) — Режим доступа: <https://www.zhonghuashu.com/wiki/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E8%98%87%E7%B6%AD%E5%9F%83%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%A9%9A%E5%A7%BB%E6%A2%9D%E4%BE%8B>.

Официальные документы:

27. 第十二届全国人民代表大会第五次会议关于第十三届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 2017. No. 2. P. 217. (Решение Пятой сессии ВСНП XII созыва о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XIII созыва // Вестник Постоянного комитета ВСНП КНР. — 2017. — № 2. — С. 217.)
28. 第十届全国人民代表大会第五次会议关于第十一届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国国务院公报. 2007. No. 13. P. 37-38. (Решение Пятой сессии ВСНП X созыва о квотах и порядке выборов

депутатов ВСНП XI созыва // Вестник Государственного совета КНР. — 2007. — № 13. — С. 37-38.)

29. 第十三届全国人民代表大会第五次会议关于第十四届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 人民日报. 2022 年 3 月 12 日. (Решение Пятой сессии ВСНП XIII о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XIV созыва // Жэньминь жибао. 12 марта 2022 г.) — Режим доступа: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2022-03/12/content_25907102.htm.

30. 第十一届全国人民代表大会第五次会议关于第十二届全国人民代表大会代表名额和选举问题的决定 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 2012. No. 2. P. 204. (Решение Пятой сессии ВСНП XI созыва о квотах и порядке выборов депутатов ВСНП XII созыва // Вестник Постоянного комитета ВСНП КНР. — 2012. — № 2. — С. 204.)

31. 国务院办公厅关于解决无户口人员登记户口问题的意见 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2016. (Мнение Канцелярии Государственного совета о решении вопроса регистрации домохозяйств для лиц без прописки [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2016.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5036272.htm.

32. 国务院机构及部委管理的国家局设置 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2023. (Структура Государственного совета КНР и государственные управления, находящиеся в ведении министерств и ведомств [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2023.) — Режим доступа: <https://www.gov.cn/gwyzzjg/zuzhi/>.

33. 武汉发布留汉大学毕业生落户、住房、收入新政[电子资源] // 武汉市人民政府. 2017. (Ухань опубликовал новые меры для выпускников вузов по вопросам прописки, жилья и доходов [Электронный ресурс] // Народное правительство города Ухань. — 2017.) — Режим доступа: https://www.wuhan.gov.cn/zwgk/xxgk/zcjd/zctj/202109/t20210923_1782796.shtml.

34. 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定[电子资源] // 共产党员网. 2013. (Решение Центрального комитета КПК по ряду важных вопросов всестороннего углубления реформ [Электронный ресурс] // Сайт «Коммунист

Китайя». — 2013.) — Режим доступа: <https://news.12371.cn/2013/11/15/ARTI1384512952195442.shtml>.

35. 中国妇女发展纲要(1995—2000 年) // 中国妇运. 1995. No. 8. P. 4-7. (Программа развития женщин Китая (1995–2000 гг.) // Женское движение Китая. — 1995. — № 8. — С. 4-7.)

36. 中国妇女发展纲要(2001—2010 年) // 中国妇运. 2001. No. 6. P. 10-16. (Программа развития женщин Китая (2001–2010 гг.) // Женское движение Китая. — 2001. — № 6. — С. 10-16.)

37. 中国妇女发展纲要(2011—2020 年) [电子资源] // 中国日报. 2011. (Программа развития женщин Китая (2011–2020 гг.) [Электронный ресурс] // Чайна дейли. — 2011.) — Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/dfpd/shizheng/2011-08/08/content_13071795.htm.

38. 中国妇女发展纲要(2021—2030 年) [电子资源] // 中国妇女网. 2021. (Программа развития женщин Китая (2021–2030 гг.) [Электронный ресурс] // Китайский женский сайт. — 2021.) — Режим доступа: <https://www.cnwomen.com.cn/2021/09/27/99232622.html>.

39. 中国共产党第十六届中央委员会第一次全体会议公报 // 共产党员. 2002. No. 12. P. 26. (Коммюнике первого пленума ЦК КПК 16-го созыва // Коммунист. — 2002. — № 12. — С. 26.)

40. 中国共产党第十七届中央委员会第一次全体会议公报 // 前进. 2007. No. 11. P. 34. (Коммюнике первого пленума ЦК КПК 17-го созыва // Вперед. — 2007. — № 11. — С. 34.)

41. 中国共产党中央委员会关于各抗日根据地目前妇女工作方针的决定 // 中国妇女运动历史资料(1937—1945) / 中华全国妇女联合会, 妇女运动历史研究室 编, 北京: 中国妇女出版社, 1991. P. 647-649. (Решение ЦК КПК о текущих ориентирах работы среди женщин в различных антияпонских опорных базах // Исторические материалы движения женщин Китая (1937—1945) / ред. Всекитайская федерация женщин, Отдел исследований по истории женского движения., Пекин: Издательство «Китайские женщины», 1991. — С. 647-649.)

Монографии:

42. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научн. статей/под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996. — 96 с.
43. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений (Глава 8) // Социология в России/Т.А. Гурко; под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. — С. 173-195.
44. Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: от традиционного общества к современному/М.А. Бакланова, А.Л. Верченко, Н.Н. Ким, Э.А. Синецкая, М.А. Сюннерберг; отв. ред. Н.Н. Ким. — Москва: Наука, 2019. — 317 с.
45. История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV. Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до Второй мировой войны/под ред. Ж. Фрассе. — СПб.: Алетейя, 2015. — 536 с.
46. Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей/отв. ред. Б.Г. Доронин. — СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011. — 203 с.
47. Овчарова О.Г., Рябова Т.Б. Гендерные аспекты политологических исследований/О.Г. Овчарова, Т.Б. Рябова // Современная политическая наука: методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 509-524.
48. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества/под ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. — М.: Нов. хронограф, 2012. — 512 с.
49. Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или феминизм в Китае/Э.А. Синецкая. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 432 с.
50. Ян Кэ. Гендерное сознание в публичной политике Китая/Ян Кэ // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Казакова. — Минск: БГУ, 2021. — С. 476-483.
51. Alexander A.C., Coffe H. Women's Political Empowerment through Public Opinion Research: The Citizen Perspective/A.C. Alexander, H. Coffe // Measuring Women's Political Empowerment Across the Globe: Strategies, Challenges and Future Research / ed. by A.C. Alexander, C. Bolzendahl, F. Jalalzai. — L.: Palgrave Macmillan, 2018. — P. 27-53.

52. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*/G.A. Almond, S. Verba. — Princeton: Princeton University Press, 1963. — 562 p.
53. Amundsen K. *The Silenced Majority: Women and American Democracy*/K. Amundsen. — N.J.: Prentice Hall, 1971. — 184 p.
54. Annesley C., Beckwith K., Franceschet S. *Cabinets, Ministers, and Gender*/C. Annesley, K. Beckwith, S. Franceschet. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 316 p.
55. Arendt H. *The Human Condition*/H. Arendt. — Chicago: University of Chicago Press, 1958. — 332 p.
56. Barnes S.H., Kaase M. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*/S.H. Barnes, M. Kaase. — Beverly Hills: Sage Publications, 1979. — 607 p.
57. Barnes T.D. *Gendering Legislative Behavior: Institutional Constraints and Collaboration*/T.D. Barnes. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — 294 p.
58. Baxter S., Lansing M. *Women and Politics: The Invisible Majority*/S. Baxter, M. Lansing. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1980. — 221 p.
59. Beauvoir S. de. *Le Deuxième Sexe. Vol. 1*/S.de.Le Beauvoir. — Paris: Gallimard, 1949. — 416 p.
60. Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. *Voting: A study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*/B.R. Berelson, P.F. Lazarsfeld, W.N. McPhee. — Chicago: University of Chicago Press, 1954. — 395 p.
61. Black A.H. *Gender and Cosmology in Chinese Correlative Thinking*/A. Black // *Gender and Religion: On the Complexity of Symbols* / ed. by C.W. Bynum, S. Harrell, P. Richman. — Boston: Beacon Press, 1989. — P. 166-195.
62. Burns N. *Gender: Public Opinion and Public Action*/N. Burns // *Political Science. The State of Discipline* / ed. by I. Katznelson, H.V. Milner. — N.Y.: Norton, 2002. — P. 462-487.
63. Burns N., Schlozman K.L., Verba S. *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*/N. Burns, K.L. Schlozman, S. Verba. — Cambridge: Harvard University Press, 2001. — 453 p.
64. Chang J. *Big Sister, Little Sister, Red Sister: Three Women at the Heart of Twentieth-Century China*/J. Chang. — L.: Vintage, 2020. — 374 p.

65. Chang J. *Wild Swans: Three Daughters of China*/J. Chang. — N.Y.: Harper Collins, 1991. — 524 p.
66. Chen M., Cai J. *Women's Access to Political Power: An Analysis of the Life Trajectory of Wu Yi* / ed. by J. Cai // *Female Celebrities in Contemporary Chinese Society*. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 159-184.
67. Collins P.H. *Intersectionality as Critical Social Theory*/P.H. Collins. — Durham: Duke University Press, 2019. — 360 p.
68. Connell R.W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*/R.W. Connell. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 334 p.
69. Corder J.K., Wolbrecht C. *Counting Women's Ballots: Female Voters from Suffrage Through the New Deal*/J.K. Corder, C. Wolbrecht. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — 316 p.
70. Dahlerup D. *Representing Women: Defining Substantive Representation of Women*/D. Dahlerup // *Representation: The Case of Women* / ed. by M.C. Escobar-Lemmon, M.M. Taylor-Robinson. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — P. 58-75.
71. Dahlerup D. *Women, Quotas, and Politics*/D. Dahlerup. — L.: Routledge, 2013. — 304 p.
72. Davis A.Y. *Women, Race & Class*/A.Y. Davis. — N.Y.: Vintage Books, 1983. — 271 p.
73. Diamond I. *Sex Roles in the State House*/I. Diamond. — New Haven: Yale University Press, 1977. — 214 p.
74. Duverger M. *The Political Role of Women*/M. Duverger. — Paris: UNESCO, 1955. — 221 p.
75. Ebrey P. *Women and the family in Chinese history*/P. Ebrey. — L.: Routledge, 2003. — 291 p.
76. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*/F. Engels. — Stockton: University Press of the Pacific, 2001. — 220 p.
77. Elgar *Encyclopedia of Gender and Politics* / ed. by Z. Lefkofridi. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2026. — 490 p.
78. Evans H. *Women and Sexuality in China: Dominant Discourses of Female Sexuality and Gender Since 1949*/H. Evans. — Cambridge: Polity Press, 1997. — 270 p.

79. Firestone S. *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*/S. Firestone. — N.Y.: Morrow. 1970. — 274 p.
80. Friedan B. *The Feminine Mystique*/B. Friedan. — N.Y.: Norton, 1963. — 410 p.
81. Hernes H.M. *Welfare State and Woman Power: Essays in State Feminism*/H.M. Hernes. — Oslo: Norwegian University Press, 1987. — 176 p.
82. Hershatter G. *Women in China's Long Twentieth Century*/G. Hershatter. — Berkeley: University of California Press, 2007. — 170 p.
83. Hirdman Y. *The Gender System*/Y. Hirdman // *Moving On. New Perspective on the Women's Movement* / ed. by T. Andreasen, et al. — Aarhus: Aarhus University Press, 1991. — P. 187-207.
84. Hooks B. *Ain't I a Woman: Black Women and Feminism*/B. Hooks. — Boston: South End Press, 1981. — 205 p.
85. Howell J. *Gender, civil society and the state in China*/J. Howell // *Gender, Politics and the State* / ed. by V. Randall, G. Waylen. — L.: Routledge, 1998. — P. 166-184.
86. Howell J. *Women's Organisations and Civil Society in China: Making a Difference*/J. Howell // *Gender and Civil Society* / ed. by J. Howell, D. Mulligan. — N.Y.: Routledge, 2005. — P. 54-77.
87. Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*/R. Inglehart, P. Norris. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 226 p.
88. Jacka T. *Women's Work in Rural China: Change and Continuity in an Era of Reform*/T. Jacka. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 264 p.
89. Judd E.R. *Gender and Power in Rural North China*/E.R. Judd. — Stanford: Stanford University Press, 1994. — 295 p.
90. Kanthak K., Krause G.A. *The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organizational Foundations of Representation in America*/K. Kanthak, G.A. Krause. — N.Y.: Oxford University Press, 2012. — 205 p.
91. Kathlene L., Clarke S.E., Fox B. *Ways Women Politicians are Making a Difference*/L. Kathlene, S.E. Clarke, B. Fox // *Gender and Policymaking: Studies of Women in Office* / ed. by D.L. Dodson. — N.J.: Center for the American Women and Politics, 1991. — P. 31-38.

92. Kittilson M.C., Schwindt-Bayer L. *The Gendered Effects of Electoral Institutions: Political Engagement and Participation*/M.C. Kittilson, L. Schwindt-Bayer. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 190 p.
93. Lieberman S. *A Piece of the Pie: Blacks and White Immigrants Since 1880*/S. Lieberman. — Berkeley: University of California Press, 1980. — 419 p.
94. Lipset S.M. *Political Man: The Social Bases of Politics*/S.M. Lipset. — N.Y.: Doubleday, 1960. — 432 p.
95. Lister R. *Citizenship: Feminist Perspectives*/R. Lister. — L.: Macmillan, 1997. — 284 p.
96. Lovenduski J. *Feminizing Politics*/J. Lovenduski. — Oxford: Polity Press, 2005. — 197 p.
97. Ma X. *Female Employment and Gender Gaps in China*/X. Ma. —Singapore: Springer Nature, 2021. — 180 p.
98. Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*/S. Mahmood. — Princeton: Princeton University Press, 2005. — 233 p.
99. Merriam C.E., Gosnell H.F. *Non-voting: Causes and Methods of Control*/C.E. Merriam, H.F. Gosnell. — Chicago: University of Chicago Press, 1924. — 287 p.
100. Millett K. *Sexual Politics*/K. Millett. — N.Y.: Doubleday, 1970. — 393 p.
101. Mohanty C.T. *Feminism without Borders: Decolonizing Theory, Practicing Solidarity*/C.T. Mohanty. — Durham: Duke University Press, 2003. — 312 p.
102. Nagel J.H. *Participation*/J.H. Nagel. — Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1987. — 195 p.
103. Norris P. *Driving Democracy: Do Power-Sharing Institutions Work?*/P. Norris. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 306 p.
104. Ong A. *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*/A. Ong. — Durham: Duke University Press, 1999. — 322 p.
105. Parry G., Moyser G., Day N. *Political Participation and Democracy in Britain*/G. Parry, G. Moyser, N. Day. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 528 p.
106. *Participation in Politics* / ed. by G. Parry, B. Anderson. — Manchester: Manchester University Press, 1972. — 340 p.

107. Pateman C. *The Sexual Contract*/C. Pateman. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — 264 p.
108. Pattie C., Seyd P., Whiteley P. *Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy*/C. Pattie, P. Seyd, P. Whiteley. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 346 p.
109. Paxton P., Hughes M.M. *Women, Politics, and Power: A Global Perspective*/P. Paxton, M.M. Hughes. — CA: Pine Forge Press, 2007. — 379 p.
110. Phillips A. *Engendering Democracy*/A. Phillips. — Cambridge: Polity Press, 1991. — 192 p.
111. Phillips A. *The Politics of Presence*/A. Phillips. — Oxford: Clarendon Press, 1995. — 209 p.
112. Pun N. *Made in China: Women Factory Workers in a Global Workplace*/N. Pun. — Durham: Duke University Press, 2005. — 240 p.
113. Rai S.M. *International Perspectives on Gender and Democratisation*/S.M. Rai. — L.: Palgrave Macmillan, 2000. — 207 p.
114. Randall V. *Women and Politics: An International Perspective*/V. Randall. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 362 p.
115. Renzetti C.M., Curran D.J. *Women, Men, and Society*/C.M. Renzetti, D.J. Curran. — Boston: Allyn and Bacon, 1992. — 435 p.
116. Rich A. *Of Women Born: Motherhood as Experience and Institution*/A. Rich. — N.Y.: Norton, 1976. — 318 p.
117. Rofel L. *Desiring China: Experiments in Neoliberalism, Sexuality, and Public Culture*/L. Rofel. — Durham: Duke University Press, 2007. — 251 p.
118. Shi T. *Political Participation in Beijing*/T. Shi. — Cambridge: Harvard University Press, 1997. — 334 p.
119. Squires J. *Gender in Political Theory*/J. Squires. — Cambridge: Polity Press, 2000. — 255 p.
120. Sun J.Y., Li J. *Women in Leadership in China: Past, Present, and Future*/J.Y. Sun, J. Li // *Current Perspectives on Asian Women in Leadership: A Cross-cultural Analysis* / ed. by Y. Cho, R. Ghosh, J.Y. Sun, G.N. McLean. — Cham: Springer, 2017. — P. 19-35.
121. Teorell J., Torcal M., Montero J.R. *Political Participation: Mapping the Terrain*/J. Teorell, M. Torcal, J.R. Montero // *Citizenship and Involvement in European*

- Democracies: A Comparative Analysis / ed. by J.W. van Deth, J.R. Montero, A. Westholm. — L.: Routledge, 2007. — P. 334-357.
122. The Oxford Handbook of Gender and Politics / ed. by G. Waylen, K. Celis, J. Kantola, S.L. Weldon. — N.Y.: Oxford University Press, 2016. — 888 p.
123. Tingsten H. Political Behavior: Studies in Election Statistics/H. Tingsten. — N.J.: Bedminster Press, 1963. — 231 p.
124. Verba S., Nie N.H., Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison/S. Verba, N.H. Nie, J. Kim. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — 394 p.
125. Wang Z. Finding Women in the State: A Socialist Feminist Revolution in the People's Republic of China, 1949–1964/Z. Wang. — Berkeley: University of California Press, 2016. — 400 p.
126. Wang Z. Women in the Chinese Enlightenment: Oral and Textual Histories/Z. Wang. — Berkeley: University of California Press, 1999. — 402 p.
127. Yan Y. Private Life under Socialism: Love, Intimacy, and Family Change in a Chinese Village, 1949–1999/Y. Yan. — Stanford: Stanford University Press, 2003. — 320 p.
128. Yang G. The Power of the Internet in China: Citizen Activism Online/G. Yang. — N.Y.: Columbia University Press, 2009. — 302 p.
129. Yang M.M. Spaces of Their Own: Women's Public Sphere in Transnational China/M.M. Yang. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. — 375 p.
130. Yuval-Davis N. Gender and Nation/N. Yuval-Davis. — L.: Sage Publications, 1997. — 168 p.
131. Zang X. Elite dualism and leadership selection in China/X. Zang. — L.: Routledge, 2004. — 264 p.
132. Zeng J. The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion/J. Zeng. — L.: Palgrave Macmillan, 2015. — 237 p.
133. Zhang T. Power, Women and Revolution: The Role of the All-China Women's Federation in China's Revolution/ T. Zhang. — Binghamton: State University of New York, 2003. — 436 p.
134. Zhou X. The Logic of Governance in China: An Organizational Approach/X. Zhou. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — 351 p.

135. 20 世纪中国妇女运动史 中卷 / 顾秀莲主编, 北京: 中国妇女出版社, 2013. — 371 p. (История женского движения Китая XX века Том II / под ред. Гу Сюлянь. — Пекин: Издательство «Женщины Китая», 2013. — 371 с.)
136. 白岚玲. 班昭女性教育观批判研究, 北京: 中国传媒大学出版社, 2022. — 237 p. (Бай Ланьлин. Критическое исследование взглядов Бан Чжао на женское образование/Бай Ланьлин. — Пекин: Издательство Китайского университета коммуникаций, 2022. — 237 с.)
137. 鲍静. 女性参政: 社会性别的追问, 北京: 中国人民大学出版社, 2013. — 237 p. (Бао Цзин. Участие женщин в политике: вопросы гендера/Бао Цзин. — Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2013. — 237 с.)
138. 蔡一平, 杜芳琴. 妇女与社会性别研究史的理论与方法, 长沙: 湖南大学出版社, 2016. — 324 p. (Цай Ипин, Ду Фанцин. Теория и методология истории исследований женщин и социального пола/Цай Ипин, Ду Фанцин. — Чанша: Издательство Хунаньского университета, 2016. — 324 с.)
139. 陈步云, 徐士青. 妇女发展与社会进步: 浙江妇女研究, 杭州: 浙江工商大学出版社, 2022. — 352 p. (Чэнь Бу-юнь, Сюй Шицин. Развитие женщин и прогресс общества: Исследование женщин Чжэцзяна/Чэнь Бу-юнь, Сюй Шицин. — Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета промышленности и коммерции, 2022. — 352 с.)
140. 当代中国的民主党派 / 刘延东主编, 北京: 当代中国出版社, 1999 — 959 p. (Демократические партии в современном Китае/под ред. Лю Яньдун. — Пекин: Издательство «Современный Китай», 1999. — 959 с.)
141. 党的群众路线简明历史读本 / 中共中央党史研究室 本书编写组著, 北京: 党建读物出版社, 中国共产党出版社, 2014. — 244 p. (Краткий исторический очерк массовой линии партии» / под ред. авторского коллектива Исследовательского центра истории партии при ЦК КПК. — Пекин: Издательство партийной литературы, Издательство КПК, 2014. — 244 с.)
142. 邓小平. 邓小平文选 第二卷, 北京: 人民出版社, 1994. — 446 p. (Дэн Сяопин. Избранные произведения Дэн Сяопина Т. 2/Дэн Сяопин. — Пекин: Народное Издательство, 1994. — 446 с.)

143. 邓小平. 邓小平文选 第一卷, 北京: 人民出版社, 1994. — 384 p. (Дэн Сяопин. Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. 1/Дэн Сяопин. — Пекин: Народное Издательство, 1994. — 384 с.)
144. 芳园. 国学知识一本全 耀世典藏版, 天津: 天津人民出版社, 2015. — 414 p. (Фан Юань. Полное собрание знаний по традиционной китайской культуре. Подарочное издание/Фан Юань. — Тяньцзинь: Издательство народа Тяньцзинь, 2015. — 414 с.)
145. 风华绝代《中国大百科全书》中的嘉兴人 / 中共嘉兴市委宣传部, 嘉兴市社会科学界联合会, 浙江人民出版社, 2021. — 349 p. (Блестящее поколение: Жители Цзясяна в «Энциклопедии Китая» / Отдел пропаганды городского комитета КПК Цзясяна, Федерация общественных наук г. Цзясяна. — Ханчжоу: Издательство народа Чжэцзян, 2021. — 349 с.)
146. 龚留柱. «左传»与中国文化, 北京: 华夏出版社, 2022. — 375 p. (Гун Лючжу. «Цзо чжуань» и китайская культура/Гун Лючжу. — Пекин: Издательство «Хуасья», 2022. — 375 с.)
147. 郭强. 马克思现代国家思想研究, 天津: 南开大学出版社, 2021. — 260 p. (Го Цян. Исследование марксистской мысли о современном государстве/Го Цян. — Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2021. — 260 с.)
148. 郭夏娟. 平等参与中的女性赋权: 参与式性别预算途径, 杭州: 浙江大学出版社, 2023. — 288 p. (Го Сяцзюань. Расширение прав и возможностей женщин в условиях равного участия: подход гендерно-ориентированного бюджетирования участия/Го Сяцзюань. — Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2023. — 288 с.)
149. 胡锦涛. 胡锦涛文选 第一卷, 北京: 人民出版社, 2016. 568 p. (Ху Цзиньтао. Избранные произведения Ху Цзиньтао. Т. 1/Ху Цзиньтао. — Пекин: Народное издательство, 2016. — 568 с.)
150. 黄振国. 信阳大博览, 长春: 时代文艺出版社, 2012. — 1206 p. (Хуан Чжэнго. Великое обозрение Синьяна/Хуан Чжэнго. — Чанчунь: Издательство «Эпоха и литература», 2012. — 1206 с.)
151. 江泽民. 江泽民文选 第一卷, 北京: 人民出版社, 2006. — 660 p. (Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэминя. Т. 1/Цзян Цзэминь. — Пекин: Народное Издательство, 2006. — 660 с.)

152. 焦汉. 我与名人, 三秦出版社, 2013. — 366 p. (Цзяо Хань. Я и знаменитости/Цзяо Хань. — Шэньси: Издательство «Саньцин», 2013. — 366 с.)
153. 巾帼风采(第一卷) / 黄祖坤主编, 北京: 中国画报出版社, 2005. — 589 p. (Женская доблесть и грация (Том 1) / под ред. Хуан Цзукунь. — Пекин: Издательство «Китайская художественная альбомная литература», 2005. — 589 с.)
154. 孔子(春秋). 论语, 花城出版社, 2024. — 287 p. (Конфуций (эпоха Чуньцю). Луньюй / Конфуций; пер. и коммент. Чэнь Пуцин. — Гуанчжоу: Издательство ХуаЧэн. — 2024. — 287 с.)
155. 雷金庆. 男性特质论: 中国的社会与性别, 南京: 江苏人民出版社, 2012. — 274 p. (Лэй Цзиньцин. Теория маскулинности: общество и гендер в Китае/Лэй Цзиньцин; пер. с кит. Лю Тин. — Нанкин: Издательство народа Цзянсу, 2012. — 274 с.)
156. 李小江. 女性乌托邦, 北京: 社会科学文献出版社, 2016. — 266 p. (Ли Сяоцзян. Женская утопия/Ли Сяоцзян. — Пекин: Издательство социальных наук, 2016. — 266 с.)
157. 李小江. 夏娃的探索, 河南人民出版社, 1988. — 311 p. (Ли Сяоцзян. В поисках Евы/Ли Сяоцзян. — Чжэнчжоу: Издательство народа Хэнань, 1988. — 311 с.)
158. 李银河. 性别问题, 青岛: 青岛出版社, 2007. — 265 p. (Ли Иньхэ. Гендерные вопросы/Ли Иньхэ. — Циндао: Издательство Циндао, 2007. — 265 с.)
159. 梁景时, 梁景和. 中国陋俗批判, 北京: 团结出版社, 1999. — 348 p. (Лян Цзинши, Лян Цзинхэ. Критика устаревших обычаев Китая/Лян Цзинши, Лян Цзинхэ. — Пекин: Издательство «Солидарность», 1999. — 348 с.)
160. 刘德汉. 东周妇女生活, 台北: 台湾学生书局, 1976. — 92 p. (Лю Дэхань. Жизнь женщин эпохи Восточного Чжоу/Лю Дэхань. — Тайбэй: Тайваньское студенческое издательство, 1976. — 92 с.)
161. 马彦银. 谁在治理为谁治理如何治理——中国城市基层治理的政治学, 天津: 天津人民出版社, 2020. — 373 p. (Ма Яньинь. Кто управляет, для кого управляет и как управляет — политология городского управления на низовом уровне в Китае/Ма Яньинь. — Тяньцзинь: Издательство народа Тяньцзинь, 2020. — 373 с.)

162. 聂志毅. 塑造女性领导力, 北京: 光明日报出版社, 2012. — 204 p. (Нье Чжи. Формирование женского лидерства/Нье Чжи. — Пекин: Издательство газеты Гуанмин жибао, 2012. — 204 с.)
163. 牛天秀. 性别正义视域下当代中国女性参政研究, 南京: 南京师范大学出版社, 2013. — 198 p. (Ню Тяньсю. Исследование участия женщин в политике современного Китая в перспективе гендерной справедливости/Ню Тяньсю. — Нанкин: Издательство Нанкинского педагогического университета, 2013. — 198 с.)
164. 上海妇女志 / 荒砂, 孟燕坤主编; 上海妇女志编纂委员会编, 上海: 上海社会科学院出版社, 2000. — 779 p. (Анналы шанхайских женщин / под ред. Хуан Ша, Мэн Янькунь; сост. Редакционный комитет «Анналы шанхайских женщин». — Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2000. — 779 с.)
165. 师凤莲. 当代中国女性政治参与问题研究, 济南: 山东大学出版社, 2011. — 256 p. (Ши Фэнлянь. Исследование проблемы политического участия женщин в современном Китае/Ши Фэнлянь. — Цзинань: Издательство Шаньдунского университета, 2011. — 256 с.)
166. 宋青红. 巾帼力量: 女性精英群体探微(1931-1945), 上海: 上海远东出版社, 2024. — 568 p. (Сун Цинхун. Сила женщин: Исследование женских элитных групп (1931-1945)/Сун Цинхун. — Шанхай: Шанхайское дальневосточное издательство, 2024. — 568 с.)
167. 谭一青. 蒋介石与美国, 北京: 中国青年出版社, 2012. — 324 p. (Тань Ицин. Чан Кайши и США/Тань Ицин. — Пекин: Издательство молодежи Китая, 2012. — 324 с.)
168. 铁军战歌: 新四军和华中抗日根据地诗词集 / 毋瞩远主编; 中国新四军和华中抗日根据地研究会编, 南京: 江苏人民出版社, 2017. — 280 p. (Боевая песнь железного корпуса: сборник стихов о Новой четвертой армии Китая и тыловых анти-японских базах в Центральном Китае / под ред. У Чжуюаня; сост. Китайское общество по изучению Новой четвертой армии Китая и тыловых анти-японских баз в Центральном Китае. — Нанкин: Издательство народа Цзянсу, 2017. — 280 с.)
169. 铁凝. 玫瑰门, 北京: 人民文学出版社, 2006. — 482 p. (Те Нин. Врата роз/Те Нин. — Пекин: Народное литературное издательство, 2006. — 482 с.)

170. 铁凝. 哦, 香雪, 天津: 天津人民美术出版社, 2003. — 64 p. (Те Нин. О Сянсюэ/Те Нин. — Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное художественное издательство, 2003. — 64 с.)
171. 王爱枝. 数风流人物: 毛泽东与民主人士的交往, 太原: 山西人民出版社, 2015. — 294 p. (Ван Айчжи. Великие люди эпохи: общение Мао Цзэдуна с демократическими деятелями/Ван Айчжи. — Тайюань: Издательство народа Шаньси, 2015. — 294 с.)
172. 习近平. 论坚持党对一切工作的领导. 北京: 中央文献出版社, 2019. — 319 p. (Си Цзиньпин. О соблюдении руководства партии во всех сферах деятельности/Си Цзиньпин. — Пекин: Издательство центральных документов, 2019. — 319 с.)
173. 习近平关于妇女儿童和妇联工作论述摘编 / 中共中央党史和文献研究院编, 北京: 中央文献出版社, 2023. — 98 p. (Сборник высказываний Си Цзиньпина о женщинах, детях и работе Федерации женщин / сост. Академия исследований истории и документов при ЦК КПК. — Пекин: Издательство центральных документов, 2023. — 98 с.)
174. 萧心力. 我的选择: 六十三位中共高级干部自述, 北京: 中央党校出版社, 1998. — 574 p. (Сяо Синьли. Мой выбор: автобиографии шестидесяти трех высокопоставленных кадровых работников КПК/Сяо Синьли. — Пекин: Издательство Центральной партийной школы, 1998. — 574 с.)
175. 谢凤华, 刘敏华. 中国政坛女性大寻踪, 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1999. — 462 p. (Се Фэнхуа, Лю Минхуа. Масштабный поиск женщин на политической арене Китая/Се Фэнхуа, Лю Минхуа. — Хух-Хото: Издательство народа Внутренней Монголии, 1999. — 462 с.)
176. 新中国妇女参政的足迹 / 新中国妇女参政的足迹编写组编, 北京: 中共党史出版社. 1998. — 217 p. (Следы участия женщин в политической жизни нового Китая / авт. коллектив. — Пекин: Издательство истории КПК, 1998. — 217 с.)
177. 杨霞. 当代中国女性公共参与意识培育, 北京: 社会科学文献出版社, 2019. — 225 p. (Ян Ся. Формирование сознания публичного участия женщин в современном Китае/Ян Ся. — Пекин: Издательство социальных наук, 2019. — 225 с.)
178. 叶文振. 女性学概论, 厦门: 厦门大学出版社, 2020. — 420 p. (Е Вэньчжэня, Введение в женоведение/Е Вэньчжэня. — Сямынь: Издательство Сямэньского

университета, 2020. — 420 с.)

179. 英汉妇女与法律词汇释义 / 谭兢嫦, 信春鹰主编, 北京: 中国对外翻译出版公司, 1995. — 411 p. (Англо-китайский словарь терминов по вопросам женщин и права / под ред. Тань Цзинчан, Синь Чуньин. — Пекин: Издательство по внешнему переводу Китая, 1995. — 411 с.)

180. 张东原. 中国妇女生活史, 北京: 商务印书馆, 2015. — 340 p. (Чжан Дунъюань. История жизни китайских женщин/Чжан Дунъюань. — Пекин: Коммерческое издательство, 2015. — 340 с.)

181. 张青红. 新中国成立初期协商民主探索与实践, 广州: 华南理工大学出版社, 2022. — 242 p. (Чжан Цинхун. Исследование и практика консультативной демократии в ранний период после основания КНР/Чжан Цинхун. — Гуаньджоу: Издательство Южно-Китайского технологического университета, 2022. — 242 с.)

182. 赵冰波. 君子十讲, 郑州: 河南人民出版社, 2024. — 167 p. (Чжао Бинбо. Десять лекций о благородном муже/Чжао Бинбо. — Чжэнчжоу: Издательство народа Хэнань, 2024. — 167 с.)

183. 郑光仪. 中国历代才女诗歌鉴赏辞典, 北京: 中国工人出版社, 1991. — 2099 p. (Чжэн Гуаньи. Словарь-комментарий по поэзии талантливых женщин различных династий Китая/Чжэн Гуаньи. — Пекин: Издательство китайских рабочих, 1991. — 2099 с.)

184. 中共党史人物传: 统战与国际友人卷(下) / 陈志凌主编; 中国中共党史人物研究会编, 北京: 中国党史出版社, 2010. — 491 p. (Биографии деятелей истории КПК: Единый фронт и иностранные друзья (Часть 2) / под ред. Чэнь Чжилина; сост. Исследовательское общество по изучению деятелей истории КПК. — Пекин: Издательство истории КПК, 2010. — 491 с.)

185. 中共中央党史研究室. 中国共产党历史 (第二卷), 北京: 中共党史出版社, 2011. — 1074 p. (Институт партийной истории ЦК КПК. История Коммунистической партии Китая. Т. 2. — Пекин: Издательство истории КПК, 2011. — 1074 с.)

186. 中国当代妇女百科全书 / 袁益明主编, 北京: 光明日报出版社, 1997. — 1484 p. (Энциклопедия знаний о современных женщинах Китая / под ред. Юань Имин. — Пекин: Издательство газеты Гуанмин жибао, 1997. — 1484 с.)

187. 中国妇女儿童状况统计资料 / 国家统计局社会科技和文化产业统计司编, 北京: 中国统计出版社, 2024. — 170 p. (Статистические данные о положении женщин и детей в Китае / под ред. Государственное статистическое управление КНР. Департамент статистики общества, науки и техники и культуры. — Пекин: Издательство «Статистика Китая», 2024. — 170 с.).
188. 朱爱岚(Judd E.R.). 国家与市场之间的中国妇女 / 蔡一平, 胡玉坤译, 江苏人民出版社, 2024. — 229 p. (Джудд Э.Р. Женщины Китая между государством и рынком/Э.Р. Джудд; пер. Цай Ипин, Ху Юйкунь. — Нанкин: Народное Издательство Цзянсу, 2024. — 229 с.)

Статьи в периодической печати:

189. Айвазова С.Г. Женское движение в России: традиции и современность/С.Г. Айвазова // Общественные науки и современность. — 1995. — № 2. — С. 121-130.
190. Алтынбекова Г. Гендерное измерение политического участия: новые концепции и подходы/Г. Алтынбекова // Евразийское сообщество: общество, политика, культура. — 1999. — № 2. — С. 69-72.
191. Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе/Е.В. Андрюшина, Н.С. Григорьева // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 1. — С.140-144.
192. Бай Ужилига. Особенности освещения позиции женщины-политика в медиа/Бай Ужилига // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — № 2 (111). — С. 532-534.
193. Беликова М.В., Латинов Г.И. Современная гендерная политика в России и Китае/М.В. Беликова, Г.И. Латинов // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 3. — С. 151-161.
194. Белова Д.Н. Роль женщин в обществе и культуре Китая/Д.Н. Белова // Культура и искусство. — 2023. — № 6. — С. 40-55.
195. Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России/Г.Ф. Беляева // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2008. — № 1. — С. 143-164.
196. Брединхин С.Н., Серебрякова С.В., Лиховид А.А. Динамика восприятия

- гендерных ролей: сравнительно-сопоставительный анализ между США и Россией/С.Н. Брединхин, С.В. Серебрякова, А.А. Лиховид // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2020. — № 2. — С. 92-103.
197. Воронина О.А. Теоретические, эмпирические и политические аспекты гендерных исследований в России/О.А. Воронина // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2023. — № 2. — С. 84-92.
198. Григорьева Н.С. Актуальное состояние исследований по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин/Н.С. Григорьева // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 111-139.
199. Григорьева Н.С., Жохова А.А. Женщины в британском политическом процессе в новейшее время: ролевой анализ/Н.С. Григорьева, А.А. Жохова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2022. — № 1-3. — С. 393-403.
200. Данилевская Н.В., Ху Сяосюэ. Русская и китайская «успешная женщина»: восприятие и толкование современниками/Н.В. Данилевская, Ху Сяосюэ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2014. — № 3 (27). — С. 42-53.
201. Дашеева В.В., Хандархаева В.В. Философское учение 阴阳 инь-ян в китайской культурной традиции/В.В. Дашеева, В.В. Хандархаева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2022. — № 2. — С. 17-24.
202. Дунаева О.Н. Преодоление насилия в семье в современном Китае. Гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства (часть 1)/О.Н. Дунаева // Викимнология. — 2021. — Т. 8. — № 3. — С. 226-240.
203. Жань Итун. К вопросу о развитии женского образования в современном Китае/Жань Итун // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2023. — № 3(68). — С. 48-52.
204. Зайцев А.В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае/А.В. Зайцев // Мир русскоговорящих стран. — 2020. — № 1(3). — С. 35-46.
205. Иващенко Т.В. Формы и факторы участия молодежи в политической системе КНР/Т.В. Иващенко // Мир русскоговорящих стран. — 2023. — № 4(18). — С. 27-39.

206. Ивлева Т.А. Гендерная политика в современной России: основная проблематика/Т.А. Ивлева // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 5. — С. 108-115.
207. Ильченко М.В. Особенности социального положения женщины в Китае/М.В. Ильченко // Социология. — 2019. — № 3. — С. 127-130.
208. Кашина М.А. Модернизация семьи в России и Китае: роль государства/М.А. Кашина // Управленческое консультирование. — 2020. — № 8(140). — С. 175-190.
209. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Национальные стратегии действий в интересах женщин: в поисках государственной модели гендерной политики в современной России/Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин // Politbook. — 2023. — № 4. — С. 93-110.
210. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция/Т.А. Королева // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 368. — С. 44-50.
211. Кортелева А.В. Трансформация гендерных стереотипов в китайском обществе/А.В. Кортелева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 12-1. — С. 58-60.
212. Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти/Е.В. Кочкина // Общественные науки и современность. — 1999. — № 1. — С. 173-183.
213. Любимова В.А. Влияние интернет-опросов на политическое администрирование в КНР/В.А. Любимова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2020. — № 2(63). — С. 62-66.
214. Михайлова О.В., Петропольский Д.И. Женщины и мужчины в борьбе за политическое лидерство в современных западных демократиях: факторный анализ/О.В. Михайлова, Д.И. Петропольский // Женщина в российском обществе. — 2025. — № 4. — С. 23-37.
215. Низова Ю.А. Взгляд на гендерное равенство в сфере труда в Китае с точки зрения поколений/Ю.А. Низова // Казанский вестник молодых ученых. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 132-141.
216. Новоторкина Д.А. Социальное благополучие женщин в КНР/Д.А. Новоторкина // Уральское востоковедение. — 2024. — № 14. — С. 125-131.

217. Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации/О.Г. Овчарова // Человек. Сообщество. Управление. — 2016. — Т. 17. — № 2. — С. 70-81.
218. Поспелова О.В. Интерсекционный подход в социальной и политической теории/О.В. Поспелова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2014. — № 1. — С. 57-64.
219. Раренко А.А. «Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае/А.А. Раренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1(895). — С. 149-154.
220. Ребрикова А.Г. Женское представительство в органах государственной власти Российской Федерации в период с 1991 по 2023 гг./А.Г. Ребрикова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2024. — № 105. — С. 65-79.
221. Риккер Ю.О. Мировые тенденции формирования андрогинного типа гендерной идентичности (на примере КНР)/Ю.О. Риккер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7-1(33). — С. 159-162.
222. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы/Т.Б. Рябова // Женщина в Российском обществе. — 2001. — №3-4. — С. 3-12.
223. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы/Т.Б. Рябова, О.Г. Овчарова // Женщина в российском обществе. — 2016. — № 1(78). — С. 3-23.
224. Семенов А.А. Консультации, контроль и обратная связь: роль НПКСК в политической системе Китая /А.А. Семенов // 70 лет современному китайскому государству: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН/отв. ред. А.В. Виноградов. — М.: ИДВ РАН, 2019. — С. 151-160.
225. Си Фуюань. Оценка реализации социальной составляющей устойчивого развития: опыт России и Китая/Си Фуюань // Экономика и управление. — 2024. —

Т. 30. — № 4. — С. 425-437.

226. Скосырев В.А. Низовая демократия в Китае: подходы к оценке/В.А. Скосырев // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2020. — № 3. — С. 108-116.

227. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России/А. Темкина, А. Роткирх // Социологические исследования. — 2002. — № 11. — С.4-15.

228. Ткаченко Т.В. Взаимодействие государственных органов и общества в КНР в рамках Регламента об открытой государственной информации: политико-правовой аспект/Т.В. Ткаченко // Теории и проблемы политических исследований. — 2024. — Т. 13. — № 6А. — С. 81-97.

229. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии/О.А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. — 2011. — № 3. — С. 4-12.

230. Aldrich A.S., Daniel W.T. The Consequences of Quotas: Assessing the Effect of Varied Gender Quotas on Legislator Experience in the European Parliament/A.S. Aldrich, W.T. Daniel // Politics & Gender. — 2020. — Vol. 16. — No. 3. — P. 738-767.

231. Alexander A.C. Change in Women's Descriptive Representation and the Belief in Women's Ability to Govern: A Virtuous Cycle/A.C. Alexander // Politics & Gender. — 2012. — Vol. 8. — No. 4. — P. 437-464.

232. Alexander A.C., Jalalzai F. Symbolic Empowerment and Female Heads of States and Government: A Global, Multilevel Analysis/A.C. Alexander, F. Jalalzai // Politics, Groups, and Identities. — 2020. — Vol. 8. — No. 1. — P. 24-43.

233. Ames R.T. Taoism and the Androgynous Ideal/R.T. Ames // Historical Reflections / Réflexions Historiques. — 1981. — Vol. 8. — No. 3. — P. 21-45.

234. An L., Qin Y., Wu J., et al. The Local Labor Market Effect of Relaxing Internal Migration Restrictions: Evidence from China/L. An, Y. Qin, J. Wu, et al. // Journal of Labor Economics. — 2024. — Vol. 42. — No. 1. — P. 161-200.

235. Barnes T.D., Holman M.R. Gender Quotas, Women's Representation, and legislative Diversity/T.D. Barnes, M.R. Holman // The Journal of Politics. — 2020. — Vol. 82. — No. 4. — P. 1271-1286.

236. Barnes T.D., O'Brien D.Z. Defending the Realm: The Appointment of Female Defense Ministers Worldwide/T.D. Barnes, D.Z. O'Brien // American Journal of Political Science. — 2018. — Vol. 62. — No. 2. — P. 355-368.
237. Bauer G., Burnet J.E. Gender, Quotas, Democracy and Women's Representation in Africa: Some Insights from Democratic Botswana and Autocratic Rwanda/G. Bauer, J.E. Burnet // Women's Studies International Forum. — 2013. — Vol. 41. — P. 103-112.
238. Bauer N.M. Emotional, Sensitive, and Unfit for Office? Gender Stereotype Activation and Support Female Candidates/N.M. Bauer // Political Psychology. — 2015. — Vol. 36. — No. 6. — P. 691-708.
239. Benewick R. Tong I., Howell J. Self-governance and Community: A Preliminary Comparison between Villagers' Committees and Urban Community Councils/R. Benewick, I. Tong, J. Howell // China Information. — 2004. — Vol. 18. — No. 1. — P. 11-28.
240. Bian H. The Orientation and Significance of Confucian Gender Culture for Women/H. Bian // Open Access Library Journal. — 2023. — Vol. 10. — P. 1-7.
241. Blair J.G. The Dual Governing System of the People's Republic of China/J.G. Blair // Journal of Public Affairs. — 2016. — Vol. 16. — No. 2. — P. 111-117.
242. Bratton K.A. Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures/K.A. Bratton // Politics & Gender. — 2005. — Vol. 1. — No. 1. — P. 97-125.
243. Campbell D.E., Wolbrecht C. See Jane Run: Women Politicians as Role Models for Adolescents/D.E. Campbell, C. Wolbrecht // The Journal of Politics. — 2006. — Vol. 68. — No. 2. — P. 233-247.
244. Celis K., Childs S. The Substantive Representation of Women: What to Do with Conservative Claims? / K. Celis, S. Childs // Political Studies. — 2012. — Vol. 60. — No. 1. — P. 213-225.
245. Chege J.N. African Women's Journey Towards Gender Equality and Social Transformation/J.N. Chege // Reviewed Journal International of Business Management. — 2020. — Vol. 2. — No. 1. — P. 11-21.
246. Chen C. State-run Feminism in China: Who Has Been Empowered? A Critical Discourse Analysis On Women of The Year (2017-2021) in China Women's

- News/C. Chen // The Asian Conference on Media, Communication & Film 2023: Official Conference Proceedings. — 2023. — P. 105-126.
247. Chen L., Tang B., Qin J., et al. The Impact of Digital Village Development on Rural Women's Participation in Village Governance in China/L. Chen, B. Tang, J. Qin, et al. // Chinese Political Science Review. — 2025. — Vol. 10. — P. 412-439.
248. Chen M. "Innocent Young Girls": The Search for Female Provincial Leaders in China/M. Chen // The China Quarterly. — 2022. — Vol. 251. — P. 751-775.
249. Childs S., Withey J. Women Representatives Acting for Women: Sex and the Signing of Early Day Motions in the 1997 British Parliament/S. Childs, J. Withey // Political Studies. — 2004. — Vol. 52. — No. 3. — P. 552-564.
250. Chubarova T., Grigorieva N. International Knowledge Transfer and Russian Social Policy: The Case of Gender Mainstreaming/T. Chubarova, N. Grigorieva // Global Social Policy. — 2021. — Vol. 21. — No. 1. — P. 96-116.
251. Collins P.H., Da Silva E.C.G., Ergun E., et al. Intersectionality as Critical Social Theory/ P.H. Collins, E.C.G. Da Silva, E. Ergun, et al. // Contemporary Political Theory. — 2021. — Vol. 20. — No. 3. — P. 690-725.
252. Corbett C., Voelkel J., Cooper M., et al. Pragmatic Bias Impedes Women's Access to Political Leadership/C. Corbett, J. Voelkel, M. Cooper, et al // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2022. — Vol. 119. — No. 6. — DOI: [10.1073/pnas.2112616119](https://doi.org/10.1073/pnas.2112616119).
253. Cox G.W., Fiva J.H., Smith D.M. The Contraction Effect: How Proportional Representation Affects Mobilization and Turnout/G.W. Cox, J.H. Fiva, D.M. Smith // The Journal of Politics. — 2016. — Vol. 78. — No. 4. — P. 1249-1263.
254. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics/K.Crenshaw // University of Chicago Legal Forum. — 1989. — No. 1. — P. 139-167.
255. Dahlerup D. From a Small to A Large Minority: Women in Scandinavian Politics/D. Dahlerup // Scandinavian Political Studies. — 1988. — Vol. 11. — P. 275-298.
256. Dayican B. Online Political Activities as Emerging Forms of Political Participation: How Do They Fit In The Conceptual Map?/B. Dayican // Acta Politica. — 2014. — Vol. 49. — No. 3. — P. 342-346.

257. Dingler S.C., Kroeber C. Myths About Women in the Political Executive – How Gender Stereotypes Shape the Way MPs Assess The Competences of Ministers/S.C. Dingler, C. Kroeber // *Political Research Quarterly*. — 2023. — Vol. 76. — No. 3. — P. 1403-1417.
258. Distelhorst G. The Power of Empty Promises: Quasi-Democratic Institutions and Activism in China/G. Distelhorst // *Comparative Political Studies*. — 2017. — Vol. 50. — P. 464-498.
259. Donno D., Kreft A.K. Authoritarian Institutions and Women's Rights/D. Donno, A.K. Kreft // *Comparative Political Studies*. — 2019. — Vol. 52. — No. 5. — P. 720-753.
260. Duerst-Lahti G. Governing Institutions, Ideologies, and Gender: Toward the Possibility of Equal Political Representation/G. Duerst-Lahti // *Sex Roles*. — 2002. — Vol. 47. — No. 7. — P. 371-388.
261. Eagly A.H., Karau S.J. Role Congruity Theory of Prejudice Toward Female Leaders/A.H. Eagly, S.J. Karau // *Psychological Review*. — 2002. — Vol. 109. — No. 3. P. 573-598.
262. Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M.M. Getting to the Top: Career Paths of Women in Latin American Cabinets/M. Escobar-Lemmon, M.M. Taylor-Robinson // *Political Research Quarterly*. — 2009. — Vol. 62. — No. 4. — P. 685-699.
263. Evans H. The Gender of Communication: Changing Expectations of Mothers and Daughters in Urban China/H. Evans // *The China Quarterly*. — 2010. — Vol. 204. — P. 980-1000.
264. Farris C.S. The Gender of Child Discourse: Same - Sex Peer Socialization Through Language Use in a Taiwanese Preschool/C.S. Farris // *Journal of Linguistic Anthropology*. — 2008. — Vol. 1. — No. 2. — P. 198-224.
265. Feng X., Hou Y., Liu M. Underrepresented Outperformers: Female Legislators in the Chinese Congress/X. Feng, Y. Hou, M. Liu // *The China Quarterly*. — 2024. — Vol. 257. — P. 59-74.
266. Fernandez J.J., Valiente C. Gender Quotas and Public Demand for Increasing Women's Representation in Politics: An Analysis of 28 European Countries/J.J. Fernandez, C. Valiente // *European Political Science Review*. — 2021. — Vol. 13. — No. 3. — P. 351-370.

267. Franceschet S., Piscopo J.M. Gender Quotas and Women's Substantive Representation: Lessons from Argentina/S. Franceschet, J.M. Piscopo // *Politics and Gender*. — 2008. — Vol. 4. — No. 3. — P. 393-425.
268. Gaetano A. Leftover Women: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China/A. Gaetano // *Journal of Research in Gender Studies*. — 2014. — Vol. 4. — No. 2. — P. 124-149.
269. Grey S. Does Size Matter? Critical Mass and New Zealand's Women MPs/S. Grey // *Parliamentary Affairs*. — 2002. — Vol. 55. — No. 1. — P. 19-29.
270. He B., Warren M.E. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development/B. He, M. Warren // *Perspectives on Politics*. — 2011. — Vol. 9. — P. 269-289.
271. Heath R.M., Schwindt-Bayer L.A., Taylor-Robinson M.M. Women on the Sidelines: Women's Representation on Committees in Latin American Legislatures/R.M. Heath, L.A. Schwindt-Bayer, M.M. Taylor-Robinson // *American Journal of Political Science*. — 2005. — Vol. 49. — No. 2. — P. 420-436.
272. Hentschel T., Heilman M.E., Peus C.V. The Multiple Dimensions of Gender Stereotypes: A Current Look at Men's and Women's Characterizations of Others and Themselves/T. Hentschel, M.E. Heilman, C.V. Peus // *Frontiers in Psychology*. — 2019. — Vol. 10. — DOI: [10.3389/fpsyg.2019.00011](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00011).
273. Howell J. Women's political participation in China: In whose Interests Elections?/J. Howell // *Journal of Contemporary China*. — 2006. — Vol. 15. — No. 49. — P. 603-619.
274. Howell J. Women's Political Participation in China: Struggling to Hold Up Half the Sky/J. Howell // *Parliamentary Affairs*. — 2002. — Vol. 55. — P. 43-56.
275. Jacka T., Sargeson S. Representing women in Chinese village self-government/T. Jacka, S. Sargeson // *Critical Asian Studies*. — 2015. — Vol. 47. — No. 4. — P. 477-494.
276. Jacob S., Scherpereel J.A., Adams M. Gender Norms and Women's Political Representation: A Global Analysis of Cabinets, 1979-2009/S. Jacob, J.A. Scherpereel, M. Adams // *Governance*. — 2014. — Vol. 27. — No. 2. — P. 321-345.
277. Jiang X., Zhou Y. When socialist legacy meets international norms: Gender quota adoption and institutional change in China/X. Jiang, Y. Zhou // *Journal of Contemporary*

China. — 2025. — Vol. 34. — No. 151. — P. 161-180.

278. Kittilson M.C., Schwindt-Bayer L. Engaging Citizens: The Role of Power-Sharing Institutions/M.C. Kittilson, L. Schwindt-Bayer // *The Journal of Politics*. — 2010. — Vol. 72. — No. 4. — P. 990-1002.

279. Komarovsky M. Cultural contradictions and sex roles/M. Komarovsky // *American Journal of Sociology*. — 1946. — Vol. 52. — No. 3. — P. 184-189.

280. Krook M.L. Electoral Gender Quotas: A Conceptual Analysis/M.L. Krook // *Comparative Political Studies*. — 2014. — Vol. 47. — No. 9. — P. 1268-1293.

281. Krook M.L. Violence Against Women in Politics/M.L. Krook // *Journal of Democracy*. — 2017. — Vol. 28. — No. 1. — P. 74-88.

282. Krook M.L., O'Brien D.Z. All The President's Men? The Numbers and Portfolio Allocations of Female Cabinet Ministers/M.L. Krook, D.Z. O'Brien // *Journal of Politics*. — 2012. — Vol. 74. — No. 3. — P. 840-855.

283. Krook M.L., Norris P. Beyond Quotas: Strategies to Promote Gender Equality in Elected Office/M.L. Krook, P. Norris // *Political Studies*. — 2014. — Vol. 62. — No. 1. — P. 2-20.

284. Li X., Li H. Women's Studies in China/X. Li, H. Li // *NWSA Journal* — 1989. — Vol. 1. — No. 3. — P. 458-460.

285. Li Y. Women's Movement and Change of Women's Status in China/Y. Li // *Journal of International Women's Studies*. — 2000. — Vol. 1. — No. 1. — P. 30-40.

286. Liu F. Boys As Only-Children And Girls As Only-Children—Parental Gendered Expectations Of The Only-Child In The Nuclear Chinese Family In Present-Day China/F. Liu // *Gender And Education*. — 2006. — Vol. 18. — No. 5. — P. 491-505.

287. Liu S.J.S. Cracking Gender Stereotypes? Challenges Women Political Leaders Face/S.J.S. Liu // *Political Insight*. — 2019. — Vol. 10. — No. 1. — P. 12-15.

288. Liu X., Zhao X. Starkey H. Ideological and Political Education in Chinese Universities: Structures and Practices/X. Liu, X. Zhao, H. Starkey // *Asia Pacific Journal of Education*. — 2023. — Vol. 43. — No. 2. — P. 586-598.

289. Lu S.F.D., Lu J.L.D. The Electoral Quota – a Form of Gender Quota to Increase Women's Participation in Parliament: A Quantitative Study from a Survey in the Middle East/S.F.D. Lu, J.L.D. Lu // *Journal of International Women's Studies*. — 2020. — Vol. 21. — No. 6. — P. 391-404

290. Luo M.S., Chui E.W.T. Gender Division of Household Labor in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns/M.S. Luo, E.W.T. Chui // *Journal of Family Issues*. — 2018. — Vol. 39. — No. 12. — P. 3153-3176.
291. Mendelberg T., Karpowitz C.F., Goedert N. Does Descriptive Representation Facilitate Women's Distinctive Voice? How Gender Composition and Decision Rules Affect Deliberation/T. Mendelberg, C.F. Karpowitz, N. Goedert // *American Journal of Political Science*. — 2014. — Vol. 58. — No. 2. — P. 291-306.
292. Mohanty C.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses/C.T. Mohanty // *Boundary 2*. — 1984. — Vol. 12/13. — P. 333-358.
293. Palašćáková D., Liadskyi I., Senko I. Gender Aspects of Social Intelligence Management in the Context of Civic and Political Engagement/D. Palašćáková, I. Liadskyi, I. Senko // *Journal of Women's Entrepreneurship and Education*. — 2023. — Special Issue. — P. 92-108.
294. Paxton P. Women in National Legislatures: A Cross-National Analysis/P. Paxton // *Social Science Research*. — 1997. — Vol. 26. — No. 4. — P. 442-464.
295. Paxton P., Hughes M.M., Painter M.A. Growth in Women's Political Representation: A Longitudinal Exploration of Democracy, Electoral Systems and Gender Quotas/P. Paxton, M.M. Hughes, M.A. Painter // *European Journal of Political Research*. — 2010. — Vol. 49. — No. 1. — P. 25-52.
296. Rojas H., Puig-i-Abril E. Mobilizers Mobilized: Information, Expression, Mobilization and Participation in the Digital Age/H. Rojas, E. Puig-i-Abril // *Journal of Computer-Mediated Communication*. — 2009. — Vol. 14. — No. 4. — P. 902-927.
297. Sawyer M. Constructing Democracy/M. Sawyer // *International Feminist Journal of Politics*. — 2003. — Vol. 5. — No. 3. — P. 361-365.
298. Schneider M.C. Bos A.L. The Application of Social Role Theory to the Study of Gender in Politics/M.C. Schneider, A.L. Bos // *Political Psychology*. — 2019. — Vol. 40. — P. 173-213.
299. Schwindt-Bayer L.A. Still Supermadres? Gender and the Policy Priorities of Latin American Legislators/L.A. Schwindt-Bayer // *American Journal of Political Science*. — 2006. — Vol. 50. — No. 3. — P. 570-585.
300. Smith J.L., Paul D., Paul R. No Place for a Women: Evidence for Gender Bias in Evaluations of Presidential Candidates/J.L. Smith, D. Paul, R. Paul // *Basic and Applied*

Social Psychology. — 2007. — Vol. 29. — No. 3. — P. 225-233.

301. Somani A.A. The Use of Gender Quotas in America: Are Voluntary Party Quotas the Way to Go? / A.A. Somani // William & Mary Law Review. — 2013. — Vol. 54. — No. 4. — P. 1451-1488.

302. Song Q., Han L., Lee C. Gender and Bureaucratic Overload in the Grassroots State: Work–Life Choices of Female Civil Servants in Rural China/Q. Song, L. Han, C. Lee // The China Quarterly. — 2025. — Vol. 263. — P. 649-665.

303. Su F. Gender Inequality in Chinese Politics: An Empirical Analysis of Provincial Elites/F. Su // Politics & Gender. — 2006. — Vol. 2. — No. 2. — P. 143-163.

304. Sun S., Chen F. Reprivatized Womanhood: Changes in Mainstream Media's Framing of Urban Women's Issues in China, 1995–2012/ S. Sun, F. Chen // Journal of Marriage and Family. — 2015. — Vol. 77. — No. 5. — P.1091-1107.

305. Tang L., Horta H. Women Academics in Chinese Universities: A Historical Perspective/L. Tang, H. Horta // Higher Education. — 2021. — Vol. 82. — No. 5. — P. 865-895.

306. Theocharis Y., De Moor J., Van Deth J.W. Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation/Y. Theocharis, J. De Moor, J.W. Van Deth // Policy & Internet. — 2021. — Vol. 13. — No. 1.— P. 30-53.

307. Tripp A.M., Kang A.J. The Global Impact of Gender Quotas: On the Fast Track to Increased Female Legislative Representation/A.M. Tripp, A.J. Kang // Comparative Political Studies. — 2008. — Vol. 41. — No. 3. — P. 338-361.

308. Tsai W.H. Women in Traditional Chinese Politics: The Lives and Careers of Empresses Lü, Wu, and Tz'u-Hsi/W.H. Tsai // Chinese Studies. —1991. — Vol. 9. — No. 2. — P.183-212.

309. Tsai W.H., Liao X. A Mechanism of Coded Communication: Xinwen Lianbo and CCP Politics/W.H. Tsai, X. Liao // Modern China. —2021. —Vol. 47. —P. 569-597.

310. Van Deth J.W. A Conceptual map of Political Participation/J.W. Van Deth // Acta Politica. — 2014. — Vol. 49. — P. 349-367.

311. Vitak J., Zube P., Smock A., et al. It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election/J. Vitak, P. Zube, A. Smock, et al. // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. — 2011. — Vol. 14. — No. 3. — P. 107-114.

312. Walsh D. A Feminist Approach to Quotas and Comparative Politics/D. Walsh //

Politics & Gender. — 2013. — Vol. 9. — No. 3. — P. 322-328.

313. Wang C., Ma L., Christensen T. Does leadership gender representativeness improve policy outcomes? Evidence from local governments in China/C. Wang, L. Ma, T. Christensen // *Public Administration*. — 2024. — Vol. 102. — No. 4. — P. 1558-1577.

314. Wang H. A Review on The Non-government Diplomacy of All-China Women's Federation (1949-2018)/H. Wang // *Academic Journal of Humanities & Social Sciences*. — 2020. — Vol. 3. — No. 6. — P. 111-121.

315. Wolbrecht C., Campbell D.E. Leading by Example: Female members of Parliament as Political Role Models/C. Wolbrecht, D.E. Campbell // *American Journal of Political Science*. — 2007. — Vol. 51. — No. 4. — P. 921-939.

316. Wu G. Command Communication: The Politics of Editorial Formulation in the People's Daily/G. Wu // *The China Quarterly*. — 1994. — Vol. 137. — P. 194-211.

317. Wu Y.P., Wu J.F., Chen Y.M., et al. Shyness and School Adjustment Among Chinese Preschool Children: Examining The Moderating Effect of Gender and Teacher-Child Relationship/Y.P. Wu, J.F. Wu, Y.M. Chen, et al. // *Early Education and Development*. — 2015. — Vol. 26. — No. 2. — P. 149-166.

318. Xu H., Luke N., Short S. E. Women's Political Leadership and Adult Health: Evidence from Rural and Urban China/H. Xu, N. Luke, S. E. Short // *Journal of Health and Social Behavior*. — 2021. — Vol. 62. — No. 1. — P. 100-118.

319. Xu Y. Gender-Diverse Practitioners in Early Years Education and Care (EYEC): A Cross-Cultural Study of Scotland, Hong Kong, and Mainland China/Y. Xu // *Early Years*. — 2020. — Vol. 40. — No. 1. — P. 109-124.

320. Yang J. Women in China Moving Forward: Progress, Challenges and Reflections/J. Yang // *Social Inclusion*. — 2020. — Vol. 8. — No. 2. — P. 23-35.

321. Yi Y. Preliminary Review of Women's Studies Organizations in Modern China/Y. Yi // *Collection of Women's Studies*. — 2000. — Vol. 2. — P. 34-38.

322. Yoder J.D. Rethinking Tokenism: Looking Beyond Numbers/J.D. Yoder // *Gender & Society*. — 1991. — Vol. 5. — No. 2. — P. 178-192.

323. Yuval-Davis N. Women, Citizenship and Difference/N. Yuval-Davis // *Feminist Review*. — 1997. — Vol. 57. — No. 1 — P. 4-27.

324. 曾迪洋, 原璐璐. “去性别化”与“再性别化”: 新中国工业劳动体制中性别关系的塑造 // *学习与探索*. 2022. No. 4. P. 21-28. (Цзэн Диян, Юань Лулу.

«Дегендеризация» и «регендеризация»: формирование гендерных отношений в системе промышленного труда в Китае/Цзэн Диян, Юань Лулу // Обучение и исследование. — 2022. — № 4. — С. 21-28.)

325. 谌贻琴. 牢记嘱托砥砺前行 为强国建设民族复兴伟业贡献“半边天”力量 // 求是. 2023. No. 22. P. 38-42. (Чэнь Ицинь. Помним наказ, продвигаемся вперед с удвоенной силой, вносим вклад половины неба в великое дело строительства могущественной страны и возрождения нации/Чэнь Ицинь // Цюши. — 2023. — № 22. — С. 38-42.)

326. 党新. 吴桂贤: 在纺织女工与副总理之间 // 人事天地. 2008. No. 5. P. 14-15. (Дан Синь. У Гуйсянь: между ткачихой и вице-премьером/Дан Синь // Кадровый мир. — 2008. — № 5. — С. 14-15.)

327. 邓伟志, 吴良蓉. 中国妇女理论研究十年回顾 // 福建论坛(经济社会版). 1990. No. 3. С. 46-48. (Дэн Вэйчжи, У Лянжун. Десятилетний обзор исследований теории о женщинах в Китае/Дэн Вэйчжи, У Лянжун // Фуцзяньский форум (экономика и общество). — 1990. — № 3. — С. 46-48.)

328. 丁娟. 回顾与前瞻: 关于改革开放以来马克思主义妇女理论创新与发展的思考 // 中华女子学院学报. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 5-10. (Динь Цзюань. Прошлое и будущее: размышления об инновациях и развитии марксистской теории о женщинах со времени реформ и открытости/Динь Цзюань // Вестник Китайского женского университета. — 2009. — Т. 20. — № 1. — С. 5-10.)

329. 杜芳琴. 华夏族性别制度的形成及其特点 // 浙江学刊. 1998. No. 3. P. 47-52. (Ду Фанцин. Формирование гендерной системы китайской нации и ее особенности/Ду Фанцин // Чжэцзянский академический журнал. — 1998. — № 3. — С. 47-52.)

330. 冯克正. 唯女子与小人为难养也“辨” // 理论界. 2021. No. 11. P. 21-29. (Фэн Кэчжэн. Только женщин и мелочных людей трудно управлять: разбор и уточнение/Фэн Кэчжэн // Теоретическое сообщество. — 2021. — № 11. — С. 21-29.)

331. 冯小桐. 中国古代女德教育文献综述, 社会科学动态. 2019. No. 4. P. 110-119. (Фэн Сяотун. Обзор литературы по женскому нравственному воспитанию в древнем Китае/Фэн Сяотун // Социальная наука в динамике. — 2019. — № 4. — С. 110-119.)

332. 郅敏. 中国妇女解放话语中的“家务劳动光荣”与性别关系再造(1956–1958), 新闻春秋. 2024. No. 4. P. 86-95. (Гао Минь. Переосмысление гендерных отношений и дискурс «домашний труд — почетен» в китайском движении за освобождение женщин (1956–1958)/Гао Минь // История журналистики. — 2024. — № 4. — С. 86-95.)
333. 顾秀莲. 国际妇女运动的发展与中国的男女平等基本国策 // 外交学院学报. 2005. No. 1. P. 5-12. (Гу Сюлянь. Развитие международного женского движения и основная государственная политика Китая по обеспечению равноправия мужчин и женщин/Гу Сюлянь // Вестник Дипломатической академии Китая. — 2005. — № 1. — С. 5-12.)
334. 国家行政学院课题组. 影响女性领导干部发展的主要因素及对策建议 // 中国妇运. 2015. No. 4. P. 24-26. (Основные факторы, влияющие на развитие женщин-руководителей, и предложения по их преодолению/Исследовательская группа Государственной академии управления // Китайское женское движение. — 2015. — № 4. — С. 24-26.)
335. 何黎萍. 二十世纪初苏俄妇女解放观在中国的传播与影响 // 中共党史研究. 2012. No. 12. P. 78-87. (Хэ Липинь. Распространение и влияние представлений об освобождении женщин в Советской России в Китае в начале XX века/Хэ Липинь // Исследования по истории Коммунистической партии Китая. — 2012. — № 12. — С. 78-87.)
336. 黄禹康. 吴桂贤大起大落的人生之路, 党史博采(下). 2007. No. 7S. P. 30-32. (Хуан Юйкан. Жизненный путь взлетов и падений У Гуйсянь/Хуан Юйкан // Исторический обзор партии (нижний выпуск). — 2007. — № 7S. — С. 30-32.)
337. 贾淑荣, 李濛. 文化认同视阈下北方游牧民族婚姻习俗的变迁——以辽金元为例 // 吉林师范大学学报: 人文社会科学版. 2022. Vol. 50. No. 5. P. 35-41. (Цзя Шужун, Ли Мэн. Изменения брачных обычаев северных кочевых народов с точки зрения культурной идентичности – на примере династий Ляо, Цзинь и Юань/Цзя Шужун, Ли Мэн // Журнал педагогического университета Цзилинь: Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 50. — № 5. — С. 35-41.)
338. 蒋冉, 张超民. 乡村振兴背景下村委会干部队伍结构的优化趋势及其成因——基于 2021 年安徽省 30 个村村委会换届选举的考察 // 安徽乡村振兴研究. 2023.

№ 5. Р. 52-61. (Цзян Жань, Чжан Чаоминь. Тенденции оптимизации структуры кадрового состава сельских комитетов в условиях стратегии возрождения деревни и их причины: на примере выборов 2021 года в 30 деревнях провинции Аньхой/Цзян Жань, Чжан Чаоминь // Исследования возрождения сельских районов Аньхой. — 2023. — № 5. — С. 52-61.)

339. 康晓强. 人民团体与立法协商: 功能结构及其限度——以全国妇联参与《反家暴法》立法为例 // 科学社会主义. 2019. № 5. Р. 136-143. (Кан Сяоцян. Народные организации и законодательные консультации: функциональная структура и ее пределы (на примере участия Всекитайской федерации женщин в разработке Закона «О противодействии домашнему насилию»)/Кан Сяоцян // Научный социализм. — 2019. — № 5. — С. 136-143.)

340. 李俊斌, 赵欣. 百年来中国共产党坚持党管干部原则的实践经验阐释 // 桂海论丛. 2024. Vol. 40. No. 3. Р. 56-68. (Ли Цзюньбинь, Чжао Синь. Анализ практического опыта КПК в реализации принципа «партия управляет кадрами» на протяжении столетий/Ли Цзюньбинь, Чжао Синь // Гуйхай луныцунь. — 2024. — Т. 40. — № 3. — С. 56-68.)

341. 李渺. 从社会主义核心价值观解读“男女平等” // 昌吉学院学报. 2015. No. 1. Р. 1-6. (Ли Мяо. Интерпретация «равенства мужчин и женщин» с позиции основных социалистических ценностей/Ли Мяо // Вестник Чанцзиского университета. — 2015. — № 1. — С. 1-6.)

342. 李明舜. 进一步贯彻落实男女平等基本国策完善相关制度规则 // 中华女子学院学报. 2022. Vol. 34. No. 4. Р. 10-12. (Ли Миншунь. О дальнейшем претворении в жизнь основной государственной политики гендерного равенства и совершенствовании соответствующих институциональных норм/Ли Миншунь // Вестник Китайского женского университета. — 2022. — Т. 34. — № 4. — С. 10-12.)

343. 李英桃. 国际合作与性别平等: 目标设定与方向探讨 // 妇女研究论丛. 2021. No. 1. Р. 8-12. (Ли Интао. Международное сотрудничество и гендерное равенство: определение целей и направления развития/Ли Интао // Исследования по проблемам женщин. — 2021. — № 1. — С. 8-12.)

344. 李长真, 王蕾. 略论宋庆龄妇女观的时代价值及当代启示, 西部学刊. 2021. No. 2. Р. 131-133. (Ли Чанчжэнь, Ван Лэй. О современной ценности и современном

значении взглядов Сун Цинлин на женщин/Ли Чанчжэнь, Ван Лэй // Западный журнал. — 2021. — № 2. — С. 131-133.)

345. 林宁. 想起吴仪的“裸退” // 党政论坛. 2014. No. 9. P. 63. (Лин Нин. Вспоминая полный уход на покой У И/Лин Нин // Журнал партийных и правительственных исследований. — 2014. — № 9. — С. 63.)

346. 刘灿, 杜春娥. 暴力三角理论视域下网络性别暴力的成因及治理措施探究 // 新闻传播科学. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 96-100. (Лю Цань, Ду Чуньэ. Исследование причин и мер управления гендерным насилием в сети в рамках теории «треугольника насилия»/Лю Цань, Ду Чуньэ // Наука о новостях и коммуникациях. — 2024. — Т. 12. — № 1. — С. 96-100.)

347. 刘明翔. 社会主义核心价值观引领先进性别文化建设研究 // 广东经济. 2017. No. 2X. P. 259-260. (Лю Минсян. Исследование роли основных социалистических ценностей в продвижении прогрессивной гендерной культуры/Лю Минсян // Экономика Гуандуна. — 2017. — № 2X. — С. 259-260.)

348. 刘醒. 从女权主义视角下看如何构建和谐社会 // 改革与开放. 2016. No. 1. P. 91-92. (Лю Син. Построение гармоничного общества с точки зрения феминизма/Лю Син // Реформы и открытость. — 2016. — № 1. — С. 91-92.)

349. 刘永吉. 中国性别平等话语权应对西方中心主义话语体系的挑战和发展路径 ——兼论全球性别平等指数对中国的评价 // 中华女子学院学报. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 98-105. (Лю Юнцзи. Проблемы и пути развития китайского гендерного дискурса в ответ на западно-центричную систему — с анализом оценки Китая в глобальных гендерных индексах/Лю Юнцзи // Журнал Китайского женского университета. — 2022. — Т. 34. — № 4. — С. 98-105.)

350. 柳华文. 中国妇女权利发展 100 年: 从强烈的政治担当到日臻完善的法律保障 // 人权. 2021.No. 5. P. 68-90. (Лю Хуавэнь. Столетнее развитие прав женщин в Китае: от сильной политической ответственности к все более совершенной правовой защите/Лю Хуавэнь // Права человека. — 2021. — № 5. — С. 68-90.)

351. 卢珊. 浅谈唐代妇女社会地位变化的原因 // 中国故事. 2023. No. 10. P. 39-43. (Лу Шань. Краткий обзор причин изменения социального статуса женщин в эпоху Тан / Лу Шань // Китайские истории. — 2023. — № 10. — С. 39-43.)

352. 曲雯, 陈慧平. 妇联在承担政府推进性别平等职能中的作用研究 // 妇女研究论丛. 2006. No. S2. P. 110-114. (Цюй Вэнь, Чэнь Хуэйпин. Исследование роли Федерации женщин в выполнении правительственных функций по продвижению гендерного равенства/Цюй Вэнь, Чэнь Хуэйпин // Исследования по проблемам женщин. — 2006. — № S2. — С.110-114.)
353. 芮少辉, 宋彦辉. “菊石之谊”——宋庆龄与何香凝的革命情谊 // 征程. 2024. No. 2. P. 46-50. (Жуй Шаохуэй, Сун Яньхуэй. Дружба Хризантемы и Камня: революционные связи Сун Цинлин и Хэ Сянин/Жуй Шаохуэй, Сун Яньхуэй // Путь. — 2024. — № 2. — С. 46-50.)
354. 沈跃跃. 贯彻落实习近平总书记系列重要讲话精神 进一步推动妇女权益保障法全面有效实施——在全国妇联纪念妇女权益保障法颁布 25 周年暨全国维护妇女儿童权益先进集体和先进个人表彰大会上的讲话 // 中国妇运. 2017. Vol. 4. P. 4-7. (Шэнь Юэюэ. Реализация духа серии важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина и дальнейшее содействие полному и эффективному исполнению Закона о защите прав женщин — речь на конференции, посвященной 25-летию со дня принятия Закона о защите прав женщин, и церемонии награждения передовых коллективов и личностей по защите прав женщин и детей // Женское движение Китая. — 2017. — № 4. — С. 4-7.)
355. 史晓婷. 芳华竞展,映照时代荣光——中国妇女第十三次全国代表大会主题人物素材 // 作文与考试(高中版). 2024. No. 1. P. 54-55. (Ши Сяотин. Расцвет юности, отражающий славу эпохи: материалы о ключевых фигурах X III Всекитайского съезда женщин/Ши Сяотин // Сочинение и экзамен (версия для старшей школы). — 2024. — № 1. — С. 54-55.)
356. 宋静静. 马克思主义妇女观的形成、实践及时代价值研究, 佳木斯大学社会科学学报. 2023. Vol. 41. No. 6. P. 17-23. (Сун Цзинцзин. Исследование формирования, практики и современной ценности марксистского взгляда на женщин/Сун Цзинцзин // Вестник социальных наук Цзямусского университета. — 2023. — Т. 41. — № 6. — С. 17-23.)
357. 苏亦工. 法宜容情——古人为何以孝治天下? // 清华法学. 2019. Vol. 13. No. 5. P. 80-92. (Су Игун. Закон должен снисходить к человеческим чувствам: почему в

древности Поднебесной управляли через сыновнюю почтительность?/Су Игун // Журнал права Цинхуа. — 2019. — Т. 13. — № 5. — С. 80-92.)

358. 孙婷. 新时代贯彻落实男女平等基本国策的“三大宣言” // 重庆行政. 2023. Vol. 24. No. 5. P. 54-55. (Сун Тин. «Три декларации» о претворении в жизнь основной государственной политики гендерного равенства в новую эпоху/Сун Тин // Администрирование Чунцина. — 2023. — Т. 24. — № 5. — С. 54-55.)

359. 孙晓莉. 地方现任省级女性领导干部职业发展经历研究 // 行政管理改革. 2019. No. 3. P. 26-35. (Сунь Сяоли. Исследование профессионального развития действующих женщин-руководителей на провинциальном уровне в Китае/Сунь Сяоли // Реформа административного управления. — 2019. — № 3. — С. 26-35.)

360. 田仁来. 新时代创新地方女干部培养选拔工作的思考 // 领导科学论坛. 2024. No. 2. P. 27-30. (Тянь Жэньлай. Размышления о совершенствовании системы подготовки и отбора женщин-кадров на местном уровне в новую эпоху/Тянь Жэньлай // Форум по лидерским наукам. — 2024. — № 2. — С. 27-30.)

361. 王小平. 五十年代肃反运动的来龙去脉探究, 西部学刊. 2014. No. 4. P. 14-21. (Ван Сяопин. Исследование причин и последствий кампании по борьбе с контрреволюционными элементами 1950-х годов/Ван Сяопин // Западный журнал. — 2014. — № 4. — С. 14-21.)

362. 乌尼日, 王贞. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之三) // 广西党史. 2004. No. 2. P. 37-39. (У Ничжи, Ван Чжэнь. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (серия 3)/У Ничжи, Ван Чжэнь // История партии Гуанси. — 2004. — № 2. — С. 37-39.)

363. 乌尼日. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之二) // 广西党史. 2002. No. 4. P. 28-30. (У Нижи. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (серия 2)/У Нижи // История партии Гуанси. — 2002. — № 4. — С. 28-30.)

364. 乌尼日. 建国初期走上政坛的杰出女性(系列之一) // 广西党史. 2002. No. 3. P. 14-16. (У Ничжи. Выдающиеся женщины, вошедшие в политику в первые годы КНР (серия 1)/У Ничжи // История партии Гуанси. — 2002. — № 3. — С. 14-16.)

365. 武汉市社会科学院武汉市妇女干部学校联合课题组, 陶维兵, 曹虹, 等. 就业优先政策视野下武汉女性就业创业调查研究 // 武汉社会科学. 2023. No. 4. P. 36-44. (Совместная исследовательская группа Академии общественных наук г. Ухань и

Школы подготовки женщин-кадров г. Ухань, Тао Вэйбин, Цао Хун и др. Исследование занятости и предпринимательства женщин Уханя в рамках политики приоритета занятости/Тао Вэйбин, Цао Хун и др. // Уханьские социальные науки. — 2023. — № 4. — С. 36-44.)

366. 夏薇佳, 刘璐. 国际标准化组织性别平等工作动态与思考 // 中国标准化. 2023. No. 9. P. 229-233. (Ся Вэйцзя, Лю Лу. Динамика работы Международной организации по стандартизации (ISO) по вопросам гендерного равенства и размышления/Ся Вэйцзя, Лю Лу // Стандартизация Китая. — 2023. — № 9. — С. 229-233.)

367. 肖诗顺, 胡琴. 农村妇女小额担保贷款现状及国际经验借鉴 // 西南金融. 2013. No. 4. P. 52-55. (Сяо Шишун, Ху Цинь. Состояние микрокредитования сельских женщин под гарантии и заимствование международного опыта/Сяо Шишун, Ху Цинь // Юго-Западные финансы. — 2013. — № 4. — С. 52-55.)

368. 谢春涛. 纪念社会主义改造完成 40 周年学术讨论会观点综述 // 中共党史研究. 1996. No. 5. P. 92-96. (Се Чуньтао. Обзор мнений, представленных на научной конференции, посвященной 40-летию завершения социалистических преобразований/Се Чуньтао // Исследования по истории Коммунистической партии Китая. — 1996. — № 5. — С. 92-96.)

369. 徐家良. 公共政策制定过程: 利益综合与路径选择——全国妇联在《婚姻法》修改中的影响力 // 北京大学学报(哲学社会科学版). 2004. Vol. 41. No. 4. P. 95-102. (Сюй Цзялян. Процесс выработки публичной политики: агрегирование интересов и выбор траекторий — влияние Всекитайской федерации женщин на пересмотр Закона «О браке»/Сюй Цзялян // Вестник Пекинского университета (философия и социальные науки). — 2004. — Т. 41. — № 4. — С. 95-102.)

370. 徐亮亮. 村干部女性化发生机制研究——基于国家、社会与家庭的三维耦合分析 // 山西农业大学学报(社会科学版). 2025. Vol. 24. No. 6. P. 113-124. (Сюй Лянлян. Механизмы феминизации корпуса сельских кадров: трехмерный анализ взаимодействия государства, общества и семьи/Сюй Лянлян // Вестник Шаньсийского сельскохозяйственного университета (серия «Социальные науки»). — 2025. — Т. 24. — № 6. — С. 113-124.)

371. 许晓鹏. 影响女性干部职务晋升的不利因素及破解之策 // 领导科学.

2019. No. 1. P. 99-101. (Сюй Сяопэн. Неблагоприятные факторы, влияющие на продвижение женщин-кадров, и пути их преодоления/Сюй Сяопэн // Лидерская наука. — 2019. — № 1. — С. 99-101.)
372. 薛立强. 分类管理: 干部人事制度改革的基本路径 // 天津商业大学学报. — 2014. No. 1. P. 40-45. (Сюэ Лицян. Дифференцированное управление: базовый путь реформирования кадровой системы/Сюэ Лицян // Вестник Тяньцзиньского университета коммерции. — 2014. — № 1. — С. 40-45.)
373. 薛立强. 新中国 70 年干部人事制度的发展历程与基本经验 // 学习与探索. 2019. No. 8. P. 65-72. (Сюэ Лицян. Развитие и основные уроки кадровой системы в КНР за 70 лет/Сюэ Лицян // Учение и исследование. — 2019. — № 8. — С. 65-72.)
374. 杨麒君, 郭夏娟. 女性参与基层协商民主的数量代表如何影响实质代表——基于实地实验数据的分析 // 浙江社会科学. 2024. No. 11. P. 38-51. (Ян Цицзюнь, Го Сяцзюань. Как количественное представительство женщин в базовой консультативной демократии влияет на их содержательное представительство: анализ на основе полевых экспериментальных данных/Ян Цицзюнь, Го Сяцзюань // Чжэцзянские социальные науки. — 2024. — № 11. — С. 38-51.)
375. 叶童彤, 宋文里. 文化无意识视角下女性缠足的诠释学分析 // 湖北科技学院学报. 2023. Vol. 43. No. 6. P. 31-36. (Е Тонтонг, Сонг Вэньли. Герменевтический анализ женского бинтования ног с точки зрения культурного бессознательного/Е Тонтонг, Сонг Вэньли // Журнал Хубэйского научно-технического института. — 2023. — Т. 43. — № 6. — С. 31-36.)
376. 余晓艳. 女性主义视角下媒介建构女性领导干部形象研究 // 今传媒. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 129-132. (Ю Сяосянь. Исследование медиаконструирования образа женщин-руководителей с феминистской точки зрения/Ю Сяосянь // Современные медиа. — 2023. — Т. 31. — № 3. — С. 129-132.)
377. 臧健. 苏联对中国性别平等的影响——以 20 世纪 50 年代为例 // 妇女研究论丛. 2008. No. 2. P. 72-78. (Цзан Цзянь. Влияние Советского Союза на гендерное равенство в Китае: на примере 1950-х годов/Цзан Цзянь // Исследования по проблемам женщин. — 2008. — № 2. — С. 72-78.)
378. 张皓, 叶维维. 北上: 新中国成立前宋庆龄的心路历程 // 党的文献. 2011. No. 5. P. 80-88. (Чжан Хао, Е Вэйвэй. На север: духовный путь Сун Цинлин накануне

основания КНР/Чжан Хао, Е Вэйвэй // Документы партии. — 2011. — № 5. — С. 80-88.)

379. 张黎明. 逐步健全提高妇女地位的国家机制 // 妇女研究论丛. 2005. No. S1. P. 88-91. (Чжан Лимин. Постепенное совершенствование национального механизма повышения статуса женщин/Чжан Лимин // Исследования по проблемам женщин. — 2005. — № S1. — С. 88-91.)

380. 张晓燕. 宋庆龄、何香凝与妇女抗日救亡运动 // 传承. 2007. No. 5. P. 92-93. (Чжан Сяоянь. Сун Цинлин, Хэ Сяннин и женское антияпонское движение сопротивления/Чжан Сяоянь // Преемственность. — 2007. — № 5. — С. 92-93.)

381. 张永英. 在«妇女权益保障法»修改中强化妇联组织维护妇女权益基本职责的建议 // 中华女子学院学报. — 2022. — Vol. 34. — No. 4. — P. 17-19. (Чжан Юньин. Предложения по усилению базовых обязанностей организаций федерации женщин по защите прав и интересов женщин при пересмотре Закона «О защите прав и интересов женщин»/Чжан Юньин // Вестник Китайского женского университета. — 2022. — Т. 34. — № 4. — С. 17-19.)

382. 郑娜娜. 缔造未来: 宋庆龄儿童福利思想与实践研究, 山东女子学院学报. 2024. No. 1. P. 45-57. (Чжэн Нана. Создавая будущее: Исследование взглядов и практики Сун Цинлин в области детского благосостояния/Чжэн Нана // Вестник Шаньдунского женского университета. — 2024. — № 1. — С. 45-57.)

383. 郑玉敏. 推动中国法律的性别平等评估机制建立研究 // 山东女子学院学报. 2016. No. 2. P. 76-81. (Чжэн Юйминь. Исследование формирования механизма гендерной экспертизы законодательства в Китае/Чжэн Юйминь // Вестник Шаньдунского женского университета. — 2016. — № 2. — С. 76-81.)

384. 中国科协科普部. 刘延东听取«全民科学素质行动计划纲要»实施工作情况汇报 // 科协论坛. 2018. No. 1. P. 59. (Лю Яньдун заслушала отчет о реализации «Программы действий по повышению научной грамотности всего населения»/Отдел популяризации науки Китайского общества науки и техники // Форум научно-технических ассоциаций. — 2018. — № 1. — С. 59.)

385. 周艺荣. 唐宋女子继承制度研究 // 商界论坛. 2016. No. 31. P. 264. (Чжоу Ижун. Исследование системы наследования женщин в эпоху Тан и Сун/Чжоу Ижун // Бизнес-форум. — 2016. — № 31. — С. 264.)

386. 朱贝特. 孙春兰在上海调研指导疫情防控工作 // 中国物流与采购. 2022. No. 8. P. 15. (Чжу Бэйтэ. Инспекционная работа Сунь Чуньлань в Шанхае по вопросам профилактики и контроля эпидемии/Чжу Бэйтэ // Китайская логистика и закупки. — 2022. — № 8. — С. 15.)
387. 庄渝霞. 中国性别理论研究综述 // 学术交流. 2005. No. 6. P. 126-128. (Чжуан Юйся. Обзор исследований гендерной теории в Китае/Чжуан Юйся // Академический обмен. — 2005. — № 6. — С. 126-128.)

Диссертации и авторефераты:

388. Губанова Т.С. «Женский вопрос» и стереотипы феминности в общественно-политическом дискурсе СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1/Губанова Татьяна Сергеевна. — Самара, 2024. — 250 с.
389. 宋少鹏. 当代中国性别公正研究, 北京: 清华大学, 2006. — 238 p. (Сун Шаопэн. Исследование гендерной справедливости в современном Китае: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/Сун Шаопэн. — Пекин : Университет Цинхуа, 2006. — 238 с.)

Выступления и доклады политических деятелей:

390. 贯彻落实男女平等基本国策——顾秀莲副委员长为中央国家机关作报告 // 紫光阁. 2004. No. 10. P. 23-25. (Проведение в жизнь основополагающей государственной политики равенства мужчин и женщин — доклад заместителя председателя Гу Сюлянь перед центральными государственными органами // Журнал «Цзыгуангэ». — 2004. — № 10. — С. 23-25.)
391. 刘延东在贯彻落实«关于深化教育体制机制改革的意见»电视电话会议上讲话 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2017. (Выступление Лю Яньдун на телевизионном и телефонном совещании по реализации «Мнений об углублении реформы системы и механизмов образования» [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2017.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2017-10/09/content_5230421.htm.
392. 习近平. 在联合国大会纪念北京世界妇女大会 25 周年高级别会议上的讲话 // 中华人民共和国国务院公报. 2020. No. 29. P. 7-9. (Си Цзиньпин. Речь на заседании

высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН, посвященном 25-летию Всемирной конференции по положению женщин в Пекине/Си Цзиньпин // Бюллетень Государственного совета КНР. — 2020. — № 29. — С. 7-9.)

393. 习近平同全国妇联新一届领导班子成员集体谈话[电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2023. (Си Цзиньпин провел коллективную беседу с новыми членами руководства Всекитайской федерации женщин [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2023.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/yaowen/tupian/202310/content_6912745.htm.

Электронные ресурсы:

394. Gender Equality [Электронный ресурс] // IPU. — Режим доступа: <https://www.ipu.org/impact/gender-equality>.

395. Gender Equality Index 2025 [Электронный ресурс] // European Institute for Gender Equality. — Режим доступа: <https://eige.europa.eu/newsroom/news/save-date-gender-equality-index-2025>.

396. Gender in Chinese Philosophy [Электронный ресурс] // Internet Encyclopedia of Philosophy. — 2023. — Режим доступа: <https://seop.illc.uva.nl/entries/confucian-gender/>.

397. Global Gender Gap Report 2025 [Электронный ресурс] // Weforum. — Режим доступа: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf.

398. Monthly Ranking of Women in National Parliaments [Электронный ресурс] // IPU. — Режим доступа: <https://data.ipu.org/women-ranking/>.

399. Schwindt-Bayer L.A. Gender Quotas and Women's Political Participation in Latin America [Электронный ресурс] / L.A. Schwindt-Bayer // Paper from The Americas Barometer, Small Grants and Data Award Recipients. — 2011. — Режим доступа: https://www.vanderbilt.edu/lapop/insights/092611.BPA_Insights.pdf.

400. Varieties of Democracy (V-Dem) [Электронный ресурс] // V-dem. — Режим доступа: <https://v-dem.net>.

401. Women in Politics 2025 [Электронный ресурс] // UN Women. — Режим доступа: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2025-03/women-in-politics-2025-en.pdf>.

402. 1946 年宋庆龄文稿 «关于促成组织联合政府并呼吁美国人民制止他们的政府在军事上援助国民党的声明» [电子资源] // 上海市孙中山宋庆龄文物管理委员会.

2022. (Рукопись Сун Цинлин 1946 г. «Заявление о содействии созданию коалиционного правительства и призыве к американскому народу воспрепятствовать своему правительству оказывать военную помощь гоминьдану» [Электронный ресурс] // Шанхайский комитет по управлению культурным наследием Сунь Ятсена и Сун Цинлин. — 2022.) — Режим доступа: <https://www.sswgw.org.cn/wwdc/sqlww/6490.htm>.

403. 2016 年«中国妇女发展纲要(2011—2020 年)»统计监测报告 [电子资源] // 国家统计局. 2017-10-27. (Статистический мониторинговый отчет 2016 года по «Программе развития женщин Китая (2011—2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 27.10.2017.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1899707.html.

404. 2017 年«中国妇女发展纲要(2011—2020 年)»统计监测报告 [电子资源] // 国家统计局. 2018-11-09. (Статистический мониторинговый отчет 2017 года по «Программе развития женщин Китая (2011—2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 09.11.2018.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900138.html.

405. 2019 年«中国妇女发展纲要(2011—2020 年)»统计监测报告[电子资源] // 国家统计局. 2020-12-18. (Национальное статистическое бюро КНР. Статистический мониторинговый отчет 2019 года по «Программе развития женщин Китая (2011—2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 18.12.2020.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900945.html.

406. 2021 年«中国妇女发展纲要(2021—2030 年)»统计监测报告 [电子资源] // 国家统计局. 2023-04-20. (Статистический мониторинговый отчет 2021 года по «Программе развития женщин Китая (2021—2030 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 20.04.2023.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202304/t20230417_1938687.html.

407. 2022 年«中国妇女发展纲要(2021—2030 年)»统计监测报告 [电子资源] // 国家统计局. 2023-12-31. (Статистический мониторинговый отчет 2022 года по «Программе развития женщин Китая (2021—2030 гг.)» [Электронный ресурс] //

Национальное статистическое бюро КНР. — 31.12.2023.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231229_1946062.html.

408. 2023 年《中国妇女发展纲要(2021—2030 年)》统计监测报告 [电子资源] // 国家统计局. 2025-01-24. (Статистический мониторинговый отчет 2023 года по «Программе развития женщин Китая (2021—2030 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 24.01.2025.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250124_1958439.html.

409. 澄清对侨务工作的一些糊涂思想 // «人民日报». 1957 年 7 月 12 日. (Разъяснение некоторых ошибочных представлений о работе с хуацяо // Жэньминь жибао. — 1957. — 12 июля.) — Режим доступа: <https://cn.govopendata.com/renminribao/1957/7/12/4/>.

410. 第四期中国妇女社会地位调查主要数据情况分布 [电子资源] // 北京市妇女联合会. 2021. (Основные данные четвертого исследования социального положения женщин в Китае [Электронный ресурс] // Пекинская федерация женщин. — 2021.) — Режим доступа: http://www.bjwomen.gov.cn/fnw_2nd_web/static/articles/catalog_14/article_ff8080817dd8361c017df9a572710302/ff8080817dd8361c017df9a572710302.html.

411. 顾秀莲在深作和谐社会与妇女发展的报告[电子资源] // 深圳新闻网. 2007. (Гу Сюлянь выступила в Шэньчжэне с докладом «Гармоничное общество и развитие женщин» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного правительства г. Шэньчжэнь. — 2007.) — Режим доступа: https://www.sz.gov.cn/cn/xxgk/zfxxgj/zwdt/content/post_1617887.html.

412. 贵州省委书记, 省人大常委会主任 谌贻琴 [电子资源] // 新华网贵州频道. 2022. (Чэнь Ицин — секретарь провинциального комитета КПК в Гуйчжоу, председатель Постоянного комитета Собрании народных представителей провинции Гуйчжоу [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа (Гуйчжоуский региональный портал). — 2022.) — Режим доступа: http://www.gz.xinhuanet.com/2022-01/25/c_1126766149.htm.

413. 国务院副总理刘延东:深化卫生与健康事业改革发展奋力开创健康中国建设新局面 [电子资源] // 中华人民共和国国家卫生健康委员会. 2017. (Вице-премьер Госсовета Лю Яньдун: Углублять реформу и развитие здравоохранения, активно

открывать новую ситуацию в строительстве здорового Китая [Электронный ресурс] // Государственный комитет по делам здравоохранения КНР. — 2017.) — Режим доступа: <https://www.nhc.gov.cn/wjw/mtbd/201708/bc66e35319024c4dbb5a174089dc01d3.shtml>.

414. 刘延东同志简历 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2013. (Биография товарища Лю Яньдун [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2013.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/guoqing/2013-03/16/content_2583124.htm.

415. 男女平等作为基本国策几大时间节点 [电子资源] // 中国共产党新闻网. 2013. (Основные временные этапы становления равноправия мужчин и женщин в качестве основной государственной политики [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПК. — 2013.) — Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0314/c40531-20789934.html>.

416. 沈跃跃简历 [电子资源] // 新华网. 2018. (Резюме Шэнь Юэюэ [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 2018.) — Режим доступа: <https://www.12371.cn/2013/03/14/ARTI1363269627001667.shtml>.

417. 十四届全国人大妇女代表所占比重为历届最高 [电子资源] // 北京妇女网. 2023. (Доля женщин-депутатов во ВСНП X IV созыва стала самой высокой за всю историю [Электронный ресурс] // Пекинский женский интернет-портал. — 2023.) — Режим доступа: http://www.bjwomen.gov.cn/fnw_2nd_web/static/articles/catalog_14/article_ff80808185f5df260186906cd9da0e34/ff80808185f5df260186906cd9da0e34.html.

418. 孙春兰在河北调研: 落细落实各项防控措施 尽快阻断疫情扩散蔓延 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2021. (Сунь Чуньлань в ходе инспекционной поездки в провинцию Хэбэй: детальная реализация всех мер профилактики и контроля с целью как можно скорее пресечь распространение эпидемии [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2021.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2021-01/19/content_5581166.htm.

419. 孙春兰在吉林调研指导疫情防控工作 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2022. (Инспекционная работа Сунь Чуньлань в провинции Цилинь по вопросам профилактики и контроля эпидемии [Электронный ресурс] //

Центральное народное правительство КНР. — 2022.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-03/13/content_5678869.htm.

420. 孙春兰在新疆调研时强调 以刻不容缓的战时状态 尽快阻断疫情扩散蔓延 [电子资源] // 环球网. 2020. (Сунь Чуньлань в ходе инспекционной поездки в Синьцзян подчеркнула необходимость безотлагательных действий в режиме военного времени для скорейшего пресечения распространения эпидемии [Электронный ресурс] // портал Хуаньцю (новостной веб-сайт). — 2020.) — Режим доступа: <https://china.huanqiu.com/article/40a2EjoUm4R>.

421. 孙春兰主持召开国务院应对新型冠状病毒感染的肺炎疫情联防联控工作机制会议 [电子资源] // 中华人民共和国中央人民政府. 2020. (Сунь Чуньлань председательствовала на заседании Механизма совместной профилактики и контроля Государственного совета по реагированию на эпидемию пневмонии, вызванной новой коронавирусной инфекцией [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. — 2020.) — Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2020-01/24/content_5472048.htm.

422. 铁凝 [电子资源] // 中国作家网. 2011. (Тэ Нин [Электронный ресурс] // Сайт Союза китайских писателей. — 2011. — Режим доступа: <https://www.chinawriter.com.cn/fwzj/writer/84.shtml>.

423. 铁凝简历 [电子资源] // 中国共产党新闻网. 2023. (Биография Тэ Нин [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПК. — 2023.) — Режим доступа: <https://cpc.people.com.cn/n1/2023/0311/c64036-32641901.html>.

424. 为开好局起好步贡献半边天力量: 全国妇联主席沈跃跃对妇联工作提出 7 点要求 [电子资源] // 深圳新闻网. 2021. (Внести вклад «половины неба» в хорошее начало и уверенные шаги: Председатель Всекитайской федерации женщин Шэнь Юэюэ выдвинула 7 требований к работе женских федераций [Электронный ресурс] // Shenzhen News. — 2021.) — Режим доступа: https://www.sznews.com/news/content/2021-02/05/content_23954789.htm.

425. 一生献给中华民族奋起复兴的事业——纪念邓颖超同志诞辰 120 周年 [电子资源] // 共产党员网. 2024. (Вся жизнь, посвященная делу возрождения и подъема китайской нации — к 120-летию со дня рождения товарища Дэн Инчао

[Электронный ресурс] // Сайт «Коммунист Китая». — 2024.) — Режим доступа: <https://www.12371.cn/2024/02/04/ART11707001550170872.shtml>.

426. 中国妇女发展纲要(2011—2020 年) 中期统计监测报告[电子资源] // 国家统计局 . 2016-11-03. (Промежуточный статистический мониторинговый отчет по «Программе развития женщин Китая (2011—2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 03.11.2016.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1899316.html.

427. 中国妇女发展纲要(2011—2020 年) 终期统计监测报告[电子资源] // 国家统计局 . 2021-12-21. (Итоговый статистический мониторинговый отчет по «Программе развития женщин Китая (2011—2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро КНР. — 21.12.2021.) — Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1901316.html.